

Негосударственное образовательное частное учреждение
высшего образования
«Московский университет «Синергия»

На правах рукописи

Снытникова Наталия Валериевна

**ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В
КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ**

Специальность: 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

д.ю.н., профессор

Левушкин Анатолий Николаевич

Москва — 2025 г.

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Общие положения о добросовестности и злоупотреблении правом в корпоративных правоотношениях.....	34
§ 1. Понятие и правовая природа добросовестности в корпоративных правоотношениях.....	34
§ 2. Злоупотребление правом субъектами корпоративных правоотношений: сущность и правоприменение.....	56
§ 3. Понятие и содержание прав участников корпоративных правоотношений как объект злоупотребления.....	77
Глава II. Реализация принципа добросовестности и противодействие злоупотреблению правом в корпоративных правоотношениях.....	91
§ 1. Реализация принципа добросовестности в контексте корпоративных правоотношений.....	91
§ 2. Установление, предупреждение и пресечение злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений.....	108
§ 3. Субсидиарная ответственность единоличного исполнительного органа хозяйственного общества как правовая форма противодействия злоупотреблению правом и недобросовестному поведению.....	121
Глава III. Виды злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений.....	145
§ 1. Общая характеристика видов злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений.....	145
§ 2. Злоупотребления преимущественным правом при покупке долей (акций) в уставном капитале хозяйственных обществ.....	163
§ 3. Злоупотребление правом при принудительном прекращении участия в корпорации.....	189
§ 4. Недобросовестное поведение и злоупотребление правом при эмиссии, обращении и учете корпоративных ценных бумаг.....	206
Заключение.....	229
Библиографический список.....	240

Введение

Актуальность темы исследования.

Социально-экономический аспект. Отношения, урегулированные нормами корпоративного права, характеризуются своей многогранностью – в такие правоотношения всегда вовлечено множество сторон, эти отношения являются многоуровневыми, имеют межотраслевое правовое регулирование. Поэтому формирование соответствующей системы различных средств правовой защиты участников корпорации, а также создание эффективного баланса между интересами корпорации и её членами является довольно сложной задачей и решаемым вопросом. Разрешение указанной задачи во многом обеспечивается посредством реализации добросовестного поведения в рамках корпоративных правоотношений и недопустимости злоупотребления правом субъектами.

Эффективное развитие корпоративных отношений, предпринимательства и привлечение инвестиций в Российской Федерации, равно как и создание комфортных условий для бизнеса и корпораций невозможно без надлежащего правового определения порядка регулирования корпоративных отношений между участниками корпорации и бизнес-партнерами на основе добросовестного поведения и недопустимости злоупотребления правом.

Актуальность темы исследования обуславливается также высокой значимостью функционирования корпораций в рамках гражданского оборота и предпринимательских отношений как основы экономического строя любого государства. Успешная, правомерная добросовестная деятельность корпораций, безусловно, способствует, помимо прочего, наполнению бюджета на всех уровнях, накоплению золотовалютных резервов, созданию благоприятной бизнес-среды для мобилизации средств, повышению уровня развития торгово-экономических отношений в государстве и на международном уровне. Это особенно актуально в современных непростых

экономических условиях, ведения санкций со стороны недружественных России государств.

Также можно говорить о вкладе хозяйственных обществ как участников экономического оборота и непосредственно корпоративных правоотношений в создание ВВП, в производство продукции; равно как и о накоплении трудовых навыков, стабилизации ситуации на рынке трудовых ресурсов в условиях экономических санкций по отношению к Российской Федерации.

Обеспечение экономической безопасности корпорации в условиях экономических санкций недружественных государств требует применения комплексных мер эффективного межотраслевого правового регулирования корпоративных отношений, направленных на обеспечение добросовестного поведения и недопустимости злоупотребления правом, с применением помощи государственных структур и силами самих субъектов корпоративных отношений. Очевидно, что стороны корпоративных отношений наделены широким кругом прав, причем большинство из них имеет безусловный характер. К сожалению, следует констатировать, что существует немало возможностей для злоупотребления правами со стороны участников корпоративных отношений.

В рыночной организации корпоративных отношений, где предприниматели сталкиваются с множеством рисков и угроз, обеспечение экономической безопасности становится одной из ключевых задач юридической деятельности и корпоративной практики. Правовая защита интересов участников корпоративных отношений включает в себя не только предотвращение корпоративных правонарушений, но и создание правового пространства, способствующего развитию бизнеса в рамках деятельности корпорации. Основные направления и принципы юридической деятельности в этой сфере направлены на защиту законных интересов компании, минимизацию корпоративных рисков и формирование устойчивой бизнес-среды.

Законодательный (нормотворческий) аспект. Актуальность

выбранной темы исследования подтверждает и значительный интерес законодателя к обозначенной в диссертации проблеме. Нормативная регламентация добросовестности и недопустимость злоупотребления правом претерпели ряд изменений, проанализированных в настоящей диссертационной работе. Безусловно, категории «добросовестность», «злоупотребление правом» не являются новеллами действующего отечественного законодательства, однако, законодательные формулировки вызывают много вопросов в правоприменительном процессе, корпоративной практике и, в целом, в сфере экономической деятельности. Полагаем, что сложность в правовом применении также объясняется тем, что категории «добросовестность», «злоупотребление правом» имеют оценочный характер, связаны с морально-нравственными ценностями и неоднозначно могут быть истолкованы применительно к реализации различных действий в рамках деятельности корпораций.

Особо отчетливо такая неоднозначность и неопределенность проявляется в рамках организационных управленческих корпоративных правоотношений. В бизнес-практике при управлении корпорациями именно недобросовестное поведение, злоупотребление правом как самими участниками, так и третьими лицами может быть катализатором и движущей силой рейдерских захватов предприятий, прекращения деятельности юридического лица и других негативных последствий для корпораций. Полагаем, что одним из эффективных механизмов предотвращения таких негативных последствий в корпоративной практике выступает корпоративный договор, который способствует защите прав и законных интересов участников корпораций. Именно для достижения этой цели корпоративный договор и предусмотрен действующим российским законодательством.

Юридическая деятельность по обеспечению экономической безопасности участников корпоративных отношений от недобросовестных действий основывается на комплексном межотраслевом подходе, который включает в

себя анализ законодательства, норм различных отраслей права, правоприменительной практики и актуальных корпоративных задач.

В современном частном праве институту корпоративного договора в рамках корпоративных правоотношений отведена роль юридического факта, правового инструмента и юридической конструкции, способствующей регулированию гражданско-правовых и корпоративных отношений. В качестве преимущества договорных корпоративных правоотношений следует отметить то обстоятельство, что субъекты гражданского, предпринимательского и корпоративного права, вступающие в частноправовые отношения на основании договора, выстраивают между собой отношения, основанные, в первую очередь, на сотрудничестве, а, во вторую, – на взаимопомощи в рамках деятельности корпораций¹.

Необходимо признать, что до настоящего времени действующим законодательством не закреплен единый порядок противодействия злоупотреблению корпоративным правом, в том числе - правом требовать принудительного прекращения участия в корпорации, а также судами не предусмотрен альтернативный или превентивный способ защиты добросовестного участника в рамках корпоративных правоотношений.

Необходимо констатировать, что количество неурегулированных спорных вопросов, связанных с правовым регулированием и применением добросовестности как принципа гражданского и корпоративного права, неуклонно растет в том числе из-за злоупотребления правом в корпоративном обороте. Данные негативные правовые явления требуют своего законодательного разрешения, а складывающиеся экономические, корпоративные отношения определяют необходимость придания им четкой законодательной определенности, недопустимости нарушения принципов добросовестности и запрета злоупотребления гражданским правом.

¹ См.: Пономарев Б. А. Соглашение о государственно-частном партнерстве в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2019. С. 12.

Доктринальный аспект. Актуальность работы усиливается недостаточным теоретическим исследованием многих доктринальных проблем, связанных с правовым регулированием добросовестного поведения и противодействия злоупотреблению правом участников корпоративных правоотношений. В доктрине частного права, в большинстве научных исследований добросовестность рассматривается односторонне, лишь через призму добросовестности приобретателя, что, как представляется, ограничивает возможности защиты прав участников экономической деятельности, субъектов предпринимательских и корпоративных отношений.

Проблематика установления правовой природы добросовестности и злоупотреблений в корпоративных отношениях имеет не только доктринальное, но и важное практическое применение, с целью установления баланса частноправовых экономических интересов и публичных потребностей общества и государства. К сожалению, отсутствие единой правовой позиции в отношении толкования и квалификации злоупотребления корпоративным правом, недобросовестного поведения в особенности в рамках корпоративной практики, на уровне организации деятельности крупных и мелких корпораций, порождает некоторую неоднозначность при применении норм права и, как следствие, невозможность реализовать частноправовые механизмы и правовые средства противодействия данному негативному правовому явлению в сфере правоприменения.

Актуальные вопросы диссертационного исследования позволяют систематизировать некоторую теоретическую базу в рамках корпоративного права, в частности, конкретизировать понятийный аппарат, выделить черты и признаки, характерные для реализации принципа добросовестности в сфере корпоративной деятельности и недопустимости злоупотребления корпоративным правом, установить возможности совершенствования корпоративного и иного специального законодательства в части норм, устанавливающих реализацию принципа добросовестности и ответственность

за злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений, совершение недобросовестных действий.

Тема также актуальна в связи с необходимостью дальнейшего эффективного развития и совершенствования теории гражданского и корпоративного права в части правового регулирования вопросов, связанных со злоупотреблением правом в корпоративных правоотношениях с учетом реализации принципа добросовестности, разработки предложений по совершенствованию российского корпоративного законодательства, в том числе регламентирующего правовые отношения, основанные на добросовестности корпоративного регулирования поведения субъектов экономической деятельности.

Правоприменительный аспект. Анализ судебно-арбитражной практики показывает расхождение позиций судов различных звеньев судебной системы при применении норм корпоративного законодательства, регулирующего отношения в рамках квалификации добросовестного поведения и злоупотребления правом. Для того чтобы разрешить правовые проблемы, возникающие в судебно-арбитражной практике в связи с реализацией принципа добросовестности и злоупотреблением правом в корпоративных правоотношениях, необходимо учитывать материалы частноправовых, экономических и корпоративных споров по вопросам регламентации имущественных и неимущественных корпоративных отношений при толковании и реализации данной группы правовых установлений.

В условиях современного рынка и глобализации экономических процессов обеспечение добросовестного поведения и недопустимости злоупотребления правом в рамках корпоративных правоотношений со стороны субъектов предпринимательской деятельности становится одной из ключевых задач для успешного развития корпоративной практики. Правовой режим добросовестного поведения субъектами корпоративных отношений определяют установление состояния защищённости корпоративных

интересов хозяйствующих субъектов от внутренних и внешних угроз со стороны контрагентов, третьих лиц, которые могут привести к экономическим потерям или нарушению нормального функционирования предприятия, приостановлению управленческих процессов в рамках деятельности корпораций. В связи с этим возникает необходимость в изучении правовых аспектов обеспечения добросовестного поведения и недопустимости злоупотребления правом со стороны субъектов экономической корпоративной деятельности.

Вместе с тем, в структуре корпоративных правоотношений злоупотребление правом и недобросовестное поведение со стороны участников корпораций порождает немало проблем правоприменительной направленности не только для эффективного достижения целей корпоративной организации, но и для экономики государства, обеспечения баланса частноправовых и публично-правовых интересов в обществе.

Как показал проведенный анализ, в порядке арбитражного судопроизводства количество рассмотренных Арбитражными судами дел (на всех уровнях) составило в 2019 г. – 1,908 млн., в 2020 г. – 1,879 млн., в 2021 г. – порядка 1,5 млн., в 2022 г. – 1,63 млн., в 2023 году – 1,7 млн., тогда как в 2024 г. – 174 млн. споров. Обратим внимание, что каждый год арбитражными судами рассматривается около 12000 споров корпоративной направленности (0,7–0,8% от общего количества экономических споров в арбитражных судах), однако, что особенно показательно, четверть из них разрешается Арбитражным судом города Москвы и Арбитражным судом Московской области².

Таким образом, актуальность темы представленного диссертационного исследования обусловлена отсутствием в российской правовой системе единой концепции добросовестности и предотвращения злоупотребления корпоративным правом. В современной российской судебной практике

² Данные судебной статистики Судебного департамента Верховного Суда РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 13.02.2025).

проблема запрета злоупотребления правом мало проработана, поэтому судами нормы ст. 10 ГК РФ применяются до сих пор достаточно осторожно и противоречиво. Анализ судебной практики показал, что суды опираются на рекомендации, выработанные Высшим Арбитражным Судом РФ, но по-разному толкуют нормы о запрете злоупотребления в рамках корпоративных правоотношений.

Одновременно в условиях стремительного развития цифровых технологий объективно назрела необходимость дальнейшего доктринального изучения и осмысления положительного опыта, накопленного в сфере корпоративного права при добросовестном поведении зарубежным законодателем и правоприменителем.

Объектом диссертационной работы выступают общественные отношения, возникающие в связи с обоснованием добросовестного поведения, реализацией принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

Предмет исследования составляют доктринальные источники, правовые нормы, регламентирующие добросовестности и недопустимость злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях, права и обязанности участников корпораций в Российской Федерации и отдельных зарубежных стран, а также соответствующая судебная. корпоративная и иная правоприменительная практика, складывающаяся в связи с злоупотреблением корпоративным правом и недобросовестным поведением субъектов корпоративных правоотношений.

Целью диссертационного исследования является формирование единой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных научных идей и положений, представляющих собой систему научных знаний о добросовестности и злоупотреблении правом в корпоративных правоотношениях в Российской Федерации, определение проблемных, неурегулированных вопросов и предложение путей их урегулирования,

направленных на реализацию принципа добросовестности и недопустимость злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

- определить понятие, изучить сущность и особенности добросовестности в корпоративных правоотношениях;
- выявить частноправовую природу и проблемы правоприменения при злоупотреблении правом в корпоративных правоотношениях;
- дать понятие и рассмотреть содержание прав участников корпоративных правоотношений как объект злоупотребления;
- установить особенности реализации принципа добросовестности в контексте корпоративных правоотношений;
- исследовать установление, предупреждение злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений и предложить пути пресечение таких противоправных действий;
- определить природу субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества как правовой формы противодействия злоупотреблению правом и недобросовестному поведению;
- раскрыть виды злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений и ответственность за их совершение;
- установить механизм злоупотребления преимущественным правом при покупке долей (акций) в уставном капитале хозяйственных обществ;
- дать характеристику и предложить пути недопустимости злоупотребления правом при принудительном прекращении участия в корпорации;
- выявить и указать особенности недобросовестного поведения и злоупотребления правом при эмиссии, обращении и учете корпоративных ценных бумаг.

Методологической основой диссертационного исследования является диалектический метод познания социально-экономических, правовых явлений и процессов. Методология представлена комплексом общих, специальных и частноправовых методов исследования правовых явлений и процессов в рамках корпоративных правоотношений.

При написании работы использованы общенаучные и частнонаучные методы познания: диалектический метод познания действительности, историко-правовой метод, методы формальной логики, аналогии, формально-юридический, структурно-системный метод, методы индукции и дедукции и другие.

В границах научного познания использовался метод комплексного исследования, который способствовал рассмотрению добросовестности и злоупотребления правом не только как вариантов поведения в правовом пространстве, но и как принципов права, правовые конструкции, оценочные категории, при квалификации которых в основу должен быть положен ценностный подход, но основанный на нормах российского права.

Диалектический метод и исторический метод научного познания способствуют созданию теоретической основы для исследования добросовестности в российском гражданском и корпоративном праве, недопустимости злоупотребления правом, т. к. рассматриваемые категории имеют общеправовую основу доктринального установления.

Использование метода аналогии позволяет применить существующие представления о добросовестности и злоупотреблении правом к рассматриваемым правовым явлениям, существующим в корпоративной практике, с целью эффективной реализации норм корпоративного законодательства.

Межотраслевой метод познания помогает раскрыть основные правовые формы выражения межотраслевых связей: в отношении юридических фактов, на уровне правовых форм, на стадии правоприменения в рамках корпоративных

правоотношений при злоупотреблении правом, в актах реализации прав и обязанностей субъектов корпоративных правоотношений, действия которых основаны на реализации принципа добросовестности.

Системный метод позволяет представить корпоративные правоотношения как определенную совокупность взаимообусловленных элементов: субъектов, объектов и содержания и раскрыть их специфику применительно к добросовестному поведению и противодействию злоупотреблению правом в деятельности корпораций. Также в рамках системного подхода, основанного на методе систематизации гражданского и корпоративного законодательства и доктринальных источников, установлены общая нормативная правовая доминанта добросовестности и злоупотребления правом, заключающиеся в многообразии взглядов к выяснению их правовой природы, способствующих выстраиванию системы научно-обоснованных положений в отношении формирования концепции добросовестности и злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

Сравнительно-правовой и логический методы познания правовых явлений незаменимы при анализе корпоративного законодательства и норм смежных отраслей права, а также практического материала деятельности организаций, в том числе, судебной и корпоративной практики. Сравнительно-правовой метод применялся и при проведении юридического анализа законодательства зарубежных государств с целью заимствования положительного опыта реализации добросовестного поведения и недопустимости злоупотребления правом субъектами корпоративных правоотношений.

С помощью формально-юридического метода исследуется специфика добросовестного поведения (деятельности) корпораций, возможного злоупотребления правом, характеризуются особенности реализации принципа добросовестности, виды злоупотреблений правом в корпоративных правоотношениях, в целях разработки и внесения предложений по

формированию правовых норм, направленных на совершенствование нормативного правового регулирования системы отношений, складывающихся при реализации добросовестного поведения и злоупотреблении правом в корпоративных правоотношениях.

Применение перечисленных методов в едином комплексе позволило осуществить системный анализ добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в российском гражданском и корпоративном праве.

Методологические основы настоящего диссертационного исследования построены на широком междисциплинарном и межотраслевом подходе, что учитывает объективные закономерности и достижения науки корпоративного права, общей философии и частноправовых отраслей. Именно применение подобного научно-обоснованного подхода позволило сделать выводы о добросовестности, реализации принципа добросовестности и злоупотреблениях правом в корпоративных правоотношениях, носящие сущностный и концептуальный правовой характер.

Теоретической основой исследования послужили труды таких ученых, как М.М. Агарков, Н.А. Айрапетов, О.Н. Бармина, В.А. Белов, Е.А. Брайцева, Л.Ю. Василевская, А.Б. Венгеров, В.В. Витрянский, А.С. Ворожевич, Г.А. Гаджиев, М.А. Головин, Б.М. Гонгало, В.П. Грибанов, Е.П. Губин, О.В. Гутников, Д.В. Дождев, Н.Г. Доронина, Н.А. Дурново, Л.А. Емелина, А.С. Еременко, С.Г. Зайцева, Т.В. Закупень, О.С. Иоффе, С.А. Карелина, М.Р. Коноводова, О.А. Кузнецова, А.В. Мазуров, А.Л. Маковский, А.А. Малиновский, Н.А. Механошина, С.Д. Могилевский, К.В. Нам, И.Б. Новицкий, И.А. Покровский, В.А. Рыбаков, Н.Г. Семилютина, К.И. Скловский, Я.А. Смирнова, Е.А. Суханов, Э.В. Талапина, Г.Д. Улетова, Е.А. Флейшиц, М.Д. Шаргородский, Г.Ф. Шершеневич, К.С. Шионок, Л.В. Щенникова и другие.

Также теоретическую основу диссертационной работы составили научные разработки и фундаментальные положения гражданского, корпоративного права, а именно работы таких ученых-юристов, как А.В.

Абросимов, Е.А. Анчишина, В.А. Анисимов, Н.В. Беребенья, М.И. Брагинский, Д. Б. Бодгаев, А.Ю. Бушев, Д. Д. Васильченко, В.В. Витрянский, А.В. Волков, А.А. Волос, А.В. Габов, О.И. Гентовт, В.П. Грибанов, В.Г. Голубцов, О. С. Груздев, Т.В. Дерюгина, В.В. Долинская, М. А. Душкина, А.В. Егоров, М.А. Егорова, Т.Б. Замотаева, Зайцев, О.В. Зайцев, С.Г. Зайцева, Р. А. Зейналова, М. А. Егорова, Ю. Ю. Жижерина, В. С. Игнатов, В.А. Лаптев, А. Н. Левушкин, Ю.Г. Лескова, Д.В. Ломакин, О. А. Макарова, В.А., Микрюков, П.С. Могилевский, О. И. Мягкова, К. В. Нам, С. А. Никифоров, Б. А. Пономарев, О.А. Поротикова, С.Д. Радченко, М. С. Сидоркина, С.А. Сеницын, Т. К. Сильвенойнен, Я.А. Смирнова, С. К. Соломин, Н.Г. Соломина, Д.И. Степанов, Д.П. Стригунова, А. А. Трешкина, К. А. Усачева, И. Г. Федин, Т. Х. Хаджимурадова, Ю.С. Харитонов, Е. А. Цатурян, А.М. Эрделевский, Г.С. Шапкина, Н.В. Шереметьева, В.Ф. Яковлев, Т.С. Яценко и другие.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции», Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Федеральный закон № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», Федеральный закон № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и иные нормативные правовые акты.

Эмпирической основой исследования выступают материалы судебно-арбитражной практики различных звеньев судебной системы Российской Федерации, корпоративная практика, статистические данные, а также фактический материал по проблематике добросовестности и злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях, общей теории права, гражданского и предпринимательского права и специальных цивилистических исследований.

Помимо этого, в настоящей работе использованы материалы судебного толкования Верховного Суда Российской Федерации и практики арбитражных судов, определяющих квалификацию добросовестного поведения и

злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений.

Разработанность темы исследования. Институт добросовестности и злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений является недостаточно изученным в российской частноправовой доктрине, в особенности, в науке корпоративного права. Рассмотрению отдельных аспектов частноправового регулирования реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом посвящены научные исследования специалистов в сфере корпоративного права. Юридическая сущность и классификация корпоративных прав (прежде всего, прав акционеров) в дореволюционный и советский периоды исследовались В.Ю. Вольфом, П.А. Писемским, П.А. Рудневым, И.Т. Тарасовым, Г.Ф. Шершеневичем.

На современном этапе различным аспектам корпоративных правоотношений и корпоративных прав в своих исследованиях уделяют внимание В.К. Андреев, А.В. Габов, О.В. Гутников, М.А. Егорова, А.Г. Карапетов, А.А. Кузнецов, В.А. Лаптев, О.А. Макарова, А.А. Маковская, В.А. Микрюков, С.Д. Могилевский, Г.Ф. Ручкина, С.А. Сеницын, Е.А. Суханов, И.С. Шиткина и другие ученые.

Наиболее полными, разносторонними исследованиями принципа добросовестности и злоупотребления правом, его причин, видов и форм представляются исследования, проведенные О.Н. Барминой, Т.В. Дерюгиной, Н.А. Дурново, С.Г. Зайцевой, А.А. Малиновским, А.Е. Наумовой, И.Э. Файзрахмановой и другими.

Выявлению особенностей, признаков, форм злоупотребления правом непосредственно участниками корпоративных правоотношений уделяется внимание в своих исследованиях М.А. Головиным, М.Р. Коноводовой, А.В. Мазуровым, Н.А. Механошиной, И.В. Михеевой, С.П. Овчинниковой, С.Д. Радченко, Ю.М. Радчиной, Я.А. Смирновой, Е.В. Чернокальцевой, К.С. Шионок.

Среди зарубежных ученых, которые изучали различные аспекты

реализации прав применительно к корпоративным отношениям в целом, и добросовестности, злоупотребления правом, в частности, следует назвать D'Angelo A., Black H.C., Colombo S., Manukka Jory., Puchta G., Reinhold S., Savigny F.C., Taussig E.B., Uda G.M., Wieacker F. и другие авторы.

Вышеуказанными авторами и другими исследователями был внесен значительный вклад в частноправовую доктрину и разработку вопросов, касающихся реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом участниками корпоративных отношений, их значения, реализации и содержания. Но на сегодняшний день отдельные вопросы остаются недостаточно исследованными и проработанными с точки зрения теории корпоративного права, а также судебной и корпоративной практики. Это касается следующих вопросов: реализации добросовестного поведения участниками корпоративных отношений, о целях, причинах и видах злоупотреблений корпоративным правом, способах установления злоупотреблений правом участниками корпоративных правоотношений, сущностных аспектах противодействия различным видам злоупотреблений корпоративным правом, что также актуализирует избранную для исследования тему.

Научная новизна исследования предопределяется поставленной целью исследования и сформулированными задачами и проявляется в комплексном подходе к исследованию добросовестности как социально-правового явления и злоупотребления правом участниками корпоративных отношений в российском правовом поле, в том числе, пределов осуществления корпоративных прав и видов злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений в Российской Федерации, а также теоретических и практических проблем установления и реализации принципа добросовестности и недопущения различных видов злоупотреблений корпоративным правом на основе норм действующего российского законодательства и правоприменительной корпоративной практики.

Также научная новизна исследования определяется выбором проблематики, которая до настоящего времени не получила детальной разработки на монографическом уровне и состоит в том, что оно является одним из первых комплексных научных исследований, направленных на обоснование добросовестности и выявление проблем, возникающих при злоупотреблении правом участниками корпоративных правоотношений в российском правовом пространстве.

В работе реализуется идея, направленная на гармонизацию традиционных духовно-нравственных ценностей и нормативных правовых установлений в рамках реализации добросовестности и недопустимости злоупотребления правом субъектами корпоративных прав.

В диссертации выявлена преемственность правового регулирования, определены критерии, обуславливающие особенности реализации принципа добросовестности злоупотребления правом в корпоративной сфере, сделаны предложения по изменению и дополнению законодательства в сфере рассматриваемых отношений.

Предложенные выводы направлены на обеспечение нормативной межотраслевой защиты интересов организаций и их участников от возможного причинения вреда недобросовестными действиями заинтересованных лиц в рамках корпоративных правоотношений.

В работе установлены и получили научное обоснование с проекцией на корпоративную практику, основные виды злоупотребления правом, совершаемые в рамках корпоративных правоотношений.

Диссертантом изучено современное состояние корпоративных связей, что привело к модернизации устоявшейся концепции относительно добросовестности и злоупотребления правом в деятельности корпораций, обеспечившей получение результатов, обладающих элементами научной новизны, по теме исследования.

На основе проведенного диссертационного исследования и

сделанных из него основных выводов на защиту выносятся следующие положения, содержащие научную новизну:

1. Предложен ценностный правовой подход к обоснованию правовой природы добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

В работе последовательно развивается идея, что исторически принцип добросовестности в корпоративных правоотношениях первично включает в себя этические установления, моральный компонент и нравственные начала и именно на их основе формируются правовые нормы и принципы добросовестного поведения субъектов корпоративных прав, устанавливаются внутренние волевые запреты на совершение недобросовестного поведения. Традиционные ценности, которые в действующем российском законодательстве закреплены на уровне Конституции Российской Федерации и отраслевого нормативного регулирования имеют приоритетное значение для субъектов корпоративных прав, нравственные предписания являются основой для добросовестного поведения в корпоративных отношениях.

Сделан вывод, что лишь при гармонизации традиционных духовно-нравственных ценностей и нормативных правовых установлений в рамках реализации принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом субъектами корпоративных прав, возможно достижение целей надлежащего урегулирования корпоративных отношений.

Тем самым для обеспечения добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в рамках корпоративных правоотношений предлагается двухуровневое регулирование:

- ценностный уровень регламентации поведения субъектов корпоративных прав, основанный на морально-нравственных предписаниях;
- правовое регулирование корпоративных отношений, включающее нормативное и договорное регулирование.

Первое положение соответствует п. 1, 3, 5, 6, 9 паспорта научной

специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

2. Выявлены и обоснованы сущностные характеристики добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях:

- добросовестность и недопустимость злоупотребления правом достигаются при синергетическом единстве частноправовых норм и ценностно-нравственных предписаний в рамках рискового характера осуществления корпоративных прав субъектами экономической деятельности и корпоративных правоотношений;

- реализация принципа добросовестности имеет приоритетное значение и направлена на конкретизацию норм частного права в сфере экономической деятельности при конвергенции норм частного и публичного права;

- осуществление предпринимательской и иной хозяйственной деятельности, а также корпоративных управленческих интересов на основе экономической эффективности и целесообразности;

- достижение основной цели в процессе осуществления предпринимательской деятельности - получение прибыли посредством реализации правомерного экономического и корпоративного интереса при исполнении корпоративных обязанностей, осуществлении корпоративных прав;

- осуществление корпоративных прав в соответствии с добросовестным, правомерным поведением, основанным на нравственно-правовых началах, не допускающих нарушений антимонопольного, налогового и иного законодательства, злоупотребления правом в данных правоотношениях;

- противодействие шикане и недобросовестной конкуренции в корпоративных правоотношениях;

- выбор добросовестного и благонадежного контрагента при должной осмотрительности в рамках заключения и исполнения обязательств в сфере предпринимательской деятельности, осуществления корпоративных прав и

исполнения корпоративных обязанностей;

- недопущение прикрытия недобросовестного поведения в корпоративных обязательствах, иной противоправной деятельности предпринимателями и субъектами корпоративных прав;

- прозрачность осуществления корпоративных прав, исполнение информационных корпоративных обязанностей, правовое подтверждение и сопровождение всех действий субъектов корпоративных правоотношений;

- добросовестность как частноправовой принцип-презумпция выступает гарантией эффективности экономической деятельности корпораций, обеспечения публичных интересов и стабильности корпоративных отношений.

Второе положение соответствует п. 1, 3, 5, 6, 7, 9, 15, 16, 17 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

3. Обязанность действовать добросовестно закреплена для лиц, обладающих фактической возможностью определять действия юридического лица, в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Сделан вывод о необходимости разграничения общегражданской обязанности действовать добросовестно, закреплённой в качестве презумпции в ст. 10 ГК РФ, и корпоративной обязанности действовать добросовестно и не злоупотреблять правом, отражённой в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Первая из указанных обязанностей существенно шире, относится ко всем участникам гражданского оборота. В то время как вторая - более специальная, относится к ограниченному кругу лиц – участникам корпоративных правоотношений.

Аргументировано, что общегражданская обязанность предполагает действовать добросовестно в собственных интересах. В то время как корпоративная обязанность предписывает совершение добросовестных действия в отношении подконтрольного юридического лица с соблюдением прав и интересов других лиц, публично-правовых образований.

Третье положение соответствует п. 5, 6, 7, 9, 10, 15 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

4. Определение сущности и природы злоупотребления правом субъектами корпоративных правоотношений как юридического феномена, целесообразно с позиции «теории интереса». Согласно этой концепции, ключевым признаком злоупотребления правом является отсутствие у корпораций, их должностных лиц, иных заинтересованных субъектов правомерного интереса для реализации принадлежащего им права. При этом субъекты корпоративных правоотношений могут преследовать цель нанесения вреда другим участникам, желать наступления «неблагоприятных последствий» для другого лица, нарушения интересов иных заинтересованных лиц.

Существование различных интересов создает благоприятную почву для злоупотребления правом, возникновения корпоративных конфликтов между участниками корпоративных правоотношений, недобросовестного поведения.

Обосновано, что во всех случаях злоупотребление корпоративным правом выступает в качестве недобросовестного осуществления соответствующего права. Определено, что при установлении злоупотребления корпоративным правом необходимо принимать во внимание и способ, которым было совершено нарушение, в частности, ненадлежащую реализацию субъектом собственного корпоративного права или исполнение обязанности.

Четвертое положение соответствует п. 3, 5 6, 9, 15, 16 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

5. В работе получило обоснование положение, согласно которому добросовестность и злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях есть правовая характеристика юридически значимого действия (деятельности), а именно: характеристика непосредственно субъекта корпоративных и предпринимательских правоотношений.

Определено, что деятельность корпораций по природе имея рисковый характер предопределяет потенциальную возможность злоупотребления участниками экономической деятельности своим правом в ущерб интересам

других субъектов корпоративных правоотношений, самого общества, а также третьих лиц, ввиду направленности такой деятельности субъектов предпринимательских правоотношений на максимизацию прибыли, причем в ситуации, пограничной с нарушением разноотраслевого российского законодательства.

Пределом осуществления корпоративного права в общем виде является требование добросовестности участника корпоративного оборота.

Пятое положение соответствует п. 6, 9, 10, 12, 15 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

6. В работе установлены и получили обоснование основные виды злоупотребления правом, совершаемые в рамках корпоративных правоотношений. К ним следует отнести:

1. Злоупотребление правом на участие в управлении хозяйственным обществом;
2. Злоупотребление правом на получение информации о деятельности общества;
3. Злоупотребления преимущественным правом при покупке долей (акций) в уставном капитале хозяйственных обществ;
4. Злоупотребление правом при принудительном прекращении участия в корпорации;
5. Злоупотребление правом на обращение в суд;
6. Злоупотребление правом требовать ликвидации общества;
7. Злоупотребление правом при эмиссии, обращении и учете корпоративных ценных бумаг.

Шестое положение соответствует п. 6, 9, 10, 12, 15, 16, 17 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

7. Установлено, что нередко корпорациями и их должностными лицами совершаются злоупотребления правом в рамках процедуры банкротства.

В законодательстве о банкротстве можно выделить такие основания

признания сделок должника – хозяйственного общества недействительными, как совершение сделок, направленных на уменьшение либо вывод активов должника, а также совершение сделок, направленных на создание кредиторской задолженности искусственным путем. Такие действия должны быть квалифицированы в качестве злоупотребления правом.

В первом случае речь может идти о двух группах сделок с соответствующими основаниями – об оспаривании подозрительных сделок, совершенных должником, а также об оспаривании сделок должника, совершенных с предпочтением.

Седьмое положение соответствует п. 5, 6, 7 9, 10 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

8. Обоснованы основные способы злоупотребления правом требования принудительного прекращения участия в корпорации, к которым относятся:

- захват корпоративного контроля;
- препятствие назначению избранной кандидатуры на должность единоличного исполнительного органа;
- заключение сделок с заинтересованностью и крупных сделок без участия в голосовании других участников и во вред их интересам и интересам корпорации;
- требование об исключении добросовестного участника после внесения им вклада.

Восьмое положение соответствует п. 6, 7, 9, 10, 12, 15, 17 паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

9. Анализ законодательства в сфере обращения корпоративных ценных бумаг позволяет выделить ситуации недобросовестного поведения, требующие решения:

- 1) Сговор мажоритарных владельцев облигаций с эмитентом этих облигаций и принятие решения о реструктуризации обязательств эмитента без

учета интересов миноритарных владельцев, которые выступают экономически и юридически слабыми участниками исследуемых правоотношений.

2) Проблема «двойной продажи» корпоративных ценных бумаг (распространена в отношении акций), когда до внесения в реестр акционеров записи о переходе права собственности на акции эти акции продаются аффилированному с продавцом лицу. Здесь судам необходимо защищать нарушенные права покупателей акций в ситуации, которая прямо не подпадает под мнимую сделку, однако со стороны продавца явно наблюдается недобросовестное поведение.

Девятое положение соответствует п. 6, 7, 9, 10, 12, 15, паспорта научной специальности 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки».

Сформулированы предложения по изменению российского законодательства, направленные на эффективное применение норм в целях стимулирования добросовестного поведения и недопустимости злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

1. Обоснована необходимость закрепления понятия добросовестности в корпоративных правоотношениях, которое может быть изложено в нормах специального, рекомендательного корпоративного законодательства, в частности в кодексе корпоративной этики, в и ст. 10 ГК РФ.

Предложено авторское понятие добросовестности в корпоративных правоотношениях – это правовой принцип, основополагающее начало, базовая идея, направленный на установление правомерного поведения субъекта корпоративных правоотношений, соответствующее целям, задачам и принципам гражданского, предпринимательского и корпоративного законодательства, не преследующее цели извлечения каких-либо преимуществ, экономических и иных выгод противоправными, недобросовестными действиями в рамках корпоративной практики, заключающееся в надлежащей реализации гражданских и корпоративных прав в установленных законом пределах и исполнении обязанностей участниками соответствующих

частноправовых правоотношений, характеризующееся правомерностью, честностью и основанное на духовно-нравственных ценностях, морально-этических предписаниях.

2. Доказано, что необходимо внесение дополнений в ст. 225.1 АПК с целью расширения перечня категорий дел по корпоративным спорам, а именно п. 10, изложив его в следующей редакции: «... споры, вытекающие из корпоративного шантажа. Корпоративный шантаж необходимо рассматривать в качестве вида злоупотребления корпоративным правом, находящего выражение в вымогательстве миноритарными акционерами под угрозой совершения недобросовестных действий в отношении корпорации, сопровождающихся требованием о выкупе акции по завышенной цене».

3. В арбитражном процессуальном кодексе РФ необходимо предусмотреть нормы, направленные на эффективную защиту прав владельца корпоративной ценной бумаги при эмиссии. Согласно таким нормам: владелец ценной бумаги, который полагает, что его права и законные интересы нарушены при эмиссии, вправе обратиться в суд, требуя одновременно принятия незамедлительных обеспечительных мер в виде приостановления эмиссии ценных бумаг (отказа в государственной регистрации их выпуска). Суд, получив такое заявление, незамедлительно направляет административному регулятору (в Банк России) запрос о возможном наличии нарушений при эмиссии и также в кратчайшие сроки (здесь вся коммуникация должна осуществляться, безусловно, в электронном виде) получает предварительное заключение Банка России, на основании чего и применяет обеспечительные меры или отказывает в таковых. Далее дело уже рассматривается по существу, при этом целесообразно установить сокращенные сроки для рассмотрения таких дел. Предлагаемые нормы следует «рассредоточить» по главе 8 АПК РФ «Обеспечительные меры арбитражного суда» или же, наоборот, изложить в единой статье 100.1 «Обеспечительная мера в виде приостановления эмиссии ценных бумаг».

4. С целью решения проблемы заключения сделок (договоров), направленных на создание должником – хозяйственным обществом и недобросовестными кредиторами кредиторской задолженности искусственным путем, представляется целесообразным легальное закрепление в нормах Закона о банкротстве и разъяснениях ВС РФ обстоятельств, свидетельствующих о фиктивности сделки и формировании искусственной задолженности в рамках возникновения задолженности юридического лица - корпорации, являющегося должником.

Теоретическая значимость работы обусловлена вкладом содержания проведенного исследования в разработку различных вопросов, касающихся добросовестности и злоупотреблений правом участниками корпоративных правоотношений, а также сущности данного правового явления, его причин, целей, видов, в том числе, установления видов злоупотребления корпоративным правом и механизма предотвращения и пресечения злоупотребления правом в таких правоотношениях.

Теоретическая и практическая значимость диссертационной работы заключается также в том, что результаты диссертации могут быть использованы в качестве методологической основы для дальнейшего научного осмысления проблем добросовестности и недопустимости злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях; выводы и рекомендации, выработанные на основании проведенного исследования, представляют интерес для научного сообщества.

В диссертации доказаны положения, вносящие вклад в расширение научных представлений о корпоративных правоотношениях применительно к добросовестности; изложены аргументы, направленные на обоснование недопустимости злоупотребления правом.

Выводы, полученные в результате проведенного исследования, могут быть востребованы в законотворческой деятельности и в деятельности судебных органов. Предложенные в диссертационном исследовании

теоретические положения могут быть реализованы также в дальнейшем процессе развития судебно-арбитражной практики для достижения совершения добросовестных действий субъектами корпоративных отношений.

Практическая значимость также заключается в возможности использования современного правового инструментария для повышения эффективности нормативного правового регулирования корпоративных правоотношений с целью реализации добросовестного поведения и недопустимости злоупотребления правом. Практический характер имеют положения, выводы и рекомендации, связанные с оценкой и квалификацией добросовестного и недобросовестного поведения.

Степень достоверности и обоснованности результатов исследования подтверждается значительным количеством исследованных источников российского и зарубежного права, изучающих вопросы добросовестности и злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях; монографических и иных научных работах по проблемам защиты от недобросовестного поведения юридических лиц, корпораций; материалами судебной и корпоративной практики.

Апробация диссертационной работы отражается в материалах отрывной печати.

Материалы диссертации и сформулированные в работе отдельные научные предложения и некоторые выводы нашли применение в учебном процессе Негосударственного образовательного частного учреждения высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия» и ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», в частности, при преподавании учебных курсов «Предпринимательское право», «Корпоративное право». Материалы диссертации также успешно внедрены и используются в научной деятельности и учебном процессе кафедры правового

регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства университета «Синергия».

Основные выводы и предложения изложены автором в опубликованных работах и выступлениях на научных конференциях, форумах и иных дискуссионных площадках. Сущностные аспекты научно-практического исследования докладывались соискателем на международных и всероссийских конференциях, конгрессах и форумах: «Гражданско-правовое регулирование изменения и расторжения договора с учетом принципа добросовестности» (Москва: Московский государственный областной университет (МГОУ), 28 октября 2021 г.); «Гражданское законодательство об изменении и расторжении договора» (Иркутск: Иркутский государственный университет, 29 октября 2022 г.); «Реализация прав супругов в договорных предпринимательских обязательствах в русле государственной семейной политики при евразийской интеграции» (Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 23 ноября 2022 г.); «Реализация принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом при изменении и расторжении договоров в сфере предпринимательской деятельности» (Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 25 ноября 2022 г.); «Правовые механизмы минимизации рисков на основе принципа добросовестности при заключении и исполнении договора на оказание юридических услуг в предпринимательской сфере» (Москва: Московский городской педагогический университет, 20 апреля 2023 г.); «Несовершеннолетний гражданин как субъект договорных предпринимательских обязательств» (Москва: Институт государственной службы и управления РАНХиГС, 19 мая 2023 г.); «Реализация принципа добросовестности при изменении и расторжении гражданско-правового договора» (Москва: Московский городской педагогический университет, 7-8 декабря 2023 г.); «Злоупотребление правом супругом в многополярных договорных корпоративных правоотношениях» (Москва: Университет имени О.Е. Кутафина, 5 апреля 2024 г.) и других.

Наиболее существенные положения диссертационного исследования были внедрены в практическую деятельность корпоративных организаций юрисдикционных органов: судов, адвокатских образований.

Основные положения диссертации отражены в 15 научных статьях (общим объемом 8 п.л.), шесть из которых опубликованы в ведущих рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата наук.

Публикации автора диссертации, освещающие некоторые вопросы, проанализированные в ходе диссертационного исследования:

I. Научные статьи, опубликованные в изданиях, входящих в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации

1. Снытникова, Н.В. Некоторые особенности рассмотрения гражданских дел об изменении или расторжении предпринимательского договора: материально-правовой аспект / Н.В. Снытникова // Вестник ТвГУ. Серия Право. 2022. № 4. С. 123-130. (0,6 п. л.).

2. Снытникова, Н.В. Изменение и расторжение договоров в сфере предпринимательской деятельности в судебном порядке: некоторые проблемы правоприменения / Н.В. Снытникова // Вестник арбитражной практики. 2022. № 6 (103). С. 10-18. (0,6 п. л.).

3. Снытникова, Н.В. Проблемы изменения и расторжения договора в сфере предпринимательской деятельности: правоприменительный аспект / Н.В. Снытникова // Право и экономика. 2023. № 8. С. 62-67. (0,4 п. л.).

4. Снытникова, Н.В. Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение / Н.В. Снытникова // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10. С. 33-36. (0,2 п. л.).

5. Снытникова, Н.В. Природа, особенности и виды злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях / Н.В. Снытникова // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 345-349. (0,3 п. л.).

6. Снытникова, Н.В. Добросовестность в корпоративных правоотношениях: природа и проблемы реализации / Н.В. Снытникова // Право и экономика. 2025. № 2. (444). С. 16-21. (0,3 п. л.).

II. Доклады, опубликованные в сборниках и коллективных монографиях, изданных по итогам научно-практических международных конференций

1. Снытникова, Н.В. Применение убытков при расторжении договора: теоретические и практические аспекты / Н.В. Снытникова // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 21 апреля 2022 г. / под общ. ред. д.ю.н. профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н., доцента Н.М. Ладнушкиной. Саратов: Саратовский источник, 2022. 425 с. С. 231-236. (0,4 п. л.).

2. Снытникова, Н.В. Прекращение договора с участием несовершеннолетнего предпринимателя: проблемы защиты прав ребенка / Н. В. Снытникова // Детство - территория безопасности: Сборник материалов конференции, Москва, 17–18 ноября 2022 года. М.: Издательство "Саратовский источник", 2022. С. 180-184. (0,3 п. л.).

3. Снытникова, Н.В. Гражданско-правовое регулирование изменения и расторжения договора с учетом принципа добросовестности / Н.В. Снытникова // Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдуряхимова, С. В. Алборов и др.; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева; МГОУ. М.: Юстицинформ, 2022. 464 с. С. 47-57. (0,7 п. л.).

4. Снытникова, Н.В. Частноправовое регулирование изменения и расторжения договоров в транспортных правоотношениях / Н. В. Снытникова // Проблемы частноправового и публично-правового регулирования

транспортной деятельности: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 23 ноября 2022 года. Уфа: Научно-исследовательский институт проблем правового государства, 2023. С. 189-193. (0,3 п. л.).

5. Снытникова, Н.В. Правовые механизмы минимизации рисков на основе принципа добросовестности при заключении и исполнении договора на оказание юридических услуг в предпринимательской сфере / Н.В. Снытникова // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 20 апреля 2023 г. / под общ. ред. д.ю.н., профессора Д.А. Пашенцева, д.ю.н., доцента О.П. Сауляка. Саратов: Саратовский источник, 2023. 356 с. С. 230-235. (0,3 п. л.).

6. Снытникова, Н.В. Реализация принципа добросовестности при изменении и расторжении договора в правоотношениях семейного предпринимательства / Н.В. Снытникова // Семейный бизнес & legaltech: / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. 640 с. С. 160-169. (0,7 п. л.).

7. Снытникова, Н.В. Изменение и расторжение договора в сфере предпринимательской деятельности членов семьи: проблемы правовой легитимации и квалификации / Н.В. Снытникова // Перспективы легализации семейного предпринимательства: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. 296 с. С. 282-291. (0,8 п. л.).

8. Снытникова, Н.В. Принцип добросовестности в предпринимательских правоотношениях: особенности конвергенции правопонимания и осуществления / Н.В. Снытникова // Современные проблемы частноправового регулирования: традиции и инновации при конвергенции норм права: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин. М.: Юстицинформ, 2024. 512 с. С. 166-182. (0,9 п. л.).

9. Снытникова, Н.В. Принцип добросовестности в предпринимательских семейных правоотношениях / Н.В. Снытникова // Семейное и женское предпринимательство в парадигме частноправового регулирования: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2025. 568 с. С. 343-355. (0,6 п. л.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих 10 параграфов, заключения и библиографического списка.

Глава I. Общие положения о добросовестности и злоупотреблении правом в корпоративных правоотношениях

§ 1. Понятие и правовая природа добросовестности в корпоративных правоотношениях

Понятие «добросовестность» имеет весьма глубокие исторические корни и было известно еще римскому праву. Как указывается в доктрине, «требование добросовестности было развито в поздней республике из *iusta causa*»³. Цивильное право предусматривало - «*bona fides*» – «*exit, ut quod convenit fiat*» («добросовестность требует, чтобы договор осуществился») – фундаментальный принцип для правоприменительной договорной и корпоративной практики. С точки зрения этимологии слово «добросовестный» означает честно выполняющий свои обязательства, обязанности⁴.

В доктрине обоснованно установлено, что «развитие частного права на современном этапе основано на совершенствовании гражданского законодательства, а также на постоянно увеличивающемся объеме научных исследований»⁵. Данная тенденция имеет самое непосредственное отношение и к добросовестному поведению и его реализации в корпоративном обороте.

Действительно, отношения, складывающиеся в имущественной сфере, высвечивают истинные цели и потребности человека, в меньшей степени искаженные его социализацией, и обнажают сущность взаимодействия этих целей и потребностей в механизме правового регулирования, легитимирующего модели социально обусловленного поведения в вещно-

³ См. подробнее: *Попелюх А.А.* Понятие и критерии добросовестности давностного владельца: юридико-догматический и сравнительно-правовой аспекты // Вестник гражданского права. 2024. № 1. С. 148 – 163.

⁴ *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. С. 145.

⁵ *Зайцев О.В.* Проблемные вопросы доктрины гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 112.

обязательственной сфере⁶.

«Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17)⁷, что и является проявлением добросовестности в корпоративных правоотношениях. «Принцип добросовестности как конституционный принцип российского права в процессе правоприменения призван обеспечить соответствие духа и буквы закона, стабильность, правовую определенность и разумную прогнозируемость регулирования отношений»⁸. В науке гражданского права Н.В. Беребенья делает обоснованный вывод «о наличии самостоятельного принципа гражданского права добросовестности, разумности и справедливости поведения участников гражданских правоотношений».⁹

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона приводится следующее определение добросовестности: «в отличие от доброй совести, добросовестность означает субъективное состояние лица при совершении юридических актов, его неосведомленность об обстоятельствах, оппорочивающих внешнюю и внутреннюю правомерность акта и могущих заставить честного в юридическом смысле человека отказаться от его совершения, несмотря на отсутствие формальных к тому препятствий»¹⁰.

Для понимания правовой природы добросовестности особо подчеркнем, что категория «добросовестность» выступает оценочным понятием. Как известно, трактуется с субъективной точки зрения на основе духовных

⁶ См. подробнее: *Еременко А.С.* К вопросу об основаниях правомерности осуществления гражданских прав: онтологические начала гражданского оборота // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 2 - 6.

⁷ В науке *М.К. Сулейменов* относит принцип добросовестности к общеправовым принципам. См.: *Сулейменов М.К.* Добросовестность в гражданском процессе // Информационная программа «ПАРАГРАФ»: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35533636. С. 1.

⁸ *Полякова Н.Г.* Принцип добросовестности в муниципальных правоотношениях // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 63.

⁹ *Беребенья Н.В.* Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 10.

¹⁰ Энциклопедический словарь *Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона*. [Электронный ресурс] - https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&dict_id=62 (дата доступа 21.04.2024).

морально-нравственных ценностей, исходя из субъективного осознания и понимания участника корпоративных правоотношений, а также правоприменительных органов корпорации и суда в случае защиты нарушенных корпоративных прав. В российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция – «добросовестность», что порождает сложности в правоприменительном процессе и неоднозначному толкованию при оценке правомерности деятельности отдельных корпораций и их должностных лиц.

В цивилистической науке З.К. Эстоев обоснованно замечает, что в настоящее время правовые категории и отношения имеют преломление через нравственные принципы и традиционные ценности,¹¹ что, на наш взгляд, представляется вполне оправданным и необходимым при организации бизнеса в рамках деятельности корпораций. Полагаем, что добросовестность ассоциируется с честностью¹², моральными качествами должностных лиц и порядочностью при осуществлении корпоративных прав и исполнении обязанностей.

Для современного общества характерна социализация экономических процессов, предпринимательской деятельности и законодательного регулирования¹³. «В настоящее время, когда защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей является стратегическим приоритетом государственного развития»¹⁴. Как следствие, добросовестность является

¹¹ Эстоев З.А. Понятие и содержание добросовестности в гражданском праве РФ // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики. Сборник научных статей по материалам Вузовской научно-практической конференции. 2019. С. 389.

¹² В науке М.М. Агарков определял добросовестность через честность в отношениях между людьми. См.: Агарков М.М. Проблемы злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х томах. Том 2. М., 2022. С. 375 - 376.

¹³ См. подробнее: Левушкин А.Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 90 - 99.

¹⁴ Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 23.

проекцией человеческой совести на правовую плоскость»¹⁵.

Считаем, что в условиях активного развития рыночных корпоративных бизнес-отношений предпринимательские цели стали определяющими в реализации норм, в том числе и социально-экономической направленности в рамках деятельности корпораций. Однако достижение этих целей не должно вступать в противоречие с традиционным ценностных правовым подходом и основываться на морально-этических предписаниях. «Развитие духовно-нравственных ценностей в человеке невозможно за счет формального соблюдения религиозных, нравственных и иных социальных норм»¹⁶.

Необходимо обратить внимание на содержание одного из нововведений 2020 года в Конституции Российской Федерации - ст. 75.1, положения которой придали дополнительный правовой импульс для укрепления гражданского мира и согласия, веры в добро и справедливость¹⁷. В ней провозглашается следующее: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

Правовой основой добросовестного поведения участников корпоративных правоотношений выступают нормы Конституции Российской Федерации, в частности, положения преамбулы, ч. 3 ст. 17, а также ст. 75.1 Основного Закона. По мнению А.Ю. Бушева, «положения... ст. 75.1 являются дополнительным конституционным подтверждением распространения

¹⁵ Двалишвили Л.З. О правовой природе принципа добросовестности // Мировой судья. 2023. № 4. С. 33.

¹⁶ Пермиловский М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 21.

¹⁷ Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева // Закон. 2023. № 9. С. 158.

принципа добросовестности на все сферы деятельности с учетом взаимного уважения, проявления добра, честности и справедливости во имя общего блага»¹⁸. Именно такой подход, как представляется, и должен быть положен в организацию корпоративных бизнес-процессов.

Понятие «добросовестность» было включено в гражданское законодательство при реформировании ГК РФ в 2013-2015 гг. Так, исходя из статьи ст. 1 ГК РФ при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно.

О природе добросовестности, содержании (понятии) и значении принципа добросовестности как правовой формы закрепления добросовестного поведения в отечественном и зарубежном праве, а также об обращении к нему в практике Конституционного Суда РФ в специальной литературе уже написано достаточное количество научных работ¹⁹.

В науке в большинстве своем вполне справедливо вспоминали о добросовестности в противовес злоупотреблению правом, которое нередко рассматривается как высшая форма недобросовестного поведения²⁰.

¹⁸ Бушев А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева // Закон. 2023. № 9. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/10480/> (дата обращения: 11.02.2025).

¹⁹ Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8; Гаджиев Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и право. 2002. № 7. С. 54 - 62; Гаджиев Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель - налогоплательщик - государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: учеб. пособие. М., 1998; Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992; Дождев Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000; Зорькин В.Д. Защита социальных прав и преодоление несправедливости: проблемы конституционного правосудия // Конституционное правосудие. 2007. № 2; Мосин С.А. Свойство конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений // Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 27 - 45; Скловский К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 2; Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М., 2019; и др.

²⁰ См., например: Федин И.Г. Актуальные вопросы развития предмета доказывания в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3;

Добросовестность как конституционный принцип, обладающий свойствами аксиоматичности, презумптивности и догматической фиктивности²¹, как представляется, имеет применение как в частных корпоративных правоотношениях, так и в отношениях, участниками которых выступают отдельные корпорации и органы и должностные лица, наделенные публичными полномочиями.

Реализация принципа добросовестности находит свое воплощение в рамках функций. В доктрине принято выделять следующие функции принципа добросовестности:

- 1) конкретизирующая;
- 2) ограничительная;
- 3) дополняющая;
- 4) корректирующая²².

В научной литературе существует даже взгляд на добросовестность как на «общее правило», изложенный в работе зарубежного юриста С. Рейнхольда²³. Подобная позиция вполне отражает широкий и общий характер применения данного правового принципа,²⁴ что особенно ценно, имеет самое непосредственное отношение к корпоративной практике.

Следует согласиться, что «добросовестность в гражданском праве в зависимости от контекста возможно рассматривать как понятие, принцип, оценочную или правовую категорию»²⁵.

Решетникова И.В. Многоликая добросовестность в процессуальном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 54 - 60.

²¹ См.: Мосин С.А. Свойства конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 43.

²² Нам К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 34.

²³ Reinhold S. Good Faith in International Law // UCL Journal of Law and Jurisprudence. Bonn Research Paper on Public International Law. 2013. Iss. 2. P. 40 - 41.

²⁴ См.: Абросимов А.В. К вопросу о критериях разумности и добросовестности в российском гражданском праве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 27.

²⁵ Абросимов А.В. Особенности применения принципа добросовестности в российском гражданском праве // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 2.

Как уже ранее указывалось, добросовестность находит свою правовую форму закрепления на уровне принципа права. Подчеркнем, что принципы права представляют собой фундамент, на основе которого строится правовое здание, т. к. они пронизывают собой правовую материю, а также процессы, которые протекают в правовой сфере, и процессы с ним связанные. Как обоснованно указано в доктрине Н.В. Беребенья «принципы права обладают значительной устойчивостью и системообразующими свойствами, ... структурно обеспечивают самоорганизацию права и являются своеобразной конструкцией, объединяющей все правовые явления в единый механизм»²⁶. Принципы выражают сущность права, посредством определения его содержания и общего характера правового регулирования общественных отношений. Принципы свойственны праву как праву в целом, так и его отраслям. При этом правовыми могут быть признаны лишь такие принципы, которые получили определенное преломление в нормативно-правовых положениях и именно в этом, т. е. в правовом, качестве закреплены действующим законодательством.

По справедливому утверждению В.В. Витрянского, «принцип добросовестности введен в ранг принципов гражданского законодательства и должен служить ориентиром поведения всех участников имущественного оборота»²⁷. С учетом множества злоупотреблений в корпоративной правоприменительной деятельности, принцип добросовестности выступает базовым ориентиром при определении вариантов поведения участниками корпоративных отношений как имущественного, так и неимущественного организационного характера.

Оценочная категория «добросовестность» предполагает установление оценочных характеристик и для «принципа добросовестности». В науке

²⁶ *Беребенья Н.В.* Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 5.

²⁷ *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. С. 19.

уточняется, что принципа добросовестности действительно направлен на стандартизацию гражданских правоотношений, универсализацию практик делового оборота²⁸. Данный вывод относительно самой правовой категории добросовестности можно сделать из разъяснений, данных Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25, которые указывают на то, что добросовестным следует считать такое поведение, которое в соответствующей ситуации следовало бы ожидать от лица, соблюдающего закон и уважающего права и законные интересы других лиц²⁹.

В XX в. известный правовед И.А. Покровский отмечал, что «расширение сферы судейского усмотрения включает в себе опасность судейского произвола»³⁰. Полагаем, что добросовестность есть категория морально-нравственная, философская, этическая, зависящая от субъективного восприятия ее человеком. Данное понятие должно быть достаточно четко определено законодателем, так как ее неопределенность предоставляет судьям широкие возможности судебного усмотрения, что не всегда направлено на защиту прав субъектов корпоративных правоотношений, заинтересованных лиц, публичных интересов.

Очевидным и доказанным в частноправовой юридической науке стал тезис о межотраслевых связях семейных, гражданских, предпринимательских и

²⁸ См. подробнее: *Абросимов А.В.* Применение принципа добросовестности при оценке сделок в рамках банкротства // *Российский судья*. 2023. № 12. С. 15 – 19; *Абросимов А.В.* К вопросу о критериях разумности и добросовестности в российском гражданском праве // *Гражданское право*. 2023. № 4. С. 26 – 28; *Абросимов А.В.* Особенности применения принципа добросовестности в российском гражданском праве // *Адвокатская практика*. 2024. № 2. С. 2 - 7.

²⁹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2015. № 8.

³⁰ *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 89, 105. (Серия «Классика российской цивилистики»).

корпоративных отношений³¹. Ввиду того, что основной метод правового регулирования гражданско-правовых и корпоративных отношений диспозитивный, в настоящее время научно обоснованное исследование принципа добросовестности имеет особое значение в аспекте предупреждения нарушения прав граждан и организаций, а также усовершенствования эффективности частноправового механизма защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых корпоративных прав.

Н.В. Зайцева обоснованно устанавливает обстоятельство, что в отечественное гражданское законодательство принцип добросовестности пришел из немецкого права³².

В рамках реализации метода сравнительного правоведения обратим особое внимание на зарубежное законодательство и, соответственно, укажем, что в § 242 Гражданского кодекса Германии содержится оговорка о добросовестности: «Должник обязан добросовестно исполнить свои обязательства, принимая во внимание общепринятую практику»³³. С. Рейнхольд подчеркивает, что конкретику данная норма ввиду ее неопределенности обрела в результате работы ученых-правоведов и правоприменителей³⁴.

Конечно, принцип добросовестности призван предотвращать несправедливость, которая может возникнуть в результате противоправного поведения, особенно в тех случаях, когда внешне это поведение кажется вполне соответствующим закону³⁵. В силу п. 4 ст. 1 ГК РФ никто не вправе извлекать

³¹ См. подробнее: *Лескова Ю.Г., Филатова У.Б.* Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // *Гражданское право*. 2023. № 4. С. 19 - 21.

³² См.: *Зайцева Н.В.* Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2020. № 49. С. 488.

³³ *Bürgerliches Gesetzbuch (BGB)*. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/242.html>.

³⁴ См.: *Reinhold S.* Good Faith in International Law // *UCL Journal of Law and Jurisprudence*. 2013. №. 2. 40 - 63.

³⁵ См. подробнее: *Гинзбург И.В.* Применение судами принципа добросовестности: сравнительно-правовое исследование // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2024. № 4. С. 83 - 91.

преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Как справедливо указывается в цивилистической науке, «руководствуясь ст. ст. 602 и 662 ГК РФ, где прямо говорится о добросовестности как о принципе права, понятие добросовестности следует применять не только для оценки поведения одной из сторон по, но и ко всему, что связано с исполнением стороной своих обязательств перед партнером»³⁶.

Как отмечается в европейской литературе, концепция добросовестности преимущественно основана на моральных ориентирах и чувстве, нежели на «настоящем» законе (*true law*)³⁷ и, оперируя с правом, нельзя обойтись без этики³⁸. Итальянский исследователь А. Д'Анжело, говоря о договорной справедливости (*giustizia contrattuale*) и добросовестности (*buona fede*), утверждает о приоритете этических ценностей над решениями позитивного права³⁹.

В отечественной науке в рамках общей системы принципов В.Г. Блинов и В.В. Блинова выделяют «частную подсистему гражданско-правовых морально-нравственных принципов, к которым отнесены принципы справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности»⁴⁰. Считаем вполне объяснимым такое установление: в своей основе они имеют оценочные

³⁶ Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / Е.Е. Богданова, Л.Ю. Василевская, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.Ю. Василевской. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 192 с.

³⁷ *Manukka Jory*. Harmonization of Contract Law: In Search of a Solution to the Good Faith Problem. Stockholm: Stockholm Institute for Scandinavian Law. 2002. P. 38. URL: <http://scandinavianlaw.se>pdf/48-15.pdf>. Исследование проблемы добросовестности с точки зрения соотношения морали и права предприняла Sylviane Colombo. См.: *Colombo S. Good Faith: The Law and Morality* // *Denning law journal*. 1993. P. 23 - 59; URL: http://papers.ssrn.com/sol3/cf_dev/AbsByAuth.cfm?per_id=349661.

³⁸ *Bjarup J.* Ought and Reality: Hagerstrom's Inaugural Lecture Re-considered. Stockholm. 2000. N 11. P. 72. URL: <http://scandinavianlaw.se>pdf/40-1.pdf>.

³⁹ *D'Angelo A.* La Buona Fede // *Il Contratto in Generale*. T. 4 / *Trattato di Diritto Privato* / *Diretto M. Bessone*. Torino. 2000. P. 156. Разделяет данное мнение и G.M. Uda. См.: *Uda G.M.* L'oggettivo della buona fede nella esecuzione del Contratto. Roma, 2001. P. 11.

⁴⁰ *Блинов В.Г., Блинова В.В.* Содержание принципа добросовестности // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета. 2016. С. 89.

правовые категории, однако действуют в тесной взаимосвязи и с другими принципами гражданского и корпоративного права и частнопроводного регулирования общественных отношений при участии юридических лиц.

Н.В. Шереметьева указывает, что добросовестность означает моральное качество, по которому можно определить такое отношение лица к своему поведению, в котором отражаются действия лица, обусловленные нравственным самоконтролем⁴¹. Как уже было установлено ранее, но ввиду особой значимости этой характеристики, подчеркнем, что категория добросовестности, в первую очередь, как принцип является оценочной. Наиболее полное определение оценочному понятию дано М.Ф. Лукьяненко: «Это относительно определенное положение, сформулированное в гражданско-правовой норме путем указания наиболее общих признаков, свойств, качеств, связей и отношений разнообразных предметов, явлений, действий, процессов, предусматривающее в рамках содержательных критериев, установленных законодателем, самостоятельную оценку правоприменителем поведения в конкретной ситуации в данной социальной среде и в данное время с учетом внутреннего убеждения»⁴².

Другие ученые, в частности, Э.А. Нуртдинова, соглашаясь с позицией В.В. Витрянского, указывает, что «ни в гражданском кодексе, ни в каком-либо федеральном законе определить четкие подходы и параметры к таким понятиям, как «добросовестность», «справедливость», «разумность» невозможно»⁴³. Это действительно так, ввиду оценочного субъективного фактора определения природы рассматриваемых категорий. В науке И.Г. Федин справедливо замечает, что «дать логическую дефиницию оценочному понятию

⁴¹ См. подробнее: *Шереметьева Н.В.* Недобросовестность в вещном праве: монография. М.: Проспект, 2023.

⁴² *Лукьяненко М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права (теоретико-правовой анализ и практика правоприменения): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 121.

⁴³ *Нуртдинова Э.А.* К вопросу о понятии добросовестности в российском гражданском праве // Отечественная юриспруденция. 2017. № 9 (23). С. 19.

«добросовестность» невозможно⁴⁴.

Данный научный подход видится вполне оправданным, соответственно, необходимо доктринально определить сущность рассматриваемой категории с целью ее обоснованного и эффективного применения в корпоративном обороте.

П.И. Субботина под добросовестностью в правовом смысле предлагает понимать это честность, отсутствие скрытности, попыток ввести в заблуждение, обмана в отношении с контрагентами⁴⁵. З.Ю. Жантуева добросовестность рассматривает в качестве «сложившейся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей»⁴⁶.

А.В. Татарников обоснованно считает, что «принципы разумности и добросовестности являются важным связующим звеном между принципами свободы договора и законности»⁴⁷.

Признавая неизбежность использования категории добросовестности в качестве критерия оценки поведения субъекта, иностранные ученые видят в качестве ее источника идеологию⁴⁸ или религиозные представления⁴⁹, что вполне укладывается в российскую концепцию установления добросовестности в корпоративных правоотношениях.

Важно акцентировать внимание на том обстоятельстве, что в цивилистике

⁴⁴ *Федин И.Г.* Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 26.

⁴⁵ *Субботина П.И.* Понятие добросовестности в гражданском праве // Российская наука в современном мире. Сборник статей XXII международной научно-практической конференции. Научно-издательский центр «Актуальность.РФ». 2019. С. 229.

⁴⁶ *Жантуева З.Ю.* Понятие и содержание добросовестности и принципа добросовестности в гражданском праве России // Вестник Международного юридического института. 2019. № 2 (69). С. 84.

⁴⁷ *Татарников А.В.* Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 30 с.

⁴⁸ *Hoecke M. Van.* Law as Communication. Oxford and Portland, Oregon: Hart Publishing, 2002. P. 51.

⁴⁹ *Kohler J.* Philosophy of Law. New York: The Macmillan Company, 1921. P. 138 - 140, 144 - 147.

«добросовестность» понимается в двух аспектах: объективном и субъективном. В объективном аспекте: «добросовестность» — это известное мерило, которое принимается во внимание законом, судом, который применяет нормы права, и которое рекомендуется членам гражданского оборота в их взаимных отношениях. В объективном смысле лицо является добросовестным — не нарушающее правил, закрепленных в действующем законодательстве РФ, сделке, обычаях делового оборота, обычно предъявляемых требованиях, соответствующее нормам морали и нравственности⁵⁰.

В субъективном аспекте: «добросовестность» — это определенное осознание того или иного лица, неведение некоторых обстоятельств, с которыми закон связывает те или иные юридические последствия. В субъективном смысле добросовестным является лицо, которое не знало и не могло знать о существовании какого-либо факта или события, препятствующего приобретению права или достижению другого правового результата⁵¹. В качестве объективной категории ее содержание включает в себя честность намерений⁵².

«Эта конструкция в гражданско-правовом аппарате относится к специальным, отражая в своем содержании переплетение субъективных и объективных элементов добросовестности»⁵³. «Оценочные юридические факты, установленные нормами права, при решении конкретного дела подлежат обязательному преобразованию судом»⁵⁴.

Представитель научной школы ИГПРАН А.В. Пушкина весьма наукоемко и справедливо отмечает, что «лицо следует считать добросовестным

⁵⁰ *Эстоев З.А.* Понятие и содержание добросовестности в гражданском праве РФ // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики. Сборник научных статей по материалам Вузовской научно-практической конференции. 2019. С. 392.

⁵¹ *Эстоев З.А.* Указ. Соч. С. 393.

⁵² *Black H.C.* Dictionary of law. St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1891. P. 543.

⁵³ *Голубцов В.Г.* Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 499.

⁵⁴ *Антонян А.К., Поляков С.Б.* Конкретизация оценочных юридических фактов на примере понятия «добросовестность» // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 27 - 34.

только в том случае, когда оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает самонадеянности и небрежности по отношению к возможному причинению вреда»⁵⁵.

В доктрине гражданского права встречаются и весьма неоднозначные подходы при трактовке правовой природы добросовестности, в частности, В.С. Ем выступал против понятия «добросовестности» как объективной категории, ученый определял «недобросовестного субъекта» как лица, «который совершая действие, знал или мог знать о его недопустимости с точки зрения закона»⁵⁶, что видится абсолютно верным с точки зрения соответствия нормам действующего российского гражданского права.

Обратим внимание на то обстоятельство, что судебная практика пошла по пути размывания реквизита добросовестности для расширения сферы применения приобретательной давности в целях возвращения имущества в гражданский оборот⁵⁷.

Субъектом такого деяния является только субъект права - участник частноправовых корпоративных правоотношений.

Недобросовестное поведение, злоупотребление правом влечет за собой нарушение законных интересов, прав, свобод участников корпоративного оборота, организаций.

Особо подчеркнем, что на сегодняшний день добросовестность понимается именно как принцип частного права, относящийся к субъективной стороне деятельности участников экономического корпоративного оборота. В связи с этим, считаем очевидным предположение, что данный принцип

⁵⁵ *Пушкина А.В.* Развитие понятия добросовестности в гражданском законодательстве России // *Libet Amicorum* в честь профессора Абовой Тамары Евгеньевны. Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве. Сборник статей. 2019. С. 251.

⁵⁶ *Ем В.С.* Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 77.

⁵⁷ См.: *Зонова А.С.* Понятие и критерии добросовестности давностного владельца: юридико-догматический и сравнительно-правовой аспекты // *Вестник гражданского права*. 2024. № 1. С. 135 - 147.

распространяется на всех участников хозяйственной и экономической деятельности, корпорации, а также публично-правовые образования. Однако в таком случае, может возникнуть некоторое противоречие в понимании данного вопроса с учетом отраслевой специфики правового регулирования. Так, к примеру, распространяется ли в таком случае действие данного принципа на субъектов, которых условно можно назвать «обезличенными», таких как корпорации (юридические лица), публично-правовые образования?

Ответ на данный вопрос будет утвердительным, конечно, распространяется, ведь за действиями корпораций стоят конкретные физические лица, обладающие волей и сознанием, имеющие восприятие в отношении добросовестного и недобросовестного поведения в корпоративных правоотношениях.

Полагаем, что принцип добросовестности может выступать в качестве средства защиты более слабой стороны в рамках деятельности корпорации, «компенсируя различия в правовом положении участников публично-правовых отношений и обеспечивая баланс частных и публичных интересов»⁵⁸ при организации корпоративных отношений и деятельности корпораций.

Можно сделать однозначный вывод что, добросовестность адресована ко всем субъектам экономической деятельности, корпоративной практики, частного и публичного права в целом, являясь обязательным при осуществлении гражданско-правовых отношений в широком смысле этого слова, в том числе при участии органов государства. В то же время сам характер добросовестности, подразумевает наличие осмысления, оценки субъектом своих действий, отношение к осуществляемым правам, а значит, в этом контексте целесообразно говорить лишь о физических лицах как участниках корпоративных отношений, которые реализуют свои полномочия от имени корпораций. Как известно они могут выступать в различных корпоративных

⁵⁸ Полякова Н.Г. Принцип добросовестности в муниципальных правоотношениях // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 65.

статусах.

Н.В. Беребеня аргументирует, что «принцип добросовестности пронизывает гражданско-правовые отношения на всех стадиях их развития без ограничения, речь идет ... о добросовестном, порядочном поведении субъектов по отношению друг к другу»⁵⁹.

Итак, полагаем, что в конечном счете, добросовестность как элемент субъективной стороны осознанного волевого поведения проявляется только у физических лиц, а говоря о юридических лицах, государстве, его субъектах, муниципальных образованиях, представленных соответствующими органами - принцип добросовестности для таких субъектов находит отражение в тех физических лицах, которые обладают компетенцией представлять и действовать от имени данных субъектов в гражданских правоотношениях.

В науке А.А. Пилипенко выделяет следующие критерии добросовестности применительно к корпоративным отношениям: «учет законных интересов и разумных потребностей контрагентов, отсутствие осведомленности о предусмотренных законом или договором обстоятельствах, осуществление субъективных гражданских прав и исполнение обязанностей с соблюдением специальных условий (например, проявляя разумную заботливость и т.д.)»⁶⁰.

По мнению Л.В. Щенниковой, принцип добросовестности имеет принадлежность к правовым аксиомам⁶¹. А другие представители кубанской научной школы В.П. Камышанский и Н.Ю. Ветер отмечают, что «схожесть аксиом с принципами заключается в том, что эти категории являются

⁵⁹ *Беребеня Н.В.* Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 11.

⁶⁰ *Пилипенко А.А.* Научно-нормативное моделирование добросовестности участников гражданских правоотношений // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 3. С. 97.

⁶¹ *Щенникова Л.В.* Добросовестность как требование, обращенное к участникам гражданского оборота, и создание эффективных механизмов, обеспечивающих его исполнение // Законодательство. 2020. № 9. С. 34.

основополагающими идеями права»⁶².

Принцип добросовестности означает проявление субъектами регулируемых корпоративных отношений разумной заботливости о соблюдении прав и законных интересов корпоративных правоотношений, в то время как разумность – «реализация степени дозволенности, рационального обоснования объективной картины правовой регламентации»⁶³.

Полагаем, что в системе принципов частного права принцип добросовестности относится именно к частной подсистеме морально-нравственных правовых принципов, духовных ценностей и правовых средств регламентации и имеет особое применение при регулировании конкретных корпоративных отношений между субъектами экономической деятельности, а также при совершенствовании гражданско-правового регулирования, определяя его базовые ориентиры и параметры частноправовой парадигмы экономического, корпоративного оборота.

Как абсолютно справедливо указано в науке Т.В. Дерюгиной, добросовестность ограничивает действие принципа свободы выбора варианта поведения при управлении корпорациями, но «выступает мерой экономической стабильности и справедливости, благодаря чему обеспечивается защита прав добросовестных контрагентов»⁶⁴.

Наряду с этим, необходимо отметить следующее: правовые последствия нарушения принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях различны и определяются в каждом конкретном случае судом с учетом характера и обстоятельств дела, реализации прав и интересов участников корпорации. Значение таких правовых последствий состоит, прежде всего, в

⁶² Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. О понятии злоупотребления гражданскими правами // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. 2016. С. 543.

⁶³ Беседкина Н.И. Разумность как категория и один из критериев юридической техники // Новый юридический журнал. 2015. № 4. С. 57.

⁶⁴ Дерюгина Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2017. № 3 (20). С. 54.

применении мер гражданско-правовой защиты и корпоративной ответственности, как разновидности гражданско-правовой ответственности.

Таким образом, обобщая вышесказанное, справедливо будет заключить, что корпоративному праву характерен критерий (презумпция) добросовестности поведения участников в рамках корпоративных правоотношений, которая (презумпция) предполагает преимущественную защиту субъективных прав и законных интересов добросовестных лиц – субъектов корпоративных отношений, а также недопущение извлечения выгоды посредством совершения недобросовестных корпоративных действий.

В то же время широкое применение в судебной практике принципа добросовестности может свидетельствовать о несовершенстве действующего законодательства, поскольку указывает на возможную несогласованность принципов и норм корпоративного права и иной частноправовой отраслевой принадлежности⁶⁵, в частности, норм гражданского, предпринимательского, семейного, земельного, жилищного и иного законодательства.

Действительное существование подобной несогласованности можно проследить на примере банковской гарантии, которая выступает в качестве вида банковских сделок в соответствии с положениями ст. 5 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности». При этом практически из любого правила существуют исключения. Так, судебная практика придерживается подхода, что из общего принципа независимости банковской гарантии существует следующее исключение - уже после получения надлежащего исполнения по основному обязательству недобросовестный бенефициар требует платежа от гаранта с целью получения неосновательного обогащения, нарушая тем самым права как принципала, так и гаранта. В подобном случае «неправомерный» иск бенефициара не подлежит удовлетворению на основании ст. 10 ГК РФ. В качестве подтверждения можно

⁶⁵ См. подробнее: *Ковалев К.С.* Судебное усмотрение и принцип добросовестности в гражданском праве. Практика арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 84 - 89.

привести решение Арбитражного суда Московской области от 29.03.2021 по делу № А41-42393/2020 или Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2023 по делу № А41-40662/2022⁶⁶.

Следует согласиться с высказанным в науке мнением, что «сегодня довольно остро стоит вопрос об эффективности российского правоприменения как ядра отечественной правовой системы»⁶⁷. Формирование вышеуказанной судебной практики обусловлено противоречием между положениями ст. 375 ГК РФ, закрепляющими обязанность гаранта выплатить бенефициару сумму гарантии вне зависимости от исполнения основного долга, и положениями ст. 10 ГК РФ (принцип добросовестности поведения сторон правоотношений). Фактически речь идет о том, что законодатель оставил за судами право самостоятельно определять правомерность действий сторон правоотношений в каждом отдельном случае, соотносить такое поведение с принципом добросовестности, на основании проведенного анализа делать вывод о правомерности действий того или иного лица в спорной ситуации.

Таким образом, анализируя порядок применения судами принципа добросовестности, однозначно можно признать возможность его применения как нормы права, что подтверждается не только положениями ст. 10 ГК РФ, но и тем, что формируемые судами при применении данного принципа правила получают широкое распространение и приоритетны над специальными нормами права⁶⁸.

Также с целью характеристики принципа добросовестности в корпоративном праве с позиции нормы права можно обратиться к выделенным Г.Ф. Шершеневичем⁶⁹ признакам норм права, которые в полной мере можно

⁶⁶ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2023 № 10АП-26149/2022 по делу № А41-40662/2022 // СПС КонсультантПлюс.

⁶⁷ Еременко А.С. К вопросу о судебной эргономике, или, как повысить качество правоприменительного процесса? // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 6.

⁶⁸ Ковалев К.С. Судебное усмотрение и принцип добросовестности в гражданском праве. Практика арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 86.

⁶⁹ Шершеневич Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4. М., 2016. С. 281 - 282.

отнести также и к принципу добросовестности:

- нормы права носят повелительный характер (вынесенное судом решение также обладает обязательностью и неукоснительностью исполнения в отношении указанных в таком решении лиц);

- предписывают лицам необходимость совершения определенных действий или воздержания от их совершения (после вступления судебного решения в законную силу в отношении сторон дела определяется необходимость совершения определенных действий (возврат денежных средств, имущества и т.д.) или невозможности их совершения (к примеру, отказ заявителю в удовлетворении определенного рода требований и невозможность их повторного заявления));

- в случае неисполнения предписаний в отношении виновного лица применяются определенные санкции (в качестве примера можно привести обязанность уплаты исполнительского сбора в случае отсутствия добровольного исполнения предписания о возврате денежных средств).

Обратим внимание на справедливость высказывания, что «принцип добросовестности участников гражданских правоотношений достаточно хорошо прижился в российской правовой системе»⁷⁰. В цивилистической доктрине обоснованно установлено, что «в целях правовой определенности представляется необходимым формирование единообразной судебной практики, регламентирующей, в частности, вопросы применения принципа добросовестности при разрешении спорных аспектов различных правоотношений»⁷¹.

Несмотря на то, что добросовестность, реализуемая в рамках деятельности корпораций – это нравственно-этическая категория, в основе

⁷⁰ Могилевский П.С. Принцип добросовестности в гражданском праве Российской Федерации // Гражданское право. 2023. № 6. С. 6 - 8.

⁷¹ См. подробнее: Ковалев К.С. Судебное усмотрение и принцип добросовестности в гражданском праве. Практика арбитражных судов // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 84 - 89.

которой заложен ценностный подход, разрешение вопроса о наличии в действиях субъекта предпринимательского права признака добросовестности на практике имеет особое значение при разрешении юридических споров.

Полагаем, что при доказывании добросовестности участника корпоративных правоотношений, следует установить:

- наличие у лица субъективного права или юридической обязанности на осуществление того или иного юридически значимого действия в рамках деятельности корпорации;
- особенности осуществления или защиты субъективного корпоративного права или исполнения юридической обязанности;
- отсутствие или наличие умысла на причинение вреда другому субъекту корпоративных правоотношений;
- определить конкретные действия, которые были совершены в нарушение корпоративных правил;
- установить наличие или отсутствие в таких действиях противоправной цели.

На основе проведенного правового анализа категории «добросовестность» и определения природы добросовестности применительно к корпоративным правоотношениям, установления принципа добросовестности в корпоративном обороте, можно сформулировать основные выводы.

1. Выявлено, что в российском законодательстве отсутствует легальная дефиниция — «добросовестность», что порождает сложности в правоприменительном процессе и неоднозначному толкованию при оценке правомерности деятельности отдельных корпораций и их должностных лиц.

Для понимания правовой природы добросовестности особо подчеркнем, что категория «добросовестность» выступает оценочным понятием. Как известно, трактуется с субъективной точки зрения на основе духовных морально-нравственных ценностей, исходя из субъективного осознания и понимания участника корпоративных правоотношений, а также

правоприменительных органов корпорации и суда в случае защиты нарушенных корпоративных прав. Полагаем, что добросовестность ассоциируется с моральными качествами должностных лиц корпорации и порядочностью при осуществлении корпоративных прав и исполнении обязанностей.

2. Добросовестность находит свою правовую форму закрепления на уровне принципа права. С учетом множества злоупотреблений в корпоративной правоприменительной деятельности принцип добросовестности выступает базовым ориентиром при определении вариантов поведения участниками корпоративных отношений как имущественного, так и неимущественного организационного характера.

3. Установлено, что основной метод правового регулирования гражданско-правовых и корпоративных отношений диспозитивный. В настоящее время научно обоснованное исследование принципа добросовестности имеет особое значение в аспекте предупреждения нарушения прав граждан и организаций, а также усовершенствования эффективности частноправового механизма защиты и восстановления нарушенных или оспариваемых корпоративных прав.

4. Особо подчеркнем, что на сегодняшний день добросовестность понимается именно как принцип частного права, относящийся к субъективной стороне деятельности участников корпоративных отношений. В связи с этим, очевидным будет предположение, что данный принцип распространяется на всех субъектов хозяйственной, экономической деятельности, корпорации, а также публично-правовые образования.

Вместе с тем добросовестность выступает в качестве составной части в рамках категорий с оценочным характером, которые в научной юридической литературе ученые именуют оценочными понятиями. Однако, как представляется, нельзя рассматривать совесть как исключительно оценочную категорию. Добросовестность в своем начале имеет наряду с субъективностью

и объективную действительность и, соответственно, несет объективное содержание.

5. Анализируя порядок применения судами принципа добросовестности, однозначно можно признать возможность его применения как нормы права, что подтверждается не только положениями ст. 10 ГК РФ, но и тем, что формируемые судами при применении данного принципа правила получают широкое распространение и приоритетны над специальными нормами права.

6. Обосновано, что в системе принципов частного права принцип добросовестности относится именно к частной подсистеме морально-нравственных правовых принципов, духовных ценностей и правовых средств регламентации и имеет особое применение при регулировании конкретных корпоративных отношений между субъектами экономической деятельности, а также при совершенствовании гражданско-правового регулирования, определяя его базовые ориентиры и параметры частноправовой парадигмы экономического, корпоративного оборота.

§ 2. Злоупотребление правом субъектами корпоративных правоотношений: сущность и правоприменение

Как абсолютно точно указывал теоретик права А.Б. Венгеров, «злоупотребление правом - явление мало изученное в теоретическом плане, но приобретающее подчас зловещее, даже губительное свойство для правовой системы»⁷². Правовая категория злоупотребления правом возникла в результате необходимости регулирования отношений, связанных с использованием прав в ущерб другим лицам или обществу в целом. Концепция злоупотребления правом имеет глубокие корни в римском праве, которое не допускало использование прав для достижения недобросовестных целей путем

⁷² См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник. М.: Омега-Л, 2004. С. 500.

причинения вреда другим лицам. Однако это понятие использовалось для ограниченного количества случаев, принцип не злоупотребления правом еще не был сформулирован⁷³.

В правовой доктрине ведутся активные споры относительно определения содержания понятия «злоупотребления правом». Одни ученые, например, А.А. Ноянова, считают, что злоупотребление правом является одним из видов правомерного поведения⁷⁴. Другие, что это выступает разновидностью противоправного поведения, например, В.П. Грибанов определяет злоупотребление правом как «формы реализации права, выходящие за пределы, установленные законом»⁷⁵. А.С. Шабуров небезосновательно придерживается позиции, что злоупотребление правом это особая разновидность правового поведения, существующая наряду с правомерным и противоправным⁷⁶. М.А. Агарков считает, что такой категории как злоупотребление правом нет, так как «Осуществление права не может быть противоправным, а, следовательно, и злоупотреблением. Те действия, которые называют злоупотреблением правом, на самом деле совершены за пределами права. Совершая эти действия, лицо переходит за границу своего права»⁷⁷.

Следует согласиться с высказываем в доктрине классиком советской цивилистики В.П. Грибановым, что «злоупотребление правом - это особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего

⁷³ См.: Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 29.

⁷⁴ См.: Ноянова А. А. Морально-этические проблемы неисполнения обязанностей и злоупотребления правами участниками арбитражного судопроизводства / А. А. Ноянова // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8. С. 8.

⁷⁵ Грибанов В.П. Указ. соч. С. 29.

⁷⁶ См.: Шабуров А.С. Теория государства и права: учебник для юридических специальностей. Курган: Курганский государственный университет, 2009. С. 57; Теория государства и права : учебник / С. И. Архипов, В. М. Корельский, В. И. Леушин и др. ; отв. ред. В. М. Корельский В. Д. Перевалов. М.: ИнфраМ: Норма, 1998. С. 413.

⁷⁷ Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 430.

типа поведения»⁷⁸.

Говоря о широкой трактовке в отношении категории «злоупотребление правом» необходимо подразумевать употребление чего-либо, подлежащего использованию, не в полезных целях, а во зло; использование того или иного явления, предмета в целях неправомерного, несправедливого получения какой-либо выгоды для себя, в собственных интересах⁷⁹.

Что касается злоупотребления в корпоративном праве, то оно интерпретируется в качестве применения каких-либо благ во вред себе либо другим лицам посредством обращения хорошего средства для достижения плохой цели участниками корпоративных правоотношений. Злоупотребление проявляется, как правило, в противоправном, сознательном, корыстном использовании собственных возможностей во вред другим лицам⁸⁰.

Подчеркнем, что концепция злоупотребления правом адаптируется во многих сферах частноправового регулирования⁸¹. В научной правовой литературе обоснованно высказывается мнение, согласно которому злоупотребление правами, в том числе гражданскими и в их рамках корпоративными, равносильно осуществлению субъективных прав вопреки добрым нравам, совести⁸². Здесь следует дополнить, что злоупотребление правом вступает в противоречие с морально-этическими, нравственными предписаниями, нарушается ценностный подход применительно к деятельности участников корпоративных правоотношений.

«Злоупотребления правом - это деяние (действие или бездействие),

⁷⁸ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут. Серия: Классика российской цивилистики. 2000. С. 63.

⁷⁹ См.: Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики): дисс. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2003. С. 28.

⁸⁰ См.: Гришин В.С. Сравнительный анализ понятия злоупотребление правом в различных отраслях права // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сборник статей. Новосибирск, 2018. С. 187-188.

⁸¹ См. подробнее: Буцан Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере римской правовой традиции) // Гражданское право. 2024. № 5. С. 38 - 41.

⁸² См.: Брайцева Е.А. К вопросу об определении понятия «злоупотребление правом» // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 6-3. С. 152.

имитирующее реализацию норм права, при которой субъект права изначально преследует цель, не предполагаемую нормой права, а правовой механизм используется исключительно как средство достижения результата, противоречащего очевидной цели реализации нормы, что влечет причинение вреда (угрозу вреда) законным интересам других лиц, общества или государства»⁸³. Злоупотребление корпоративным правом, очевидно, что влечет, причинение имущественного вреда, ущерба другим участникам корпоративного отношения, третьим лицам, обществу, государству⁸⁴.

Чтобы понять природу злоупотребления правом субъектами корпоративных правоотношений как юридического феномена, рассмотрим «теорию интереса». Согласно этой теории, ключевым признаком злоупотребления правом является отсутствие у корпораций, их должностных лиц, иных заинтересованных субъектов правового интереса для реализации принадлежащего им права⁸⁵. При этом субъекты корпоративных правоотношений могут преследовать цель нанесения вреда другим участникам⁸⁶, желать наступления «неблагоприятных последствий» для другого лица, нарушения интересов других заинтересованных лиц⁸⁷.

В отношении понятия и сущности интереса в правовой доктрине существует несколько подходов. Согласно Р. Иерингу, «интерес в смысле

⁸³ Шайхутдинов Е.М. Злоупотребление правом в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 29.

⁸⁴ См.: подробнее: Снытникова Н.В. Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение // Право и государство. 2024. № 10. С. 35.

⁸⁵ См.: Радченко С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 59.

⁸⁶ Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров; под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 413; Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. С. 115; Фогельсон Ю.Б. Избранные вопросы общей теории обязательств : курс лекций. М.: Юрист, 2001. С. 64; Шрам В.П. Интересная книга о злоупотреблении правом // Государство и право. 1997. № 4. С. 122.

⁸⁷ Брагинский М.И. Осуществление и защита гражданских прав. Сделки. Представительство. Доверенность. Исковая давность // Вестник ВАС. 1995. № 7. С. 99; Бирюкова Л.А. Злоупотребление правом в теории и практике применения норм о банковской гарантии // Цивилистические записки : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / редкол. С. С. Алексеев [и др.]. – Москва; Екатеринбург: Статут : Институт частного права, 2002. С. 293.

субъективном указывает на чувство зависимости в жизни (das Gefühl der Lebensbedingtheit). Основание, в силу которого меня интересует известная вещь или отношение, заключается в том, что я чувствую в моём существовании и благосостоянии, в моём довольстве или счастье свою зависимость от них. Интересы, следовательно, это суть жизненные требования (Lebensbedinungen) в широком смысле»⁸⁸. Обращаясь к позитивному праву, можно отметить, что в соответствии с пунктом 2 статьи 1 ГК РФ физические и юридические лица приобретают и реализуют гражданские права по своей воле и в своих интересах. При этом из содержания пункта 1 статьи 980 ГК РФ следует, что действия в чужом интересе осуществляются с учетом выгоды или пользы заинтересованного лица. Таким образом, интерес приравнивается к выгоде.

В науке С.Д. Радченко указывает, что «лицо, обладая субъективными правами, должно иметь интерес в их осуществлении... При этом имеется ввиду не всякий, а лишь признаваемый (охраняемый) законом правовой интерес»⁸⁹, в связи с чем «осуществление права при отсутствии в этом интереса управомоченного лица и есть то самое зло, против которого направлен запрет злоупотребления правом»⁹⁰. Схожего мнения придерживаются и другие исследователи, в частности Г.В. Мальцев⁹¹, Ю.Ю. Захаров⁹², Ю.С. Васильев⁹³. В отношениях, связанных с участием корпораций, сталкиваются два типа интересов: предпринимательский, корпоративный, основанный на эквивалентно-возмездных началах, и отчасти потребительский, обусловленный направленностью на удовлетворение нужд гражданина как участника

⁸⁸ *Иеринг Р.Ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 535.

⁸⁹ *Радченко С.Д.* Указ. соч. С. 59.

⁹⁰ Там же. С. 54.

⁹¹ См.: *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности теоретические вопросы). М.: Юридическая литература, 1968. С. 135.

⁹² См.: *Захаров Ю.Ю.* Интерес в осуществлении гражданских прав // Арбитражная практика. 2003. № 7. С. 17.

⁹³ См.: *Васильев Ю.С.* Взаимодействие права и морали // Советское государство и право. 1966. № 11. С. 12.

корпорации⁹⁴. Разнонаправленность интересов создает благоприятную почву для возникновения конфликтов между участниками корпоративных правоотношений, однако, как указывает В.А. Анисимов, потребительский интерес имеет приоритет перед предпринимательским в силу своей правовой природы⁹⁵.

Субъективное корпоративное право охватывает потенциальные действия индивида, тогда как его реализация проявляется в конкретных корпоративных действиях, отражающих намерения определенного обладателя этого права. Как указывает в науке В.П. Грибанов, «неправильно было бы также все случаи выхода управомоченного лица за пределы осуществления права считать злоупотреблением правом»⁹⁶.

Говоря о субъективной стороне злоупотребления правом, следует отметить, что, как справедливо указывает О.А. Поротикова, «субъективная сторона правонарушения в цивилистике не играет столь значительной роли... вина как условие ответственности (её степень и форма) не оказывает определяющего влияния на квалификацию деяния и размер ответственности»⁹⁷. Установление вины имеет первостепенное значение для административного и уголовного процессов, поскольку меры юридической ответственности там значительно репрессивнее, нежели в гражданском процессе.

Д.А. Матанцев, рассуждая о возможности применения категории вины к злоупотреблению корпоративным правом, говорит о том, что «злоупотребление правом представляет собой осуществление права», а значит невозможно использовать данную правовую конструкцию, ведь это приведет к

⁹⁴ См.: Анисимов В.А. Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 110.

⁹⁵ См.: Анисимов В.А. Актуальные проблемы гражданско-правовой охраны потребительского интереса // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 2. С. 35.

⁹⁶ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 46.

⁹⁷ Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография. М.: Юрайт, 2019. С. 139.

возникновению понятия «виновное осуществление права»⁹⁸, что противоречит самому существу права. Злоупотребление корпоративным правом нельзя признать и гражданским правонарушением, ведь механизм доказывания наличия у лица умысла на выход за пределы правоосуществления отсутствует, пределы законом четко не установлены, а лицо действует исходя из правомочия, предоставленного ему законом.

Разграничением поведения добросовестного от недобросовестного может являться цель, которую преследует участники корпоративных правоотношений, при заявлении определенных требований, вытекающих из условий корпоративного договора, например. Применительно к потребительскому праву невозможно не согласиться с мнением В.А. Анисимова, который указывает, что злоупотребление правом потребителем – это средство достижения экономического результата, а причинение убытков предпринимателю является уже следствием, то есть потребитель не ставит перед собой первостепенной задачей причинить вред субъекту предпринимательства⁹⁹.

В доктрине определяют злоупотребление правом и как «форму осуществления права в противоречии с его назначением, посредством которых субъект причиняет вред другим участникам тех или иных общественных отношений»¹⁰⁰.

О.Н. Бармина указывает, что субъективной причиной злоупотребления правом является низкий уровень правосознания и правовой культуры, которые выражаются в неправильном понимании правовых ценностей, неточном

⁹⁸ Матанцев Д.А. Основные подходы к пониманию сущности злоупотребления гражданским правом: критический анализ // Вестник Бурятского университета. 2012. № 2. С. 223-227.

⁹⁹ См.: Анисимов В.А. Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 110.

¹⁰⁰ Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2009. С. 17.

соблюдении предписаний, тяге к обогащению любыми средствами¹⁰¹. Граждане не осознают или сознательно допускают, что их действия, совершенные неуместно или неэтично, могут причинить вред другим. Повышение уровня правовой культуры – задача не отдельно взятой компании и даже не предпринимательского сообщества в целом, это одна из задач государства.

В доктрине установлено, что «понятийная составляющая феномена «злоупотребление правом», во многом обусловлена правильностью оценки пределов осуществления субъективных прав»¹⁰².

В качестве злоупотребления правом рассматривается также использование лицом, участвующим в конкретном правоотношении, своих прав, правомочий в противоречии с их назначением, влекущее причинение вреда другим субъектам, обществу, государству¹⁰³.

Помимо этого, в соответствии с позицией Верховного Суда РФ, изложенной в Определении № 52-КГ16-4, в качестве злоупотребления субъективным правом необходимо рассматривать «поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему права, осуществляемое с незаконной целью, а также любые негативные последствия, которые являются косвенным либо прямым результатом осуществления субъективного права»¹⁰⁴.

При этом под незаконной (противозаконной) подразумевается в данном случае не столько формально противная нормам права цель, сколько

¹⁰¹ См.: Бармина О. Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.01 / Бармина Ольга Николаевна ; Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина. Киров, 2014. С. 74.

¹⁰² Антонова Н.В. Злоупотребление правом в социально-обеспечительных правоотношениях: проблема определения понятийной составляющей // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 37.

¹⁰³ См.: Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 34.

¹⁰⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.05.2023).

направленность, которая не отвечает прогрессивным требованиям законодательства или конкретного закона (например, ГК РФ), направленным на выстраивание идеальной модели соответствующих частноправовых правоотношений¹⁰⁵, в том числе гражданских, хозяйственных и непосредственно корпоративных.

Кроме того, в видении С.Г. Зайцевой, суть злоупотребления правами заключается в так называемой «легальной видимости», в результате которой не происходит видимого нарушения предписаний нормативных актов, однако не исполняются общие принципы права либо равенства участников корпоративных правоотношений, установленных в норме, и могут нарушать свободу иных лиц¹⁰⁶.

По мнению отдельных ученых дореволюционного и советского, а также современного периода, злоупотребление может быть истолковано в качестве особой формы правонарушения (нарушения нормы и духа закона, его отдельной разновидности). Например, профессором В.П. Грибановым в своих трудах отмечалось следующее: «злоупотребление правом представляет собой особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении принадлежащего ему права...»¹⁰⁷. Профессор М.М. Агарков считал, что «случаи злоупотребления правом являются правонарушением»¹⁰⁸.

В настоящее время исследователи, в частности, А.В. Юдин, пришли к обоснованному мнению, что «злоупотребление правом следует рассматривать в качестве особой формы правонарушения, то есть в качестве умышленных

¹⁰⁵ См.: *Боловнев М.А.* Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. С. 74.

¹⁰⁶ З См.: *Зайцева С.Г.* Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации: монография. Рязань, 2002. С. 82.

¹⁰⁷ *Грибанов В.П.* Пределы осуществления и защиты гражданских прав: монография. 2-е изд. М.: Российское право, 1992. С. 90.

¹⁰⁸ *Агарков М.М.* Проблема злоупотребления правом в современном гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права. 1946. № 6. С. 422.

недобросовестных действий участников соответствующего правоотношения, сопровождающихся нарушением условий осуществления субъективных прав и совершаемых только с видимостью реализации данных прав, сопряженных с обманом в отношении известных фактов, обстоятельств с целью ограничения возможности реализации либо нарушения прав каких-либо других участников данного правоотношения или третьих лиц»¹⁰⁹. Подобное определение злоупотребления правом представляется наиболее полным и точным с точки зрения отраслевой корпоративной принадлежности.

Как установлено в науке «в 2020 - 2022 гг. российская экономика столкнулась с рядом трудностей: кризис, рост курса доллара и евро, экономические санкции и пандемия, безусловно, отрицательно сказались на состоянии корпораций и корпоративных отношений»¹¹⁰. Такого рода ситуация выступила катализатором нарушения принципа добросовестности и порождает злоупотребление правом участниками корпораций и иными заинтересованными лицами.

«Злоупотребление правом может быть установлено судом при рассмотрении дела, например, по иску правообладателя о применении мер защиты принадлежащего ему права и на основании решения суда»¹¹¹.

Обратим внимание, что злоупотребление правом может быть истолковано и как заведомо недобросовестное применение норм действующего законодательства¹¹². Кроме того, злоупотребление субъективными правами

¹⁰⁹ Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. С. 13.

¹¹⁰ См. подробнее: Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 30; Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18.

¹¹¹ Айрапетов Н.А. Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 1. С. 95.

¹¹² См.: Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. С. 76.

определяется в качестве варианта противоправного действия, не соответствующего добросовестному варианту деятельности обязанных лиц¹¹³. Несмотря на лаконичность, вышеуказанные правовые трактовки достаточно емкие и содержательные, характеризуют сущностные аспекты злоупотребления субъективными гражданскими и иными правами, в том числе корпоративными, экономическими в широком смысле слова.

Таким образом, обобщая сложившиеся в науке подходы, злоупотребление правом рассматривается как правонарушение, как правомерное (неправомерное) действие, как особый вариант девиантной деятельности. Вместе с тем, в отличие от правонарушения злоупотребление правом, в том числе экономическими в широком понимании этого слова понятием и корпоративными интересами, формально укладывается в рамки субъективного прав и иллюзорно соответствует объективному праву, как установленным нормам позитивного частного права) пока не происходит нарушения прав и охраняемых законом интересов иных участников частноправовых корпоративных правоотношений.

Подчеркнем справедливость утверждения, что злоупотребление правом, в том числе корпоративным, может иметь место только в ситуации осуществления данного права с превышением пределов его реализации¹¹⁴.

Конечно, при осуществлении участниками корпоративных правоотношений правомочий и исполнения обязанностей безграничная свобода невозможна. Соответственно, законодательно предусматриваются пределы осуществления субъективных прав, в том числе корпоративных и экономических, в целом. Вышеуказанные пределы осуществления корпоративных прав и исполнения обязанностей имеют внешние объективные рамки, предусмотренными нормами закона или локальными корпоративными

¹¹³ См.: Жуков А.А. Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве: дисс. канд. юрид. наук. М., 2022. С. 70.

¹¹⁴ См.: Слонская К.А. Понятие злоупотребления правом // Студенческий вестник. 2020. № 12-3. С. 57.

актами.

В соответствии с конституционными нормами, осуществление свобод и прав граждан (иных лиц) не должно нарушать свободы, права и интересы любых других лиц¹¹⁵. Данное императивное требование выступает, по сути, в качестве межотраслевого принципа недопустимости злоупотребления правом в корпоративной практике.

Кроме того, в нормах Конституции закреплены положения о недопустимости осуществления экономической деятельности, направленной на монополизацию, недобросовестную конкуренцию; о свободе владения и распоряжения землей и иными природными ресурсами при условии, что этим не нарушаются интересы и права других лиц¹¹⁶. В указанных случаях речь идет о необходимости соответствия осуществления прав гражданами (их объединениями) закону, а также соблюдения пределов осуществления прав как провозглашенной государством обязанности по разумному, добросовестному, надлежащему осуществлению прав, полномочий¹¹⁷.

В частноправовых отношениях пределы осуществления субъективных прав имеют различные рамки правового воздействия. Пределы устанавливаются посредством запретов в отношении определенных вариантов поведения участниками корпорации либо установления дозволенных рамок, очерченных законом.

Пределы осуществления субъективных корпоративных прав подлежат установлению законодателем посредством применения таких правовых средств, как:

- определение задач гражданского и корпоративного законодательства.

При злоупотреблении субъектом осуществляется попытка сокрытия истинной

¹¹⁵ Ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

¹¹⁶ Ст. 34, 36 Конституции РФ.

¹¹⁷ См.: Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 21.

цели собственных действий, вступающей в противоречие с целью правомерной, достижение которой санкционируется гражданско-правовой нормой¹¹⁸;

- установление базовых принципов частноправового регулирования, в частности, принцип равенства участников регулируемых гражданских, предпринимательских, корпоративных отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела, беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, добросовестности, свободы всех участников гражданского оборота, разумности;

- введение пределов осуществления субъективных корпоративных прав непосредственно в диспозиции статьи нормативно правового акта.

Кроме того, границы применения субъективных гражданских прав, распространяющиеся на все виды гражданских и в их рамках корпоративных правоотношений, установлены ст. 10 ГК РФ (данные пределы называют универсальными). В этом случае законодателем запрещается совершение ряда действий, описываемых оценочными понятиями (речь здесь идет о родовых понятиях).

Иными словами, при нарушении данных запретов действия субъектов можно трактовать как злоупотребление. В частности, мы видим указание на то, что «не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)».

Также мы отмечаем положение о недопущении использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке.

¹¹⁸ См.: *Файзрахманова И.Э.* Понятие и правовая природа злоупотребления правом // Евразийский научный журнал. 2017. № 10. С. 71.

Следует выделить, что при осуществлении гражданских и непосредственно корпоративных прав необходимо также учитывать и частные стеснения субъективных прав, в частности ограничения на основании судебного решения или акта должностного лица (запрет совершения определенных корпоративных действий, наложение ареста на имущество корпорации).

Следует особо обратить внимание на то, что во всех случаях злоупотребление корпоративным правом выступает в качестве недобросовестного осуществления соответствующего права.

Вывод о том, что злоупотребление корпоративным правом может иметь место лишь при условии наличия у лица соответствующего права, неоднократно подтверждался судебной практикой, в том числе в обобщенном Высшим Арбитражным судом Российской Федерации информационном письме¹¹⁹.

Еще раз подчеркнем, что ни один из субъектов соответствующих корпоративных правоотношений не имеет права на извлечение каких-либо преимуществ из собственного недобросовестного либо незаконного поведения (деятельности).

Исходя из смысла ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, принцип добросовестности находит выражение в недопустимости при осуществлении гражданами (субъектами) собственных прав, нарушений прав, интересов иных лиц, причинения этим лицам иного вреда. Вместе с тем правоприменительная позиция Конституционного Суда РФ не исключает возможности применения гражданско-правовой ответственности к юридическим лицам за злоупотребление ими гражданскими (или корпоративными) правами¹²⁰.

¹¹⁹ Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда от 25.11.08 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2.

¹²⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от

Добросовестность в корпоративном праве является, по природе, базовой обязанностью лиц в рамках корпоративных правоотношений, и служит условием осуществления субъективных гражданских (корпоративных) и иных частных прав, при котором внутренние установки субъекта, участника правоотношения (его интеллектуальный аспект) соответствуют совершаемым им действиям (его поведенческий аспект)¹²¹.

Принцип добросовестности трактуется в качестве требования о недопустимости извлечения преимуществ из собственного поведения при нарушении тем самым чужого интереса или прав. Добросовестность предполагает использование предоставленных лицу корпоративных прав исключительно для достижения не противоречащей закону цели¹²². Обратим внимание, что как разумность, так и добросовестность поведения и действий участников гражданского оборота предполагаются до тех пор, пока не будет доказано противное¹²³.

Для квалификации действий обязанных лиц при недобросовестном поведении одной из сторон необходимо наличие и обоснование вышеуказанных обстоятельств, либо решения суда при отклоняющемся от добросовестного поведения субъекта. В науке обоснованно высказано интересное суждение, что «добросовестное лицо может защищать свои права как с использованием эстоппеля/*venire contra factum proprium*, так и со ссылкой на концепцию защиты доверия, в зависимости от характера спорных отношений. Применение судами вышеуказанных правовых институтов оправданно и призвано служить защите

24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 19.

¹²¹ См.: *Михеева И.В.* Злоупотребление правом корпоративных правоотношений, анализ и инновации борьбы с ними // Студенческий форум. 2022. № 43-2. С. 48.

¹²² См.: *Шухарева А.В.* Значение добросовестности как принципа и презумпции в гражданском праве: проблемы теории и практики // Российская юстиция. 2020. № 9. С. 9-10.

¹²³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8. 2015.

интересов добросовестного лица»¹²⁴.

Отметим также, что злоупотребление правом, в том числе корпоративным, по мнению большинства исследователей, осуществляется посредством умышленных действий, осознанно. Под умыслом подразумевается заранее обдуманное лицом намерение совершить конкретные действия¹²⁵.

При этом под прямым умыслом необходимо признавать такие действия, при совершении которых лицо осознавало их общественно вредный характер, предвидело общественно вредные последствия данных действий и желало их наступления. Тогда как при косвенном умысле субъектом осознается общественная вредность собственных действий, он предвидит возможность наступления общественно вредных последствий, но при этом не желает, а сознательно допускает данные последствия, или относится к ним безразлично¹²⁶.

Можно сказать, при злоупотреблении корпоративным правом субъект, осуществляющий конкретное корпоративное право, которым он наделен, делает это таким образом, что происходит ущемление интересов и прав другой стороны, третьих лиц, в целом общества, государства, при этом субъект желает подобного ущемления или безразлично относится к последствиям собственных действий¹²⁷.

Вместе с тем, в некоторых случаях речь может идти о неосторожной форме вины. Поясним, что под противоправным деянием, совершенным по неосторожности, подразумевается деяние, которое было совершено или по

¹²⁴ Ступин П.А. Принцип добросовестности в спорах о правах на недвижимость с участием государственных органов // Российская юстиция. 2024. № 10. С. 79.

¹²⁵ См.: Мурадян М.О. Термин «злоупотребление субъективным правом» в системе юридических понятий // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2018. С. 151.

¹²⁶ См.: Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации: монография. Рязань, 2002. С. 84-85.

¹²⁷ См.: Слонская К.А. Понятие злоупотребления правом // Студенческий вестник. 2020. № 12-3. С. 58.

легкомыслию, или по небрежности¹²⁸.

Соответственно, под неосторожностью в рамках гражданского права, где эта форма вины достаточно широко применяется, а также в рамках гражданско-процессуального права следует понимать, в сущности, отсутствие требуемой от лица, участника корпоративного правоотношения должной заботы, внимательности, осведомленности и предусмотрительности. Небрежность, соответственно, представляет собой неумышленное ненадлежащее использование своих корпоративных прав.

При легкомыслии же (самонадеянности) лицо, участвующее в корпоративном правоотношении, предвидит возможные негативные последствия своих действий (бездействия), но самонадеянно полагается на предотвращение этих последствий без достаточных на то оснований. Подтверждение своей позиции мы находим и в римском праве, где ответчик мог предъявить иск о сутяжничестве не только в случае недобросовестности истца, но даже если он начал процесс легкомысленно¹²⁹.

Также в видении ряда исследователей (А. Лукьянцева, И.Э. Файзрахмановой и др.) шикана (рассматриваемая в качестве исторически первой формы злоупотребления гражданским правом) всегда совершается с прямым умыслом, а злоупотребление правом в иных формах может быть совершено как с косвенным умыслом, так и по неосторожности¹³⁰. Исходя из чего, представляется правомерным говорить в настоящее время о возможности рассмотрения категории злоупотребления гражданским, корпоративным правом не только как умышленного, но и как неосторожного поведения отдельных участников корпоративных правоотношений. Соответственно, субъективная сторона злоупотребления корпоративным правом может

¹²⁸ См.: *Юрчак Е.В.* Вина как общеправовой институт: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 127-128.

¹²⁹ См.: *Дождев Д.В.* Римское частное право. 5-е изд. М.: Норма, 2022. С. 445-446.

¹³⁰ См.: *Файзрахманова И. Э.* Шикана как форма злоупотребления правом // Евразийский научный журнал. 2017. № 10. С. 68.

характеризоваться виной в форме умысла или неосторожности (в форме легкомыслия или небрежности).

При этом для оценки виновности значение имеет, прежде всего, такой признак психической деятельности лица, как знание (осведомленность) о противоправности собственного поведения.

Следует отметить также, что злоупотребление корпоративным правом осуществляется, как правило, посредством определенных активных действий, выходящих за рамки конкретного корпоративного права, принадлежащего лицу. По мнению большинства исследователей невозможно осуществление злоупотребления своими корпоративными правами посредством бездействия¹³¹.

Однако в научной литературе высказывается и иная точка зрения. В частности, по мнению ряда авторов (Н.А. Дурново, А.А. Малиновского, А.В. Юдина и др.), злоупотребление субъективным правом (как материальным, так и процессуальным) может находить выражение и в бездействии. В большей степени подобная форма злоупотребления правом проявляется в процессуальных отношениях (арбитражном процессе), участниками которых, в свою очередь, могут быть и субъекты корпоративного права¹³².

Подчеркнем также необходимость отграничения злоупотребление корпоративным правом от неисполнения обязанностей. Состав правонарушения, образующего непосредственно злоупотребление гражданским, предпринимательским (корпоративным) правом, может быть связан в определенной части с неисполнением обязанности, а именно лица, являющиеся участниками корпоративных правоотношений, должны добросовестно пользоваться всеми предоставленными им законодателем

¹³¹ См.: Мазуров А.В., О.Н. Васильева Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Экономика, право, мораль в современном обществе: сборник статей. М., 2016. С. 133.

¹³² См.: Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. С. 125-126.

правами¹³³.

Также обращается внимание на то, что при злоупотреблении лицом принадлежащими ему корпоративными правами, как правило, может быть причинен материальный и нематериальный (а в некоторых случаях и моральный) вред другим участникам корпоративного правоотношения, в некоторых случаях третьим лицам и государству¹³⁴.

Отметим также, что цели злоупотребления корпоративными правами могут быть различны: нарушение равноправия сторон корпоративных отношений; удовлетворение собственных экономических (имущественных и пр.) интересов; намерение нанести ущерб, вред другим участникам корпоративного правоотношения или третьим лицам; получение выгоды большей, чем при добросовестном использовании своего корпоративного права; улучшение или укрепление своего экономического (конкурентного, доминирующего положения на рынке и иного) положения; избегание или уменьшение уровня юридической ответственности; ограничение конкуренции, расширение корпорации и иные цели.

Кроме того, злоупотребление корпоративным правом может преследовать своей целью совершение рейдерского захвата, осуществление вывода имущества с организации-должника, доведение хозяйственного общества до фиктивного банкротства, получение возможности незаконного обналичивания денежных средств.

При этом преследуемые лицом, злоупотребляющим корпоративными правами, цели всегда противоречат целям и задачам, принципам гражданского и иного законодательства¹³⁵.

Необходимо также обратить внимание на наличие определенных причин,

¹³³ См.: *Наумов А.Е.* Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 109-110.

¹³⁴ См.: *Шионок К.С.* Признаки злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Вестник науки и образования. 2020. № 2-1. С. 42.

¹³⁵ См.: *Михеева И.В.* Злоупотребление правом корпоративных правоотношений, анализ и инновации борьбы с ними // Студенческий форум. 2022. № 43-2. С. 47.

порождающих любые действия, поведение людей (их объединений), включая злоупотребление ими своими правами. Данные причины могут носить субъективный и объективный характер.

Например, в качестве объективных причин злоупотребления корпоративными правами выступать могут абстрактный характер гражданско-правовых и иных норм, и вследствие этого – неопределенность содержания субъективных гражданских, корпоративных прав, полномочий, обуславливающая, в свою очередь, возможность многовариантного поведения при реализации соответствующих прав; пробелы и коллизии в праве, порождающие противоречия и вакуум в правовом регулировании и пр.¹³⁶

Что касается субъективных причин, то они, как и цели злоупотребления корпоративными правами, могут быть весьма разнообразными, например, озабоченность лица реализацией своих экономических интересов, а не заботой о чужих корпоративных интересах (интересах других хозяйственных обществ, государства и пр.), что может находить проявление в стремлении к улучшению собственного экономического положения, получению выгоды и пр.¹³⁷.

Сформулируем основные выводы в отношении злоупотребления правом субъектами корпоративных правоотношений с точки зрения сущности и правоприменения данного правового явления.

1. Концепция злоупотребления правом находит реализацию во многих сферах частноправового регулирования общественных отношений. Злоупотребление правами правом вступает в противоречие с морально-этическими, нравственными предписаниями, нарушается ценностный подход применительно к деятельности участников корпоративных правоотношений.

¹³⁶ Снытникова Н.В. Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение // Право и государство. 2024. № 10. С. 35.

¹³⁷ См.: Механошина Н.А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 174.

2. Определение сущности и природы злоупотребления правом субъектами корпоративных правоотношений как юридического феномена, целесообразно с позиции «теории интереса». Согласно этой концепции, ключевым признаком злоупотребления правом является отсутствие у корпораций, их должностных лиц, иных заинтересованных субъектов правомерного интереса для реализации принадлежащего им права. При этом субъекты корпоративных правоотношений могут преследовать цель нанесения вреда другим участникам, желать наступления «неблагоприятных последствий» для другого лица, нарушения интересов иных заинтересованных лиц.

Существование различных интересов создает благоприятную почву для возникновения корпоративных конфликтов между участниками корпоративных правоотношений и злоупотреблению правом.

3. Таким образом, в литературе злоупотребление правом рассматривается как правонарушение, как правомерное (неправомерное) действие, как особый вариант деятельности. Вместе с тем, в отличие от правонарушения злоупотребление правом, в том числе экономическими и корпоративными интересами, формально укладывается в рамки субъективного права и иллюзорно соответствует объективному праву, как установленным нормам позитивного частного права) пока не происходит нарушения прав и охраняемых законом интересов иных участников частноправовых корпоративных правоотношений.

4. Обосновано, что во всех случаях злоупотребление корпоративным правом выступает в качестве недобросовестного осуществления соответствующего права.

5. Установлено, что цели злоупотребления корпоративными правами могут быть различны: нарушение равноправия сторон корпоративных отношений; удовлетворение собственных экономических (имущественных и пр.) интересов; намерение нанести ущерб, вред другим участникам корпоративного правоотношения или третьим лицам; ограничение

конкуренции; совершение рейдерского захвата, осуществление вывода имущества с организации-должника; доведение хозяйственного общества до фиктивного банкротства и другие.

6. Таким образом, под злоупотреблением корпоративным правом следует понимать заведомо недобросовестное осуществление участником корпоративного правоотношения, предоставленного ему законом, уставом общества или корпоративным договором, права, противоречащего его назначению посредством действий (бездействия), направленных на ограничение возможности реализации или нарушение прав других участников корпоративного правоотношения или третьих лиц.

§ 3. Понятие и содержание прав участников корпоративных правоотношений как объект злоупотребления

Комплекс правовых норм, имеющих отношение к регулированию корпоративных отношений, объединяется под общим названием корпоративного права, которое является своего рода подотраслью гражданского права, играющего основную роль в регулировании корпоративных отношений. «В настоящее время прослеживается явная тенденция к глобализации во многих отраслях жизнедеятельности человека»¹³⁸. Для корпоративного нормотворчества, относящегося к сфере наиболее интенсивного развития (реформирования) правового регулирования¹³⁹, определяемого изменяющимися (в том числе не известными действующему корпоративному праву) потребностями экономической жизни, существование

¹³⁸ См подробнее: *Карелина С.А., Кузнецов Е.А.* Формирование правовой базы для деятельности межгосударственных кластеров и специальных зон инновационного развития (коридоров знаний) и возможность их применения в странах латиноамериканского региона // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 2. С. 37 - 43.

¹³⁹ См. подробнее: *Румак В.* Реформа корпоративного права в России продолжается [Интервью с А.К. Нестеренко] // Закон. 2019. № 1. С. 8 - 17.

имеющихся и динамизм возникновения новых правовых плеоназмов (пробелов в корпоративном праве) особенно заметны¹⁴⁰. Такому положению дел способствует то, что отечественная система корпоративного законодательства предусматривает сочетание общих положений ГК РФ о всех корпорациях и норм специальных законов, в результате чего корпоративно-правовая материя напоминает «лоскутное одеяло»¹⁴¹.

Обратим особое внимание, что в Российской Федерации корпоративное право зачастую называют правом корпораций (хозяйственных товариществ и обществ). Корпоративное право России – статусное право, закрепляющее статус хозяйственных организаций¹⁴². Если говорить о сущности корпорации, то этот термин происходит от латинского *corporatio* и означает общество, союз, группу лиц, объединенных общностью профессиональных или сословных интересов¹⁴³. При этом одни исследователи отождествляют корпорации исключительно с акционерными обществами, другие включают в них все коммерческие организации, коммерческие корпоративные юридические лица (в том числе общества с ограниченной ответственностью, товарищества, производственные кооперативы и пр.)¹⁴⁴. Второй подход представляется в настоящее время наиболее правильным.

Относительно корпоративного регулирования правоотношений участников юридического лица, существует общее правило, что участие в юридическом лице не является предпринимательской деятельностью, о чем

¹⁴⁰ См. подробнее: *Микрюков В.А.* Правовые плеоназмы в корпоративном законодательстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 2. С. 28 - 32.

¹⁴¹ *Шиткина И.С.* Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 2. С. 5 - 16.

¹⁴² См.: *Макарова О.А. Попондопуло В.Ф.* Корпоративное право: учебник и практикум для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 21.

¹⁴³ См.: *Губин Е.П.* Корпоративное право: учебник. М.: Статут, 2019. С. 8.

¹⁴⁴ См.: *Макарова О.А.* Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – 3-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2017. С. 10.

неоднократно указывал Конституционный Суд РФ¹⁴⁵.

В цивилистической науке В.Ф. Яковлев указал, что «Концепция развития гражданского законодательства, собственно, это и подчеркнула, определив необходимость сохранения деления юридических лиц на виды «с некоторыми уточнениями», а именно разделив их на корпорации и некорпоративные юридические лица¹⁴⁶. В рамках данной работы под корпорациями рассматриваются хозяйственные общества, поскольку объем работы не позволяет охватить особенности злоупотреблений корпоративным правом всех корпоративных юридических лиц. Корпорациями с наибольшим количеством участников являются, прежде всего, юридические лица в форме хозяйственных обществ. При этом именно участниками хозяйственных обществ совершается подавляющее количество злоупотреблений корпоративным правом, что обусловлено, помимо прочего, коммерческим характером деятельности таких обществ и главной целью их участников, состоящей в извлечении прибыли на принадлежащие им акции или доли в уставном капитале хозяйственного общества.

Отметим справедливость слов А.Л. Маковского о том, что «наша российская цивилистика в последнее время все больше превращается в инструмент обслуживания бизнеса и сама стирает границу между собой и коммерческим и предпринимательским правом»¹⁴⁷.

Следует отметить, что в структуре предмета российского частного права и непосредственно корпоративного права имущественные отношения,

¹⁴⁵ Постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

¹⁴⁶ Яковлев В.Ф., Талатина Э.В. Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 125 - 140.

¹⁴⁷ Маковский А.Л. Письмо ответственным редакторам // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященных 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 8.

составляющие основу корпоративных отношений, возникают между соответствующими субъектами (например, участниками общества и пр.) по поводу определенного имущества, в частности, материальных благ, имеющих экономическую форму товара, денежно-стоимостное выражение (ценные бумаги, деньги, разнообразные вещи, имущественные права и прочее имущество в широком смысле). При этом следует учитывать, что нормы частного права регулируют не все существующие имущественные отношения, а лишь некоторые из них, а именно имущественно-стоимостные отношения.

Как указывает в доктрине Е.А. Суханов «при всех издержках, отчасти неизбежных в период становления новой подотрасли гражданского права, главный положительный момент заключается в законодательном признании и закреплении корпоративного права как еще одного, *особого гражданско-правового режима*»¹⁴⁸.

Одна из наиболее распространенных точек зрения относительно природы корпоративных отношений (в связи с дискуссиями о вещном, обязательственном, гибридном характере корпоративных отношений) заключается в том, что корпоративные отношения носят условный характер, так как возникают исключительно в условиях участия и управления в корпорации¹⁴⁹. В теории корпоративного права преобладает мнение о том, что у субъектов корпоративных правоотношений в отличие от субъектов иных гражданско-правовых отношений субъективные права имеют потенциальный и условный характер, и возникают они лишь при определённых обстоятельствах¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Суханов Е.А. Корпоративное право в Гражданском кодексе РФ (к 30-летию принятия первой части ГК РФ и 10-летию ее реформы) // Вестник гражданского права. 2024. № 5. С. 57.

¹⁴⁹ См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М. Статут, 2008. С. 87; Долинская В.В. Акционерное право: основные положения и тенденции. Монография. М. Волтерс Клувер, 2006. С. 574; Зурабян А.А. Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7-9.

¹⁵⁰ См.: Габов А.В. Корпоративное право: учебник / под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2019. Том 2. С. 354.

В любом случае, объем правомочий (абсолютный или условный) участника хозяйственного общества зависит от размера доли или акции в конкретной корпорации. Увеличенный либо уменьшенный объем правомочий может быть предусмотрен уставом общества или корпоративным договором. При этом в качестве субъектов злоупотребления корпоративным правом выступать могут те лица, которые непосредственно наделены соответствующими правами, имеют юридическую заинтересованность в их осуществлении и защите, способны злоупотребить предоставленными им правами в своих интересах¹⁵¹. При этом под осуществлением корпоративного права подразумевается совершение действий, составляющих содержание конкретного субъективного права. Иными словами, осуществление конкретного корпоративного права предполагает использование возможностей, входящих в содержание данного права¹⁵². Значение же осуществления корпоративных прав заключается в том, что благодаря соответствующим действиям происходит обеспечение правомерного поведения, удовлетворение интересов участников (субъектов) корпоративных правоотношений.

Корпоративные правоотношения (права и обязанности участников корпорации по отношению друг к другу и к корпорации в целом, права и обязанности самой корпорации по отношению к своим участникам, а также взаимоотношения «материнских» и дочерних обществ) существенно отличаются как от вещных правоотношений (в которых не определен круг обязанных лиц), так и от обязательственных правоотношений, в которых круг участников строго определен¹⁵³.

¹⁵¹ См.: *Михеева И.В.* Злоупотребление правом корпоративных правоотношений, анализ и инновации борьбы с ними // Студенческий форум. 2022. № 43-2. С. 47.

¹⁵² См.: Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / отв. ред. *О.В. Гутников*. М.: Статут, 2021. С. 384-386.

¹⁵³ См. подробнее: *Суханов Е.А.* Корпоративное право в Гражданском кодексе РФ (к 30-летию принятия первой части ГК РФ и 10-летию ее реформы) // Вестник гражданского права. 2024. № 5. С. 61.

В отношении органов корпорации укажем, что каждая корпорация имеет свою систему органов управления. В данную структуру, как правило, входят высшие органы управления и исполнительные органы. Органы управления организации фиксируют свою волю, так как фактически любая компания является самостоятельным юридическим лицом. При этом представляется наиболее целесообразным зафиксировать саму коммерческую организацию в качестве полноценного участника корпоративных отношений.

Участники корпорации действительно фиксируют ее волю на общем собрании компании. Тем не менее, сама компания на практике реализует волю отдельных членов организации. В тоже время интересы компании и отдельных ее членов могут не совпадать, именно тогда возникают корпоративные конфликты, поэтому, учитывая, что воля корпорации является индивидуальной, необходимо выделять ее в качестве полноценного участника корпоративных конфликтов, имеющего определенные прерогативы относительно рядовых участников общества. Это подтверждает и Федеральный закон «Об акционерных обществах», где фиксируется, что исполнительный орган, а также коллегиальный исполнительный орган должны отвечать за убытки, причиненные обществу в рамках своих действий. В этом ключе стоит отметить, что применяются именно правила делового оборота. Между соответствующими субъектами существуют отношения, обусловленные гражданско-правовыми связями.¹⁵⁴

Таким образом, гражданско-правовая специфика соответствующих отношений отражается на том, что общее собрание имеет законодательно обоснованные компетенции относительно руководства и координации политики компании. В рамках решения общего собрания организации руководство по своей инициативе может передать полномочия управления, принадлежащие исполнительному органу определенной коммерческой

¹⁵⁴ См.: *Лантес В.А.* Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2013. №3. С. 52-63.

организации или индивидуальному предпринимателю, который будет выступать в роли управляющего.

Современная доктрина предлагает самую распространенную на данный момент классификацию корпоративных прав на имущественные, преимущественные и неимущественные. Однако, выделение последних поддерживается не всеми учеными-исследователями. Некоторые вполне обоснованно считают целесообразным выделять вместо неимущественных прав организационные и организационно-управленческие права, так как сам процесс создания общества и вытекающее из этого право на управление обществом имеют процедурный или организационный характер¹⁵⁵.

По мнению Е.П. Губина, именно имущественные права всегда являются важнейшими правами участников корпорации¹⁵⁶. Многие ученые-юристы справедливо считают корпоративные имущественные права участников хозяйственных обществ основными правами, связывая это с целью деятельности обществ - извлечением прибыли. Как основное имущественное право выделяют право на дивиденд¹⁵⁷. В целом корпоративные имущественные права участников общества служат фундаментом для правильного функционирования общества и создают устойчивую основу для долгосрочных инвестиций и успешного развития бизнеса¹⁵⁸.

В науке представляется уже решенным вопрос о возможности злоупотребления не только субъективными правами, но и обязанностями¹⁵⁹. В

¹⁵⁵ См. подробнее: Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения. Сов. государство и право. 1966. № 10. С. 50 – 57.

¹⁵⁶ См. подробнее: Губин Е.П. Важно не ставить во главу угла правовые традиции, а решать экономическую задачу // Закон. 2019. № 3. С. 8 - 18.

¹⁵⁷ См., например: Корпоративное право: Учеб. курс: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018; Сеницын С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 4. С. 91 - 131.

¹⁵⁸ См. подробнее: Герасименко К.С. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: ограничение и отказ от их реализации в корпоративном договоре // Гражданское право. 2023. № 5. С. 10 - 14.

¹⁵⁹ См.: Волков А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. С. 17.

рамках настоящей работы предполагается говорить об имущественных и неимущественных корпоративных правах участников хозяйственных обществ – коммерческих корпораций.

Однако, прежде чем подходить к правовому анализу имущественных и неимущественных прав, по нашему мнению, необходимо исследовать соотношение права участия и членства, которые являются необходимым условием для возникновения корпоративных отношений. Сама такая необходимость вызвана тем, что на законодательном уровне дана дефиниция корпоративных отношений, как: 1) отношений, связанных с участием в корпорациях, и 2) отношений по управлению такими организациями. При этом, в ГК РФ право участия приравнивается к праву членства, как критерию отделения корпораций от других хозяйствующих лиц. А в статье 6 Федерального Закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» членство и участие прямо разграничиваются. По этой причине возникла дискуссия относительно тождества этих понятий.

Отдельные исследователи небезосновательно считают не равнозначными эти понятия в силу того, что «членство», по их мнению, единоразовое действие, в то время как участие — это длящийся процесс¹⁶⁰. Некоторые различают участие и членство, так как первым опосредуется право участника на имущество корпорации, а вторым – принадлежность участника к корпорации¹⁶¹.

Большинство ученых не разграничивает участие и членство, поскольку «участие или членство — это комплекс связей участников (членов) корпорации с самой корпорацией, что является в наличии у них субъективных прав и обязанностей, являющихся элементами содержания правоотношения участия (членства)»¹⁶². В данной работе будем придерживаться позиции об

¹⁶⁰ См.: Могилевский С.Д., Самойлов И.А. Корпорации в России: Правовой статус и основы деятельности: Учебное пособие. М. Дело, 2006. С. 26 – 27.

¹⁶¹ См.: Егорова М.А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий // Гражданское право. 2014. № 4. С. 13 – 18.

¹⁶² См.: Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С. 85.

отождествлении участия и членства.

Проанализировав вопрос соотношения понятий участие и членство, считаем возможным более детально исследовать имущественные и неимущественные корпоративные права.

Имущественные права. Сама сущность коммерческих юридических лиц корпораций предполагает наличие имущественных прав у ее участников (членов), так как задача корпорации приносить прибыль, которую потом эти участники распределяют между собой. А имущественные права – это основные и главные права участников (членов), которые опосредуют их имущественный интерес.

Традиционно среди имущественных прав выделяются такие права, как:

1. право на участие в распределении прибыли;
2. право на ликвидационную квоту;
3. права, опосредующие выход из корпорации.

Право на участие в распределении прибыли и право на получение дивидендов (которому корреспондирует обязанность корпорации выплачивать дивиденды). Поясним, что по смыслу норм, закрепленных Законом об акционерных обществах, под понятием «дивиденд» следует понимать часть чистой прибыли АО, которая подлежит выплате по размещенным акциям на основании решения общего собрания акционеров, которое принимается по финансовым результатам определенного периода деятельности общества. Возникновение такого права у участников корпорации связано с моментом их включения в правоотношение участия (или членства) в обществе, созданном для извлечения прибыли, а прекращение – с моментом прекращения деятельности общества или правоотношения участия в нем (выхода из участия, членства в обществе)¹⁶³.

Как правило, имущественный интерес участников может

¹⁶³ П. 1 ст. 42 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

удовлетворяться двумя способами:

- 1) получением прибыли в результате владения долей или акцией корпорации;
- 2) получением прибыли в результате роста стоимости доли или акции, и, следовательно, отчуждением участником своей доли или акции по стоимости, превышающей цену, по которой он их приобретал.

Неудивительно, что злоупотребление участниками правом в основном нацелено на реализацию второго способа. Многие виды злоупотребления правом имеют своей целью «выиграть» за счет роста стоимости акции. Законом предусмотрено множество инструментов отчуждения, например продажа, залог, выкуп самим обществом долей или акций и т.д.

Как было указано выше, право на участие в распределении прибыли или право на дивиденд в случае с акционерными обществами возникает с момента вступления в корпорацию в качестве ее члена и приобретения членского статуса. Почти всеми учеными-исследователями это право считается основным и существенным правом каждого участника (члена)¹⁶⁴. Правда, если сама корпорация или третьи лица (регистратор) не предпримет действия по распределению прибыли, то участник не сможет воспользоваться правом на участие в распределении прибыли.

И.С. Шиткина обоснованно считает, что нет единого права на дивиденд. Существует два права, которые составляют право на дивиденд – это «право акционера на участие в распределении прибыли и право требования выплаты объявленных дивидендов, порождаемое корпоративным актом в виде соответствующего решения общего собрания акционеров»¹⁶⁵. Мы поддерживаем данную точку зрения. Более того, по вопросу о том, может ли акционер в рамках осуществления своего права на дивиденд требовать от

¹⁶⁴ См.: *Писемский П.А.* Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М.: Тип. Грачева и Ко., 1876.

¹⁶⁵ Корпоративное право: учебный курс. 4 издание. Отв. ред. *И.С. Шиткина*. М: Кнорус, 2016. С. 567.

корпорации распределить прибыль, судебная практика сложилась почти однозначно. В большинстве случаев суды отказывают в таких требованиях акционеров. По мнению судов, незаконно и нецелесообразно оценивать экономическую деятельность корпорации в области принятия решений собранием кредиторов¹⁶⁶.

В зависимости от типа хозяйствующего субъекта различаются организационные процедуры распределения прибыли. Так, в хозяйственных обществах распределение прибыли между участниками возможно после принятия решения общим собранием участников, которое является высшим органом управления юридического лица (п. 1 ст. 28 Закона об ООО).

Можно сделать вывод о том, запрет на злоупотребление правом имеют общую цель, а именно предотвращение недобросовестного поведения участника хозяйственного общества. При этом применяются они в различных ситуациях. Например, в случае если имеет место быть бездействие, то применяется институт фидуциарных обязанностей. А если речь идет о недобросовестных действиях, то применяется институт запрета злоупотребления правом.

Безусловно, что все законодательно закрепленные (установленные договором, уставом) корпоративные права и обязанности подлежат добросовестному выполнению.

Сформулируем основные выводы по параграфу.

1. Сущность и значение осуществления корпоративных прав заключается в том, что благодаря соответствующим действиям происходит обеспечение правомерного поведения, удовлетворение интересов участников (субъектов) корпоративных правоотношений. Все законодательно закрепленные

¹⁶⁶ Абз. 1 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 2.

(установленные договором, уставом) корпоративные права и обязанности подлежат добросовестному выполнению.

2. На законодательном уровне дана дефиниция корпоративных отношений, как: 1) отношений, связанных с участием в корпорациях, и 2) отношений по управлению такими организациями. При этом, в ГК РФ право участия приравнивается к праву членства, как критерию отделения корпораций от других хозяйствующих лиц. А в статье 6 Федерального Закона № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» членство и участие прямо разграничиваются. По этой причине возникла дискуссия относительно тождества этих понятий.

3. Сама сущность коммерческих юридических лиц (корпораций) предполагает наличие имущественных прав у ее участников (членов), так как задача корпорации приносить прибыль, которую потом эти участники распределяют между собой. Среди имущественных прав выделяются такие права, как:

- право на участие в распределении прибыли;
- право на ликвидационную квоту;
- права, опосредующие выход из корпорации.

По итогам рассмотрения основных вопросов в данной главе видится целесообразным определить базовые выводы и положения.

1. Сделан вывод, что отсутствие легально закрепленных в гражданском законодательстве дефиниций «злоупотребления правами» и «добросовестного поведения», безусловно, отрицательно влияет на установление эффективных санкций за недобросовестное поведение применительно к участникам гражданского оборота и непосредственно корпоративных и иных экономических отношений.

2. Исходя из того, что добросовестность есть категория не только правовая, а морально-нравственная, философская, этическая, зависящая от субъективного восприятия ее человеком, для недопустимости разночтений в понимании данное понятие должно быть достаточно четко определено

законодателем. Ведь ее неопределенность предоставляет судьям широкие возможности для применения судебного усмотрения, что не всегда направлено на защиту прав субъектов корпоративных правоотношений, заинтересованных лиц, публичных интересов.

3. Сформулирован вывод, что субъективное корпоративное право охватывает потенциальные действия индивида, тогда как его реализация проявляется в конкретных корпоративных действиях, отражающих намерения определенного обладателя этого права.

4. Установлено, что в настоящее время злоупотребление корпоративным правом следует рассматривать в качестве особой формы гражданского правонарушения, то есть в качестве умышленных недобросовестных действий участников корпоративных правоотношений, сопровождающихся нарушением условий осуществления субъективных прав и совершаемых только с видимостью реализации данных прав, сопряженных с обманом в отношении известных фактов, обстоятельств с целью ограничения возможности реализации либо нарушения прав каких-либо других участников корпоративного правоотношения или третьих лиц.

5. Считаю, что в условиях активного развития рыночных корпоративных бизнес-отношений предпринимательские цели стали определяющими в реализации норм, в том числе и социально-экономической направленности в рамках деятельности корпораций. Однако достижение этих целей не должно вступать в противоречие с традиционным ценностных правовым подходом и основываться на морально-этических предписаниях.

6. В заключении настоящей главы необходимо указать, что как в правовых исследованиях, так и в судебной практике вопрос о возможности применения принципа недопустимости злоупотребления правом до настоящего времени остается дискуссионным.

Для придания правовой определенности рассматриваемым отношениям понятие добросовестного поведения участниками корпоративных

правоотношений целесообразно закрепить в нормах специального законодательства и ст. 10 ГК РФ в следующей редакции: «Добросовестное поведение – поведение, соответствующее целям, задачам и принципам гражданского законодательства, не преследующее цели извлечения каких-либо преимуществ, экономических и иных выгод, заключающееся в надлежащей реализации гражданских (корпоративных) прав в установленных законом пределах и исполнении обязанностей участниками соответствующих правоотношений, характеризующееся правомерностью, честностью»¹⁶⁷.

7. Под злоупотреблением корпоративным правом следует понимать заведомо недобросовестное осуществление участником корпоративного правоотношения, предоставленного ему законом, уставом общества или корпоративным договором, права, противоречащего его назначению посредством действий (бездействия), направленных на ограничение возможности реализации или нарушение прав других участников корпоративного правоотношения, третьих лиц или публично-правовых образований.

8. Установлено, что запрет на злоупотребление правом имеет общую цель, а именно предотвращение недобросовестного поведения участника корпорации (хозяйственного общества). При этом применяются они в различных ситуациях. Например, в случае если имеет место быть бездействие, то применяется институт фидуциарных обязанностей. А если речь идет о недобросовестных действиях, то применяется институт запрета злоупотребления правом.

¹⁶⁷ См. подробнее: *Снытникова Н.В.* Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение // Право и государство. 2024. № 10. С. 34-35.

Глава II. Реализация принципа добросовестности и противодействие злоупотреблению правом в корпоративных правоотношениях

§ 2.1. Реализация принципа добросовестности в контексте корпоративных правоотношений

В доктрине В.Ф. Яковлев обоснованно указывал, что «Концепция развития гражданского законодательства в плане соотношения частных и публичных элементов предлагает в одних случаях отказаться от публичных элементов регулирования, а в других - ужесточить регулирование, придав ему большую императивность¹⁶⁸. Что представляется абсолютно оправданным применительно к предмету настоящего диссертационного исследования в рамках именно корпоративных правоотношений. «Неприменимость деления на публичное и частное к социалистическому праву - объективный факт, выражающий гармоническое сочетание общественных и личных интересов»¹⁶⁹.

В науке установлено, что «эволюция правового регулирования корпоративных отношений от юридических лиц в гражданском праве перешло к регулированию инвестиционных отношений в финансовом праве, учитывая потребность в привлечении капитала для предпринимательской деятельности»¹⁷⁰. Многие исследователи прямо или косвенно связывают неблагоприятные социально-экономические последствия перехода к рыночному типу хозяйствования в 90-х гг. XX века с действием

¹⁶⁸ Яковлев В.Ф., Талапина Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5 - 16.

¹⁶⁹ Шаргородский М.Д., Иоффе О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 103.

¹⁷⁰ Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г., Цирина М.А. Современные проблемы корпоративного права в трансграничных отношениях // Международное публичное и частное право. 2023. № 4. С. 10.

частноправовых норм, которые не обеспечивали в полной мере реализацию социального назначения гражданского права»¹⁷¹.

О.В. Зайцев в цивилистической науке небезосновательно указывает, что «разработчики российского Гражданского кодекса стремились за рекордно короткий срок «вернуть» российскую сферу гражданско-правового регулирования к действующим в большинстве стран правовым механизмам, связанным с рыночными механизмами хозяйствования»¹⁷².

В первой главе настоящей диссертационной работы уже указывалось, что добросовестность как мера должного поведения определяется в ст. 10 ГК РФ. Определено, что добросовестность участников гражданских и корпоративных правоотношений, разумность их действий предполагаются (добросовестность презюмируется). Как отмечают исследователи, основанием для наступления корпоративной ответственности, предусмотренной ст. 53.1 ГК РФ, является «нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица»¹⁷³. При этом, как уже ранее указывалось в первой главе настоящего диссертационного исследования, добросовестность - категория оценочная, ее определение и понимание не закреплено в законодательных актах.

Добросовестность - это характеристика нормального поведения участника гражданского оборота¹⁷⁴. Отдельные ученые в науке обращают внимание на то обстоятельство, что «все участники гражданского оборота хотят работать с надежными и добросовестными контрагентами, будь то

¹⁷¹ См.: Зайцев В.В., Рыбаков В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 11 - 13.

¹⁷² См.: подробнее: Зайцев О.В. Вещные и обязательственные отношения в контексте реформы гражданского права // Право и экономика. 2017. № 12. С. 16 - 20.

¹⁷³ Демьянова М.В. Недобросовестность как основание гражданско-правовой ответственности членов органов управления корпорации // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 36 - 41.

¹⁷⁴ См. подробнее: Яценко Т.С. Понятие добросовестного поведения в зарубежном гражданском праве // Нотариус. 2013. № 8. С. 36 - 38.

юридические лица или индивидуальные предприниматели, которые выполняют все принятые обязательства в точном соответствии с договором и законом»¹⁷⁵.

Принцип добросовестности подлежит применению тогда, когда имеющиеся правовые нормы не дают того правового результата, который должен достигаться¹⁷⁶. «Добросовестность в отношении действительности титула и добросовестность как отдельное требование к давностному владельцу суть разные реквизиты»¹⁷⁷. Конечно, правовая категория добросовестности вызывает множество противоречий и неоднозначных трактовок в цивилистической мысли и практике. Попытка их устранить была предпринята в разъяснениях, данных в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁷⁸.

В п. 1 указанного постановления приводится толкование, исходя из которого под добросовестными понимаются такие действия стороны гражданских правоотношений, которые ожидаются от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Также в анализируемом постановлении разъясняется и процессуальный аспект применения принципа добросовестности. В частности, упоминается, что для признания действий лица недобросовестными не обязательно наличие заявления об этом другой стороны процесса, суд может по своей инициативе

¹⁷⁵ Левушкин А.Н., Морозов С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 38.

¹⁷⁶ См.: Решетникова И.В. Многоликая добросовестность в процессуальном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 55.

¹⁷⁷ Попелюх А.А. Понятие и критерии добросовестности давностного владельца: юридико-догматический и сравнительно-правовой аспекты // Вестник гражданского права. 2024. № 1. С. 155.

¹⁷⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

признать поведение участника гражданских правоотношений недобросовестным. В доктрине высказано весьма интересное суждение, что «идея подразумеваемого намерения сторон позволяет расширить дискреционные полномочия суда, но при этом и обусловить расплывчатость, широту критериев толкования»¹⁷⁹. Соответственно, указываются и последствия признания судом недобросовестности действий стороны процесса - например, это отказ в защите принадлежащего недобросовестной стороне права.

Однако, при наличии разъяснений высшей судебной инстанции, при применении принципа добросовестности нельзя не заметить проблемы. Так, неясно, какое лицо подразумевается под «любым участником гражданского оборота», потому как очевидны существенные отличия между, например, профессиональным участником рынка ценных бумаг как участником гражданского оборота и студентом первого курса юридического факультета. Даже у двух сравниваемых участников гражданского оборота существенно отличается набор знаний, опыта, квалификации и т.д. для участия в гражданско-правовых отношениях. В то время как участников гражданского оборота великое множество, это как юридические, так и физические лица, и чьи действия в данном случае необходимо считать за эталон – остается неясным. В науке небезосновательно высказано суждение, что принцип добросовестности выступает в качестве нравственной категории и выступает эталоном правового поведения субъекта¹⁸⁰. Следует не согласиться с высказываем А.Р. Темзокова, что «обращение к добросовестности излишне, поскольку право основывается на разумных основаниях и пригодно для регулирования гражданского оборота»¹⁸¹.

¹⁷⁹ Волос А.А., Кужанова К. Смарт-контракты: юридическая интерпретация поведения сторон в свете принципа добросовестности // Закон. 2024. № 9. С. 164.

¹⁸⁰ См.: подробнее: Микрюков В.А. Принцип добросовестности - новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 17 – 24.

¹⁸¹ См.: подробнее: Темзоков А.Р. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник трудов конференции. Краснодар: Издательство Научно-исследовательского института актуальных проблем современного права, 2018. С. 158 – 160.

Также процессуальный аспект применения принципа добросовестности дает слишком широкую возможность применения судебного усмотрения. С учетом того, что как таковое «мерило» добросовестного поведения не определено, а для применения указанного принципа даже не требуется ходатайства стороны в споре, может быть отказано в защите практически любого права со ссылкой на недобросовестные действия со стороны самого лица.

«Действующее законодательство не содержит легального определения добросовестного поведения и злоупотребления правом, ... необходимо дополнить действующее гражданское процессуальное и арбитражное процессуальное законодательство соответствующими формулировками»¹⁸². Разумность, так и добросовестность поведения и действий участников гражданского оборота предполагаются до тех пор, пока не будет доказано противное¹⁸³.

Обязанность действовать добросовестно закреплена для лиц, обладающих фактической возможностью определять действия юридического лица, в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Необходимо различать общегражданскую обязанность действовать добросовестно, закрепленную в качестве презумпции в ст. 10 ГК РФ, и корпоративную обязанность действовать добросовестно, отраженную в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Первая из указанных обязанностей существенно шире, относится ко всем участникам гражданско-правового оборота. В то время как вторая - более специальная, относится к ограниченному кругу лиц. Также общегражданская обязанность подразумевает обязанность действовать добросовестно в собственных интересах. В то время как корпоративная обязанность предполагает добросовестные действия в

¹⁸² Алиев Т.Т., Хатунцев О.А. Ответственность за злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2023. № 9. С. 97.

¹⁸³ См. подробнее: Снытникова Н.В. Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение // Право и государство. 2024. № 10. С. 33-36.

отношении подконтрольного юридического лица.

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» выделял следующие случаи, при которых недобросовестность поведения директора считается доказанной:

- конфликт с личными интересами, что может проявляться в фактической заинтересованности в совершении юридическим лицом сделки;
- сокрытие от участников общества либо предоставление им недостоверной информации в отношении совершенной сделки;
- совершение сделки без требуемого одобрения органов управления юридического лица;
- осуществление действий (бездействие), не отвечающих на момент их совершения интересам юридического лица, при условии, что директор знал или должен был знать об этом¹⁸⁴.

Представленные ситуации, полагаем, охватывают достаточно большой массив обязательственных отношений юридического лица¹⁸⁵. К субъективным фактором, влияющим на исход тех либо иных проблем, полагаем, следует отнести действия самих сторон спора, либо действия третьих лиц¹⁸⁶.

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации являются важнейшим ориентиром для нижестоящих судов при разрешении споров, поскольку именно они формируют единообразную практику применения норм права. Подходы высшей судебной инстанции играют особую роль в разрешении правовых неопределенностей в действующем корпоративном

¹⁸⁴ См.: подробнее: *Петухов С.В.* Добросовестность и разумность в механизме субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Юрист. 2024. № 10. С. 22 - 28.

¹⁸⁵ *Петухов С.В.* Указ. соч. С. 25.

¹⁸⁶ *Снытникова Н.В.* Правовые механизмы минимизации рисков на основе принципа добросовестности при заключении и исполнении договора на оказание юридических услуг в предпринимательской сфере // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 20 апреля 2023 г. / под общ. ред. д.ю.н., профессора *Д.А. Пашенцева*, д.ю.н., доцента *О.П. Сауляка*. – Саратов: Саратовский источник, 2023. С. 230-235.

законодательстве, в связи с чем и практикующим юристам, и исследователям следует изучать правовые позиции различных звеньев судебной системы.

Судебная практика расширительно толкует возможность применения указанных разъяснений также на случаи привлечения контролирующего лица к субсидиарной ответственности¹⁸⁷. Кроме того, самого факта принятия обязательств юридическим лицом недостаточно для привлечения к субсидиарной ответственности. В случае предъявления соответствующих требований суд должен установить, в чем именно заключается недобросовестность и (или) неразумность поведения такого лица¹⁸⁸.

В доктрине корпоративного права профессор О.В. Гутников небезосновательно отмечает: «необоснованное отождествление общегражданской и корпоративной обязанностей ведет к тому, что директора фактически привлекаются к корпоративной ответственности за нарушение общегражданской обязанности действовать добросовестно. Хотя такое правоприменение явно не соответствует смыслу и назначению норм, предусмотренных в ст. 53.1 ГК РФ, оно, по сути, санкционировано на уровне разъяснения высшей судебной инстанции и ведет к безграничной ответственности директора за любые неразумные и (или) недобросовестные действия, а также к трудноразрешимым вопросам о конкуренции исков о привлечении к корпоративной или к деликтной ответственности»¹⁸⁹.

При анализе принципа добросовестности, реализуемого в корпоративных правоотношениях, необходимо отразить, какие функции выполняет данное правовое явление в регулировании именно деятельности корпораций. Немецкий юрист Ф. Виакер отмечал схожесть проявлений конструкции принципа добросовестности с римским преторским правом. И на основе

¹⁸⁷ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 марта 2022 г. № Ф01-8054/2021 по делу № А43-27224/2020 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁸ Определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2023 г. по делу № А40-206341/2018 // СПС КонсультантПлюс.

¹⁸⁹ Гутников О.В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. № 6. С. 48 – 65.

выделяемых Папинианом функций преторского права, были выведены функции принципа добросовестности: толкование (*adiuvandi*), дополнение (*supplendi*), исправление (*corrigendi*)¹⁹⁰. Также функциям принципа добросовестности уделял внимание К.В. Нам, выводя следующих из них: конкретизирующую, дополняющую, ограничительную и корректирующую¹⁹¹.

Наиболее интересна для предмета диссертационного исследования функция ограничительная, которая призвана пресекать злоупотребление корпоративными правами и при исполнении обязанностей. М.В. Демьянова небезосновательно отмечает, что именно к этой функции следует относить доктрину «снятия корпоративной вуали», которая состоит в ограничении недобросовестного использования конструкции ограниченной ответственности по обязательствам юридического лица¹⁹². Ограничение подобного рода необходимо для предупреждения возможности злоупотребления со стороны учредителей (участников) такого юридического лица, которые могли бы использовать конструкцию юридического лица с целью ухода от ответственности¹⁹³, используя такой признак конструкции юридического лица как имущественная обособленность¹⁹⁴. Ограничительная функция принципа добросовестности в целом при регулировании статуса контролирующего корпорацию лица будет выражаться в исключении такого поведения, при котором лицо, обладающее контролем над корпорацией, использует само юридическое лицо исключительно в собственных интересах, пренебрегая его выгодой и благоприятным положением.

¹⁹⁰ См.: *Wieacker F.* Zur rechtstheoretischen Prazisierung des § 242 BGB. Tübingen, 1956. S. 20.

¹⁹¹ См.: *Нам К.В.* Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. С. 94 – 97.

¹⁹² См.: *Демьянова М.В.* Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // *Право и экономика*. 2021. № 9. С. 54 – 59.

¹⁹³ См.: *Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования: монография / А.Н. Беседин, Е.Н. Ефименко, Е.А. Козина и др.; под ред. Е.Д. Тягай.* М.: Норма, Инфра-М, 2014. С. 56.

¹⁹⁴ См.: *Братусь С.Н.* Юридические лица в советском гражданском праве. С. 140, 143; *Флейшиц Е.А.* Рецензия на книгу С.Н. Братуся «Юридические лица в советском гражданском праве» // *Социалистическая законность*. 1948. № 2. С. 29.

В науке предлагается: «отразить в ГК РФ конкретное значение принципа добросовестности для упрощения и повышения эффективности работы судов, так как на приведенных практических примерах явно видны последствия данного пробела в законе»¹⁹⁵. Обратим внимание на то обстоятельство, что «устаревшую позицию Savigny¹⁹⁶ и Puchfь¹⁹⁷ отражает Kaser, приобретатель, знающий об обстоятельстве, мешающем ему получить право собственности, признается недобросовестным.

Также принцип добросовестности необходимо рассмотреть не только применительно к общему регулированию правового положения контролирующих лиц, но и применительно к конкретным возлагаемым на них обязанностям. Контролирующие лица при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью обязаны уведомить о наличии у них данной заинтересованности, а также предоставить иные сведения, предусмотренные п. 2 ст. 45 ФЗ об ООО, ст. 82 ФЗ об АО. Законодатель использует формулировки «должны» и «обязаны» в отношении указанных действий, что подразумевает наличие у лиц, заинтересованных в сделке, и контролирующих лиц, в частности, информационной обязанности, которой корреспондирует право общества или общего собрания, совета директоров требовать предоставления указанной информации. Рассмотрим данную информационную обязанность контролирующих лиц более подробно.

Перечень сведений, которые обязаны предоставлять контролирующие лица, отличается в ФЗ об ООО и ФЗ об АО. ФЗ об ООО обязывает заинтересованное лицо предоставлять информацию (в случае, если таковое знает о требуемых сведениях) о наличии у него всех родственников из числа, указанных в ФЗ, и обо всех юридических лицах, подконтрольных этим

¹⁹⁵ См. подробнее: *Малявина Н.Б.* Принцип добросовестности в совершении сделок и его роль в признании сделок недействительными // Юрист. 2024. № 3. С. 30 - 34.

¹⁹⁶ *Savigny F.C.* System des heutigen Römischen Rechts. Bd. III. Berlin: Veit, 1841. S. 369.

¹⁹⁷ *Puchta G.* Pandekten. Leipzig: Verlag von Ambrosius Barth, 1853. S. 233.

Puchta G. Pandekten. Leipzig: Verlag von Ambrosius Barth, 1853. S. 233.

родственникам. Наоборот, ФЗ об АО не возлагает на заинтересованное лицо обязанность предоставлять сведения о таких своих родственниках. Заинтересованные в совершении акционерным обществом сделки обязаны раскрыть информацию о юридических лицах:

а) в отношении которых такие родственники или подконтрольные им организации являются контролирующими лицами или имеют право давать обязательные указания;

б) в органах управления, в которых родственники и (или) их подконтрольные лица занимают должности.

Обязанность указывать факт наличия среди родственников обладателей должности в органах управления каких-либо юридических лиц на заинтересованное лицо не возлагается законодателем в ФЗ об ООО.

Данное разночтение в федеральных законах покрывается наличием общей для контролирующих лиц АО и ООО, заинтересованных в сделке, сообщать о своей заинтересованности. В свете указанных обстоятельств можно рекомендовать самим корпорациям отслеживать списки своих контролирующих лиц и устанавливать, кто может иметь заинтересованность в планируемых обществом сделках, дабы исключить риск оспаривания и впоследствии признания сделки недействительной. Установление таких лиц возможно посредством анализа списка аффилированных лиц корпорации и выявления среди них тех, кто соответствует критериям контролирующего лица данного общества. В данном случае, самой корпорации будет существенно более удобно отслеживать контролирующее лицо по четким критериям. Иначе, в случае расширенного судебного усмотрения и неясных критериев в отношении того, кто будет признаваться лицом, контролирующим корпорацию, будут возникать неясности при решении о том, необходимо ли одобрять ту или иную сделку как сделку с заинтересованностью.

В целом роль законодательства о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность, в данном случае представляется роль регулятора,

позволяющего наиболее эффективно функционировать корпорациям, позволяя реализовывать изначальные цели, ради которых они были созданы, при этом соблюдая баланс интересов как самой корпорации, так и ее участников. Однозначно нормы закона не должны усложнять обычную хозяйственную деятельность общества, заставляя одобрять каждую из сделок с проведением целого ряда корпоративных процедур во избежание риска оспаривания. Отчасти поэтому информационная обязанность возложена именно на контролирующих лиц, а не само общество. Однако, на практике при неисполнении обязанности контролирующим лицом сама корпорация должна иметь возможность отследить своих контролирующих лиц, и значительно упростят эту задачу четкие критерии для признания лица контролирующим, о чем было сказано в работе ранее.

Также интересны в рамках проводимого анализа сроки, в которые лицо, знающее о своей заинтересованности в сделке, должно сообщить об этом обществу. ФЗ об АО устанавливает в качестве временного периода два месяца с момента, когда они узнали или должны были узнать о наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованными в совершении обществом сделок. ФЗ об ООО никаких сроков для уведомления не предусматривает. То есть, соблюдая требования ФЗ об АО, контролирующее лицо может сообщить о заинтересованности почти по истечении двух месяцев и действовать правомерно с точки зрения требований нормативно-правового акта. Однако учитывая современные реалии рынка, в некоторых случаях заключение сделки не может ждать два месяца, это может быть не выгодно как самому обществу, так и контрагенту. Соответственно, следовало бы прописывать необходимость выполнения данной информационной обязанности незамедлительно после того, как лицу стало известно о его заинтересованности.

На данный момент п. 1 ст. 82 ФЗ об АО, посвященный обязанности лица сообщить о своей заинтересованности, сформулирован следующим образом:

«лица, указанные в абзаце первом пункта 1 статьи 81 настоящего Федерального закона, в течение двух месяцев со дня, когда они узнали или должны были узнать о наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованным в совершении обществом сделок, обязаны уведомить общество <...>». Далее законодателем приводится перечень того, о чем указанные лица должны уведомлять общество, в том числе указывается и на сделки с заинтересованностью в подпункте три: «об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в которых они могут быть признаны заинтересованными лицами». Если в отношении первого и второго подпунктов двухмесячный срок уведомления допустим, то в случае заинтересованности в совершении сделок для надлежащего правового регулирования необходимо устанавливать меньший временной промежуток. Следует внести предложение по уточнению нормы закона: добавить в ст.82 ФЗ об АО пункт, посвященный уведомлению о заинтересованности лица в сделке, сформулированный следующим образом: «лица, указанные в абзаце первом пункта 1 статьи 81 настоящего Федерального закона, в течение пяти дней со дня, когда они узнали или должны были узнать о наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованным в совершении обществом сделок, обязаны уведомить общество об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в которых они могут быть признаны заинтересованными лицами». Аналогичную норму следует предусмотреть и в ФЗ об ООО, где на данный момент не указано каких-либо временных промежутков для уведомления общества о заинтересованности в сделке.

Но и данное решение не избавит от наличия сложностей при выполнении контролирующим лицом информационной обязанности. Так как для своевременного уведомления общества о наличии заинтересованности в планируемой сделке, контролирующему лицу необходимо быть в курсе всей хозяйственной деятельности общества. А зачастую получается так, что при наличии генерального директора как единоличного исполнительного органа и

коммерческого директора, имеющего закрепленное уставом право совершать от имени общества сделки, даже генеральный директор не обладает информацией обо всех заключаемых и планируемых корпорацией договорах, не говоря уже о полной осведомленности контролирующих лиц. Из этого следует, что контролирующему лицу необходимо максимально тщательно следить за хозяйственной деятельностью подконтрольной корпорации. Данную рекомендацию следует включить в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сформулировав пункт следующим образом: «контролирующему лицу для своевременного исполнения информационной обязанности по уведомлению общества о своей заинтересованности в предполагаемой или совершенной сделке надлежит отслеживать планируемые к совершению обществом сделки посредством направления в адрес общества периодических запросов».

Теперь проанализируем обязанность лица уведомить общество о своей заинтересованности в сделке в разрезе реализации принципа добросовестности. Добросовестным в ситуации, когда контролирующее корпорацию лицо будет знать о заинтересованности в планируемой сделке, будет поведение, при котором такое лицо, думая о последствиях для сторон договора, в наиболее короткие сроки уведомит общество в установленном порядке. Однако важно сохранять баланс интересов и помнить, что контролирующее лицо не обязано знать обо всех совершаемых от имени общества сделках. Было бы не целесообразным требовать от лица, контролирующего корпорацию, постоянного обладания информацией о всех готовящихся сделках. В то же время стоит помнить, что добросовестное поведение — это поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. В ситуации с исполнением информационной обязанности по уведомлению о заинтересованности в сделке от контролирующего лица ожидается, что оно сообщит об указанных

обстоятельствах при их наличии при выполнении следующих условия о том, что контролирующему лицу известно о готовящейся сделке.

Для выполнения вышеуказанного условия необходимо уведомление от общества о перечне готовящихся сделок, чтобы контролирующее лицо могло узнать о своей заинтересованности.

Однако законодателем не установлено прямых последствий несоблюдения анализируемой информационной обязанности контролирующего лица.

Эран Б. Тауссиг подчеркивает, что без принципа добросовестности судьи в отдельных случаях могли бы оказаться в ситуации невозможности осуществления правосудия¹⁹⁸. При этом К.В. Нам справедливо отмечает, что сложность и многоаспектность принципа добросовестности не позволяет говорить о том, что он содержит какие-либо конкретные регулятивные правила или объективные, т.е. внешние, стандарты должного поведения, называемого добросовестным¹⁹⁹. По мнению А.В. Егорова, «с помощью принципа добросовестности позитивное право может дополняться и развиваться, однако судебная практика, не способная оперировать принципом добросовестности с должным пониманием его целей и задач, может причинить большой вред и стабильности оборота, и праву в целом»²⁰⁰.

Более того, судебная практика, где невыполнение данной информационной обязанности привело бы к признанию сделки недействительной, также не обширна. При анализе судебных актов была выявлена скорее противоположная позиция. В постановлении Арбитражного суда Московского округа от 19.09.2019 № Ф05-15278/2019 по делу № А40-188761/2018 отражена ситуации, при которой истцы знали о совершенной

¹⁹⁸ См.: Taussig E.B. Broadening the Scope of Judicial Gatekeeping: Adopting the Good Faith Doctrine in Class Action Proceedings // St. John's Law Review. 2010. Vol. 84. No. 1. P. 1 - 94.

¹⁹⁹ См.: Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. 2-е изд. М., 2023.

²⁰⁰ Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 7.

сделке, однако из-за невыполнения информационной обязанности одной из сторон сделки не могли вовремя узнать о нарушении своих прав, так как сторона не уведомила в надлежащем порядке о своей заинтересованности. Судами первой и апелляционной инстанций в удовлетворении требований отказано. Суд кассационной инстанции также оставил жалобу без удовлетворения, в том числе мотивируя свои доводы тем, что факт наличия корпоративных связей у сторон оспариваемой сделки имеет место с 2015 года, о чем истцы при должной степени внимательности и «проявлении интереса» могли узнать еще непосредственно в 2015 году. Таким образом, суды отклонили доводы о неисполнении информационной обязанности как основании для признания сделки недействительной.

Говоря о реализации принципа добросовестности в рамках корпоративных правоотношений, в частности, применительно к исполнению контролирующим лицом информационной обязанности при заключении и исполнении корпорацией сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, необходимо определить спорные вопросы.

Во-первых, в силу принадлежности истоков принципа добросовестности скорее к нормам этическим и моральным, чем правовым, неясно, какое поведение лица при исполнении информационной обязанности будет признано добросовестным: направление уведомления сразу, как стало известно о заинтересованности или в течение двух месяцев, как установлено законодателем, несмотря на интерес корпорации узнать о таком как можно скорее?

Во-вторых, остается неразрешенным вопрос, обязано ли контролирующее лицо, действуя добросовестно, как то, ему предписывает п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, отслеживать все совершаемые корпорацией сделки для направления уведомления о своей заинтересованности. Будет ли ненаправление такого уведомления своевременно в случае отсутствия осведомленности добросовестным поведением? Или действия контролирующего лица будут

признаны недобросовестными, и в защите его прав будет отказано на этом основании?

Полагаем, что в данном случае однозначно ответить на поставленные проблемные вопросы не представляется возможным, потому что сами нормы о добросовестности в рамках корпоративных правоотношений сформулированы на настоящем этапе правового регулирования максимально размыто и неоднозначно. Такое «мерило» как «любой участник гражданского оборота» не может быть использовано на практике при определении надлежащего исполнения контролирующим лицом информационной обязанности при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью, так как может трактоваться субъективно в зависимости от правоприменителя.

Сформулируем основные выводы.

1. Обязанность действовать добросовестно закреплена для лиц, обладающих фактической возможностью определять действия юридического лица, в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Необходимо различать общегражданскую обязанность действовать добросовестно, закрепленную в качестве презумпции в ст. 10 ГК РФ, и корпоративную обязанность действовать добросовестно, отраженную в п. 3 ст. 53.1 ГК РФ. Первая из указанных обязанностей существенно шире, относится ко всем участникам гражданско-правового оборота. В то время как вторая - более специальная, относится к ограниченному кругу лиц. Также общегражданская обязанность подразумевает обязанность действовать добросовестно в собственных интересах. В то время как корпоративная обязанность предполагает добросовестные действия в отношении подконтрольного юридического лица.

2. При анализе принципа добросовестности, реализуемого в корпоративных правоотношениях, необходимо отразить, какие функции выполняет данное правовое явление в регулировании именно деятельности корпораций. На первый план выходит ограничительная функция принципа добросовестности при регулировании правового статуса контролирующего

корпорацию лица, которая будет выражаться в исключении такого поведения, при котором лицо, обладающее контролем над корпорацией, использует само юридическое лицо исключительно в собственных интересах, пренебрегая его выгодой и благоприятным положением.

3. Подчеркнем, что категория «принцип добросовестности» находится во внутреннем органическом единстве с понятием «злоупотребление субъективным правом» в рамках корпоративных правоотношений, реализации корпоративных прав и исполнения обязанностей. Их можно трактовать в качестве взаимоисключающих частноправовых конструкций. Принцип добросовестности необходимо рассматривать не только применительно к общему регулированию правового положения контролирующих лиц, но и применительно к конкретным возлагаемым на них обязанностям и мер ответственности.

4. Следует внести предложение по уточнению нормы закона: добавить в ст.82 ФЗ об АО пункт, посвященный уведомлению о заинтересованности лица в сделке, сформулированный следующим образом: «лица, указанные в абзаце первом пункта 1 статьи 81 настоящего Федерального закона, в течение пяти дней со дня, когда они узнали или должны были узнать о наступлении обстоятельств, в силу которых они могут быть признаны заинтересованным в совершении обществом сделок, обязаны уведомить общество об известных им совершаемых или предполагаемых сделках, в которых они могут быть признаны заинтересованными лицами». Аналогичную норму следует предусмотреть и в ФЗ об ООО, где на данный момент не указано каких-либо временных промежутков для уведомления общества о заинтересованности в сделке.

§ 2. Установление, предупреждение и пресечение злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений

Выявление и пресечение злоупотребления частным правом участником корпоративного правоотношения, правовая оценка подобных противоправных корпоративных деяний, выступают необходимыми предпосылками в ракурсе возможного и целесообразного формирования правового инструментария борьбы правовыми средствами с недобросовестным поведением лиц и злоупотреблением правом в рамках корпоративных правоотношений, как следствие, возможное применение мер юридического воздействия к субъектам, допустившим противоправное поведение в структуре корпоративного правоотношения.

В связи с существующей экономической нестабильностью, как в мире, так и в Российской Федерации, агрессивного поведения недружественных стран и весьма динамического развития цифровой среды, появляется все больше новых форм и способов нарушения корпоративных прав при недобросовестном поведении и злоупотреблении корпоративным правом, что требуется установление доступных средств и способов защиты корпоративных прав и интересов участников юридического лица, путем разработки эффективного гражданско-правового инструментария для формирования механизма защиты прав и интересов участников корпорации. В науке указывается, что российская экономика столкнулась с рядом трудностей: кризис, экономические санкции и пандемия, безусловно, отрицательно сказались на состоянии корпораций и корпоративных отношений²⁰¹.

²⁰¹ См. подробнее: *Левушкин А.Н.* Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29 – 36; *Левушкин А.Н.* Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18.

Как уже ранее указывалось, принцип недопустимости злоупотребления правом первоначально был закреплен в ст. 10 ГК РФ, но со временем нашел свое применение и распространение в сфере не только частноправового, но и публично-правового регулирования, что послужило основанием для научного дискурса о допустимости такого распространения. Неоднократно в науке было обращено внимание на спорность и неопределенность в содержании рассматриваемого принципа²⁰². Принцип «злоупотребление правом» рассматривался с различных подходов: с теоретико-правовых аспектов²⁰³; с гражданско-правовых позиций²⁰⁴; с позиции трудовых правовых отношений²⁰⁵; в избирательном праве²⁰⁶; в предпринимательском праве²⁰⁷ и др. Данные научные изыскания подтверждают реализуемый в настоящем диссертационном исследовании межотраслевой подход к научному осмыслению и обоснованию злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

Как небезосновательно подмечено в науке «нельзя утверждать об окончательном и ясном понимании содержания данного принципа, поскольку

²⁰² Мусарский С.В. Об ошибочности отнесения к актам злоупотребления правом действий по осуществлению субъективных прав в противоречии с их назначением (целью). URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

²⁰³ См.: Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Коломна, 2003. 198 с.; Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2006. 170 с.

²⁰⁴ См.: Ковалева Н.А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2005. 165 с.; Ибрагимова М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом (понятие, сущность, виды и последствия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Рязань, 2005. 161 с.; Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 2002. 206 с.; Белоножкин А.Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Волгоград, 2005. 206 с.; Емельянов В.И. Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2001. 156 с. и др.

²⁰⁵ См.: Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.05. Екатеринбург, 2006. 189 с.

²⁰⁶ См.: Советников И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006. 195 с.

²⁰⁷ См.: Избрехт П.А. Злоупотребление гражданскими правами в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2005. 198 с.

оно включает в себя в некоторых случаях вполне законные бизнес-процессы»²⁰⁸. Тем не менее невозможно отрицать огромное значение доктринальных исследований, заключающееся в преодолении разрыва между теоретическими изысканиями и правоприменением²⁰⁹.

Злоупотребление корпоративным правом — это сложная этико-правовая категория, тесно связанная с оценочными понятиями добра и зла, разумности, справедливости и апеллирующая к внутреннему убеждению правоприменителя (в первую очередь судьи), основанному в том числе на жизненном опыте, культурных традициях, менталитете²¹⁰.

Введение запрета на злоупотребление корпоративными правами и требование о добросовестном поведении участниками корпоративных правоотношений предопределяет введение правовых рамок и критериев возможного участия в корпоративном правоотношении при реализации своих прав и учета интересов других лиц, общественных интересов²¹¹.

При этом квалификация правомерности действия субъекта корпоративного правоотношения как недобросовестного, злоупотребления корпоративным правом подразумевает определение обстоятельств, которыми в совокупности с диспозицией соответствующей нормы ГК РФ или специального законодательства образуется состав конкретно гражданско-правового нарушения, при констатации недобросовестности деятельности самого участника²¹².

По обоснованному мнению А.В. Шухаревой, действия либо бездействие

²⁰⁸ См. подробнее: *Пшеунов А.М.* Принцип недопустимости злоупотребления правом в налоговых правоотношениях // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 8. С. 35 - 40.

²⁰⁹ См.: *Минникес И.А.* Доктринальное толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 3. С. 296.

²¹⁰ См. подробнее: *Шайхутдинов Е.М.* Злоупотребление правом в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 27 - 33.

²¹¹ См.: *Головин М.А.* Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Оригинальные исследования (ОРИС). 2023. № 3. С. 72.

²¹² См.: *Дурново Н.А.* Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 146.

участника корпоративного правоотношения может воплощаться только субъектами, обладающими и осуществляющими определенные субъективные корпоративные права при их недобросовестном осуществлении. Следует дополнить, что осуществление корпоративного права происходит в противоречии с его назначением и выходом за рамки установленного законом корпоративного права, принадлежащего участнику корпоративного правоотношения²¹³.

Важным квалифицирующим признаком выступает наличие негативных, неблагоприятных, вредоносных последствий, в том числе, причинение имущественного или неимущественного ущерба не только другим участникам корпоративного правоотношения, но публичным интересам, государственным задачам²¹⁴;

«Злоупотребление правом является оценочным понятием, требующим исследования мотивов поведения участников процесса, целей и результатов их действий и бездействия применительно к конкретной ситуации»²¹⁵. При этом злоупотребление корпоративным правом реализуется помимо принципов и норм гражданского и корпоративного законодательства, но при отсутствии формальных признаков нарушения конкретных запретов действующего специального законодательства; необходимо принимать во внимание, что действий, которые формально нормам закона не противоречат, однако ведут к достижению противоправного результата²¹⁶.

Сложилась однозначная судебная практика, в соответствии с которой действия участника, не соответствующие принципам добросовестности и

²¹³ См.: *Шионок К.С.* Признаки злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Вестник науки и образования. 2020. № 2-1. С. 40-44.

²¹⁴ См.: *Михеева И.В.* Злоупотребление правом корпоративных правоотношений, анализ и инновации борьбы с ними // Студенческий форум. 2022. № 43-2. С. 48.

²¹⁵ *Старицын А.Ю.* О злоупотреблении правом в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 7. С. 7 - 10.

²¹⁶ См.: *Коноводова М.Р.* Понятие и особенности злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Аллея науки. 2020. № 6. С. 512.

разумности, считаются злоупотреблением правом²¹⁷. Судебная практика сложилась и по достаточно интересному критерию злоупотребления правом – нарушение этических норм и выход за рамки общественной нравственности. Суды также считают данные обстоятельства злоупотреблением правом участником корпоративных правоотношений²¹⁸.

Обязательным признаком злоупотребления корпоративным правом выступает наличие причинно-следственной связи между совершенными лицом определенными действиями и непосредственно наступившими в результате подобных действий последствиями негативного характера, ставящие под угрозу нормальное функционирование корпораций. «В наиболее широком смысле речь идет о связи между совершенным деянием или правонарушением (противоправным поведением, действиями) и последствиями (в частности, причиненным ущербом), наступившими в результате такого деяния (халатности)»²¹⁹.

Выявление причинной связи при толковании наличия злоупотребления в действиях обязанных лиц как участников корпоративных правоотношений не является в рамках правоприменительной деятельности судов неразрешимой проблемой. Однако в отдельных случаях при установлении причинной связи между действиями участника корпоративного правоотношения и вредоносным результатом возникают противоречия, например, когда ущерб формируется не только от непосредственного деяния правонарушителя при злоупотреблении корпоративным правом, но и иных участников корпоративного правоотношения или третьих лиц. Такие злоупотребления правами зачастую имеют место при несостоятельности (банкротстве) корпораций.

²¹⁷ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.08.2020 № 309-ЭС20-2354(1,2) по делу № А50-23227/2018 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2024).

²¹⁸ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2018 № 18АП-8346/2018 по делу № А34-1605/2018 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 11.10.2024).

²¹⁹ См.: Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 121.

Для установления причинно-следственной связи необходимо доказывание «заведомости» совершенных данным лицом действий (либо бездействия)²²⁰.

Установление причинной связи требуется наряду с определением вины лица, совершившего нарушение, злоупотребившего своим корпоративным правом. Поясним, что речь в данном случае идет о том, что исключительно наличие субъективного вменения, но может оцениваться как злоупотребление (при установлении и иных необходимых признаков) и являться либо основанием для привлечения лица к ответственности, либо применения к нему других мер принуждения²²¹.

Причем вина рассматривается как внутреннее, субъективное отношение лица к совершенному деянию. Считаем, что весьма значимым является определение психического отношения лица к возможным последствиям своих противоправных действий в рамках корпоративного оборота с учетом соотнесения умысла и неосторожности как форм вины.

Воля участников корпоративных правоотношений (и их мотивы) является не только сложным социально-психологическим явлением, но и выступает в качестве признака виновности. Как указывается в науке, «с волеизъявлением, связывают юридические последствия действия субъектов в гражданских и непосредственно корпоративных отношениях, воля может быть подвергнута правовой оценке»²²².

При установлении злоупотребления корпоративным правом необходимо принимать во внимание и способ, которым было совершено нарушение, в частности, ненадлежащую реализацию субъектом собственного корпоративного права или исполнение обязанности.

²²⁰ См.: *Смирнова Я.А.* Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дисс. канд. юрид. наук. М., 2019. С. 81-82.

²²¹ См.: *Наумов А.Е.* Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 143.

²²² *Зайцева С.Г.* Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики): дисс. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2003. С. 96.

Подлежат учету судом при установлении злоупотребления корпоративным правом участником корпоративного правоотношения и другие признаки, которые способны оказывать влияние на правовую характеристику злоупотребления (степень опасности, злостность, выраженная в характере либо повторяемости противоправных, недобросовестных действий, неоднократность совершения, размер причиняемого подобными действиями ущерба, вреда и пр.)²²³.

Квалифицирующие признаки злоупотребления корпоративным правом могут быть также прямо закреплены в законодательстве. Это касается, в частности, таких форм злоупотребления корпоративным правом, как недобросовестное использование корпоративных прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

В частности, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, обладание хозяйствующим субъектом доминирующим положением на товарном рынке не является объектом правового запрета: такой субъект свободен в осуществлении экономической деятельности и вправе конкурировать с иными хозяйствующими субъектами, действующими на том же рынке; выбирать контрагентов и предлагать экономически эффективные для него условия договора.

Однако именно злоупотреблением доминирующим положением признается поведение субъекта, доминирующего на товарном рынке, выражающееся в формах недопущения, ограничения, устранения конкуренции на товарных рынках (например, исключение конкурентов или недопущение на рынок новых конкурентов); причинения вреда другим участникам рынка (хозяйствующим субъектам-конкурентам и потребителям, гражданам-потребителям как отдельной категории участников рынка), включая получение

²²³ См.: Сафаева Н.Р. Устранение правовой неопределенности и злоупотребления процессуальными правами в корпоративных правоотношениях в контексте судебной практики за 2019 год // Вестник гражданского процесса. 2019. № 6. С. 248-249.

необоснованной (монопольной) выгоды за их счет, иное подобное поведение²²⁴.

В случае возникновения спора на антимонопольный орган возлагается бремя доказывания того, что поведение хозяйствующего субъекта представляет собой злоупотребление в одной из описанных выше форм или что поведение хозяйствующего субъекта представляет собой один из видов злоупотреблений, выраженный в конкретных недобросовестных действиях, которые установлены антимонопольным законодательством²²⁵.

Подчеркнем, что в процессе квалификации поведения участника корпоративного правоотношения как недобросовестного, как злоупотребления им своим корпоративным правом решающая роль отводится именно судейскому усмотрению. Соответственно только суд вправе сделать окончательные выводы о наличии признаков недобросовестности в поведении участников корпоративных правоотношений и о злоупотреблении принадлежащими им корпоративными правами и о санкционных мерах, в том числе гражданско-правовой ответственности.

На наш взгляд, можно предложить судьям для определения наличия факта злоупотребления корпоративным правом участниками корпоративных правоотношений по конкретному делу применять трехсложный тест, который отразит наличие элементов каждого из следующих критериев (целевого, содержательного (противоречие между принципами гражданского законодательства и фактическими действиями участников корпоративного правоотношения) и формального выражения), что в совокупности укажет на наличие признаков злоупотребления корпоративным правом.

Полагаем, что любые противоправные деяния участников корпоративных правоотношений в целом и злоупотребление корпоративными правами, в

²²⁴ П. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5.

²²⁵ См.: Ст. 10 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

частности, ликвидировать, нивелировать их последствия полностью невозможно, вследствие чего актуальность приобретает проблема сдерживания данного вида нарушений, недобросовестного поведения на определенном социально-правовом приемлемом уровне.

Соответственно, условия жизни государства и общества, а также состояние законности, в том числе в сфере корпоративного права, и не слишком эффективное противодействие злоупотреблениям правом, недобросовестному поведению участников корпоративных правоотношений ставят на первое место не правовое воздействие на недобросовестность участников корпоративных отношений, а меры профилактирующего, предупреждающего характера, которыми формируются условия для развития законопослушной личности²²⁶.

Следует отметить, что «предупреждение злоупотреблений в корпоративных правоотношениях, следует рассматривать в качестве комплекса взаимоувязанных правовых, воспитательных и иных мер»²²⁷. Причем, как представляется приоритетное значение будут иметь духовно-нравственные ценности, на основе которых должно выстраиваться поведение должностных лиц в рамках деятельности корпораций.

В более узком смысле предупреждение злоупотреблений в гражданском и корпоративном праве рассматривается в качестве целенаправленного воздействия государства в лице его институтов на процессы детерминации и причинности недобросовестного поведения лиц, принимающих участие в гражданском обороте и непосредственно корпоративных правоотношениях, с целью предотвращения вовлечения новых лиц в подобные противоправные, недобросовестные деяния²²⁸.

²²⁶ См.: Мурадян М.О. Термин «злоупотребление субъективным правом» в системе юридических понятий // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2018. С. 155.

²²⁷ См.: Зайцева С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации: монография. Рязань, 2002. С. 129.

²²⁸ См.: Михеева И.В. Злоупотребление правом корпоративных правоотношений, анализ и инновации борьбы с ними // Студенческий форум. 2022. № 43-2. С. 49.

Стоит отметить, что законодательство предусматривает механизмы, призванные противодействовать указанным злоупотреблениям, например содержит положения, согласно которым члены органов управления компании могут быть привлечены к материальной ответственности в случае, если они были уличены в злоупотреблении правом, в результате которого обществу или акционерам был причинен вред. В отличие от акционеров члены органов управления обществом в случае, если будет доказан факт злоупотребления правом, несут материальную ответственность. Для акционера, злоупотребившего правом, последствия обычно заключаются в отказе в судебной защите. Столь существенную разницу в подходах можно объяснить в том числе тем, что злоупотребление правом со стороны членов органов управления юридического лица случается реже, чем со стороны акционеров²²⁹.

Можно сделать вывод, что предупреждение злоупотребления в корпоративных правоотношениях является категорией, обозначающей систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этого негативного правового явления, реализуемого посредством целенаправленной деятельности соответствующих институтов и уполномоченных лиц по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, детерминирующих существование недобросовестного поведения, злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений, а также совершение отдельных недобросовестных процессуальных действий.

В науке не выработано единое определение способа противодействия злоупотреблению правом со стороны субъектов корпоративных правоотношений. Предлагается следующее определение: способ противодействия злоупотреблению правом субъектом корпоративных отношений – это меры, используемые для предотвращения или минимизации негативного воздействия на обладателей корпоративных прав, недобросовестно

²²⁹ См. подробнее: *Шевчук Д.А.* Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 36 - 42.

осуществляющих свои права, а также способствующие восстановлению нарушенных прав субъекта предпринимательства и корпоративных правоотношений.

Следует подчеркнуть, что гражданско-правовыми санкциями, принудительными мерами выполняются различные функции, то есть применяются они не только в качестве мер ответственности за злоупотребление правом, недобросовестное поведение участника корпоративного правоотношения, но также и для предупреждения и пресечения подобных противоправных недобросовестных деяний, противоправных действий. Исходя из чего, обосновываем, что толкование вышеуказанных мер необходимо шире, нежели как реализации санкций гражданско-правовых норм.

Соответственно, сущность частноправового принуждения состоит в обеспечении исполнения правил поведения, предусмотренных правовыми предписаниями.

В частности, при несоблюдении законодательно установленных требований и запретов, не допускающих злоупотребление правами в корпоративных правоотношениях (а именно осуществления прав исключительно с намерением причинить вред другим лицам и в целях ограничения конкуренции, злоупотребления доминирующим положением на рынке и любого иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских, корпоративных прав), судом (в том числе арбитражным судом и третейским судом) с учетом характера, последствий совершенного злоупотребления отказывается злоупотребившему правом лицу в защите принадлежащего ему права (полностью либо в части), а также применяются иные законодательно предусмотренные меры.

«В российской правовой системе все еще отсутствует единое понимание злоупотребления корпоративным правом и нет единой концепции, которая включала бы перечень признаков, помогающих установить сам факт

злоупотребления правом, меры ответственности и защиты, противодействия»²³⁰.

Законодателем также подчеркивается, что при злоупотреблении правом, нашедшем выражение в совершении недобросовестных действий в обход закона, преследующих противоправную цель, применяются вышеуказанные последствия злоупотребления правом, поскольку иные последствия подобных действий гражданским законодательством не определены.

Кроме того, в случаях, когда злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений повлекло за собой нарушение прав других лиц, данные лица (потерпевшие) наделяются законодателем правом на предъявление злоупотребившему своим правом лицу требований о возмещении причиненных недобросовестными действиями убытков.

Таким образом, проведенный правовой анализ установления, предупреждения и пресечения злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений позволяет обозначить основные выводы.

1. Принцип недопустимости злоупотребления правом имеет законодательное закрепление в ст. 10 ГК РФ, но в силу конвергенции норм частного и публичного права, межотраслевого регулирования экономических и корпоративных отношений получил свое применение и распространение в сфере не только частноправового, но и публично-правового регулирования, что послужило основанием для научного дискурса о допустимости такого распространения. Полагаем, что в силу комплексной природы корпоративных отношений такая регламентация вполне оправдана.

Злоупотребление корпоративным правом, как и добросовестность — это сложная этико-правовая категория, тесно связанная с оценочными понятиями добра и зла, разумности, справедливости, основанными на традиционных духовно-нравственных ценностях и апеллирующая к внутреннему убеждению

²³⁰ Демидов Э.А. Правовые прецеденты в регулировании злоупотребления субъективными правами и судебная практика // Современное право. 2024. № 4. С. 85.

правоприменителя.

2. Проведенный анализ судебно-арбитражной практики позволяет заключить, что в настоящее время реализуется однозначная судебная практика, в соответствии с которой действия участника корпоративных отношений, не соответствующие принципам добросовестности, справедливости и разумности, должны быть квалифицированы в качестве злоупотребления правом.

3. Судебная практика сложилась и по достаточно интересному критерию злоупотребления правом – нарушение этических норм, духовно-нравственных ценностей и выход за рамки общественной нравственности. Суды также считают данные обстоятельства злоупотреблением правом участником корпоративных правоотношений, что представляется нам полностью отвечающим корпоративным и общественным интересам.

4. Выявление причинной связи при толковании наличия злоупотребления в действиях обязанных лиц как участников корпоративных правоотношений не является в рамках правоприменительной деятельности судов неразрешимой проблемой. Однако в отдельных случаях при установлении причинной связи между действиями участника корпоративного правоотношения и вредоносным результатом возникают противоречия, например, когда ущерб формируется не только от непосредственного деяния правонарушителя при злоупотреблении корпоративным правом, но и иных участников корпоративного правоотношения или третьих лиц. Такие злоупотребления правами зачастую имеют место при несостоятельности (банкротстве) корпораций.

5. Определено, что при установлении злоупотребления корпоративным правом необходимо принимать во внимание и способ, которым было совершено нарушение, в частности, ненадлежащую реализацию субъектом собственного корпоративного права или исполнение обязанности.

6. Установлено, что в науке не выработано единое определение способа противодействия злоупотреблению правом со стороны субъектов корпоративных правоотношений. Предлагается следующее авторское

определение: способ противодействия злоупотреблению правом субъектом корпоративных отношений – это специальные меры, особые приемы, используемые для предотвращения или минимизации негативного воздействия на обладателей корпоративных прав, недобросовестно осуществляющих свои права, а также способствующие восстановлению нарушенных прав субъекта предпринимательства и корпоративных правоотношений.

§ 3. Субсидиарная ответственность единоличного исполнительного органа хозяйственного общества как правовая форма противодействия злоупотреблению правом и недобросовестному поведению

Обширное распространение недобросовестного поведения, злоупотребления правом со стороны предпринимателей, юридических лиц и руководителей хозяйственных обществ привело к необходимости реформирования института субсидиарной ответственности как способ борьбы с подобными правонарушениями и злоупотреблениями в сфере корпоративных правоотношений. Объективным признаком развития института субсидиарной ответственности является постоянно растущая динамика увеличения количества дел по заявлениям о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках деятельности корпораций. Так по данным статистики Судебного департамента Верховного суда РФ количество дел по данной категории с 2018, в котором было рассмотрено по существу 3 733 дела, а в 2024 г. уже 7346 дел²³¹. Естественно, арбитражная практика постоянно развивается и можно констатировать, что на данный момент нельзя говорить о ее формировании в окончательном виде.

²³¹ Статистика Судебного департамента Верховного суда РФ по арбитражным спорам [Электронный ресурс] // <https://www.vsrif.ru/documents/statistics/?year=2025> (дата обращения 14.02.2025).

В последнее время все большее распространение в законодательстве и судебной практике получают случаи возложения ответственности по обязательствам юридических лиц на контролирующих лиц в субсидиарном порядке. Эти случаи столь разнообразны и многочисленны, что могут стать не исключением из принципа раздельной имущественной ответственности юридического лица и его участников (п. 2 ст. 56 ГК РФ), а общим правилом.

Субсидиарная, от латинского *subsidiarius* – резервный, вспомогательный. Стоит отметить, что хоть доктрина, на данный момент сформировала множественность дефиниций субсидиарной ответственности, легального определения нет ни в ГК РФ, ни в иных нормативных правовых актах гражданского и корпоративного законодательства. Субсидиарная ответственность как правовой институт упоминается лишь в п.1 ст. 399 ГК РФ, где устанавливается возможность привлечения к дополнительному виду ответственности другого лица, которое является основным должником, и устанавливается обязанность предъявлять требования именно к основному должнику.

Так, в науке *Белясов С.Н.* и *Щербинина И.В.* обосновано полагают, что в данной норме как раз и содержится дефиниция субсидиарной ответственности, в том смысле, который хотел заложить законодатель, но не указал в форме прямого определения²³². Однако все же более справедливо, исходя из буквального толкования данной нормы, полагать, что ею закрепляется лишь порядок привлечения к субсидиарной ответственности, а так как дефиниция должна содержать в себе признаки данного правового явления, то в этом случае возможно говорить об их отсутствии.

Отметим, что отношения при возникновении субсидиарной ответственности в российском праве раскрыты весьма достаточно, более того

²³² См. подробнее: *Белясов С.Н., Щербинина И.В.* Руководитель и иные контролирующие должника лица как субъекты субсидиарной ответственности в процессе банкротства: понятие и квалифицирующие признаки // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2021. № 1. С. 36 - 41.

многими учеными-правоведами субсидиарная ответственность выделяется в отдельный правовой институт, имеющий свои конкретные признаки и особенности с учетом отраслевой специфики. Что и представляется обосновать автором в данном параграфе диссертационной работы

Превалирует мнение относительно выделения субсидиарной ответственности в самостоятельный вид гражданско-правовой ответственности в силу наличия признаков и процедур, характеризующих данный институт с позиции самостоятельного правового феномена. Так В.В. Витрянский и А.Н. Гуев называют субсидиарную ответственность «ответственностью дополнительно к ответственности другого лица»²³³, что в полной мере соответствует и природе субсидиарной ответственности в корпоративных правоотношениях.

Е.Е. Богданова определяет субсидиарную ответственность как «один из видов гражданско-правовой ответственности, представляющий ответственность одного лица (субсидиарного должника) дополнительно к ответственности основного должника»²³⁴.

Существует доктринальное мнение относительно того, что субсидиарная ответственность не может являться самостоятельным правовым институтом, а может рассматриваться лишь с позиции обязательственного права²³⁵. Причиной для данной научной дискуссии послужила юридическая техника, в

²³³ Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. Издание 3 - е [Электронный ресурс]. М.: Статут. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс; Постатейный комментарий к части первой Гражданского кодекса РФ [Электронный ресурс] / под ред. А.Н. Гуева. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

²³⁴ Богданова Е.Е. Субсидиарная ответственность. Проблемы теории и практики [Электронный ресурс]. М.: Приор-издат., 2003. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.

²³⁵ Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985. С. 170; Вошатко А.В., Шиловская А.С. О содержании обязательства поручителя // Очерки по торговому праву: Сборник науч. тр. Под ред. Е.А. Крашенинникова. Ярослав. гос. ун-т. Ярославль, 2001. Вып. 8. С. 73 - 74; Гонгало Б.М. Учение об обеспечении обязательств. Вопросы теории и практики. М., 2002. С. 88; Б.М. Брагинский, В.В. Витрянский Договорное право. Книга первая: Общие положения. Изд. 2-е, испр. М., 1999. С. 576 и др.

соответствии с которой п. 1 ст. 399 ГК РФ размещен в главе 25 ГК РФ, которая раскрывает ответственность за нарушение обязательств. Частично возможно согласиться с данной концепцией в силу того, что, исходя из буквального толкования данной нормы, возможно отметить, что субъективному праву требования корреспондирует именно обязательство перед кредитором, а не особая форма ответственности. Фактически данная оценка нормативно-правового регулирования обязательственного права через призму института субсидиарной ответственности и послужило причиной данной научной дискуссии.

Ю.Я. Крюкова полагает, что «субсидиарное обязательство представляет собой дополнительную имущественную обязанность при противоправном поведении субсидиарного должника, повлекшем неблагоприятные имущественные последствия, либо без правовой оценки действий субсидиарного должника. Субсидиарная же ответственность имеет деликтную правовую основу»²³⁶. Фактически на данный момент сложилась научная теория, в соответствии с которой институт субсидиарной ответственности ёдолжен быть именован как институт субсидиарного обязательства. Выделим виды общей субсидиарной ответственности. Субсидиарная ответственность может различаться по видам: 1. На договорную, т.е. ее основания, условия, порядок прямо установлены договором (например, договором поручительства); 2. Внедоговорную, которая возникает в силу закона (например, при банкротстве).

Полагаем, институт субсидиарной корпоративной ответственности в современной российской цивилистике должен рассматриваться с позиции деликта, то есть субсидиарное обязательство не всегда может обладать признаками противоправности и не всегда возможно установить причинно-следственную связь между действиями (бездействиями) причинителя вреда в

²³⁶ Крюкова Ю.Я. Субсидиарные обязательства в гражданском праве России: автореферат дис канд.юрид. наук:Екатеринбург, 2013.

данных правоотношениях²³⁷. Правовую природу субсидиарной ответственности можно определить, как исключительно деликтную в силу особенностей корпоративного правового регулирования, в частности, в силу требований закона, необходимо установление вины руководителя хозяйственного общества, в том числе со снижением размера ответственности, а также привлечение к субсидиарной ответственности нескольких лиц. Исходя из вышеизложенного, считаем возможным классифицировать субсидиарную корпоративную ответственность на виновную и безвиновную. В силу требований действующего законодательства о юридических лицах к безвиновной субсидиарной ответственности могут быть привлечены:

1. Члены потребительского кооператива (КПК, ЖСК и другие);
2. Участники полного товарищества.

Совокупность доктринальных воззрений, приведенных ранее, позволяет установить, что правовую природу субсидиарной ответственности можно определить как исключительно деликтную в силу особенностей правового регулирования. То есть для того, чтобы привлечь лицо к субсидиарной ответственности должно быть совершено правонарушение, в гражданско-правовом понимании данного термина, и соответственно должны быть все четыре признака деликтного правонарушения. Однако отметим, что в рамках института субсидиарной корпоративной ответственности допускается наличие усеченного состава правонарушения. Исходя из правовой конструкции ст. 399 ГК РФ возможно установить, что для привлечения к субсидиарной ответственности достаточно только одного элемента гражданско-правового деликта, а именно вины. Так как подразумевается, что возможно привлечь к гражданско-правовой ответственности лицо, которое не является основным должником в обязательстве. То есть основным должником возможен охват всего состава гражданско-правового деликта, в том числе и противоправное

²³⁷ Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. М., Юрлитиздат. 1970. С. 7. 13.

поведение и причинно-следственная связь между действиями(бездействиями) и наступившими неблагоприятными правовыми последствиями.

Вместе с тем, при привлечении лица к субсидиарной ответственности необходимо установить наличие и иных условий деликтной ответственности. В связи с этим необходимо разграничить субсидиарную ответственность как меру защиты, а не меру ответственности. Считаем, что именно такой смысл заложил в данную норму законодатель, подразумевая концепцию того, что обязательства должны исполняться, и никто не может получать выгоду из своего противоправного поведения. В связи с достижением данной цели в российское гражданское законодательство и был внедрен институт субсидиарной корпоративной ответственности, как разновидности гражданско-правовой ответственности. Фактически законодатель подразумевает, что в рамках концепции конструкции ст. 399 ГК РФ в действиях субсидиарного должника должна прослеживаться именно противоправность как ключевой критерий для привлечения к ответственности и только в рамках данной конструкции возможно установить, что субсидиарная ответственность — это именно мера защиты гражданских прав. Как отмечено нами ранее, именно возложение субсидиарной ответственности на должника, в действиях (бездействиях) которого отсутствует противоправность, как элемент деликтного обязательства, и выступает именно как мера защиты, а не мера ответственности в современной концепции деликта в российской цивилистике.

Характерной особенностью субсидиарной ответственности у юридических лиц является то, что привлечь хозяйственное общество к дополнительной ответственности возможно лишь в случае прямого предписания закона (субсидиарная ответственность при банкротстве общества), в рамках существа обязательства, а также в случаях если в учредительных документах прямо предусмотрена возможность привлечь иных лиц к ответственности ¹⁸ по обязательствам общества, как правило такими лицами могут выступать учредители юридического лица, собственники

имущества и т.д. То есть в данном случае возможно говорить о добровольном возложении на себя возможности привлечения к субсидиарной ответственности по обязательствам основного должника. Отметим, что само по себе законодательство о юридических лицах не включает норм относительно регулирования института субсидиарной ответственности и порядке ее реализации, в связи с чем необходимо руководствоваться нормами, которые закреплены как в Общей части гражданского законодательства, так и в специализированных нормативно правовых актах, но что свойственно данному институту прямого регулирования (кроме ФЗ о банкротстве и ФЗ о сельскохозяйственной кооперации) не предусмотрено. А в отмеченных ранее федеральных законах, она регулируется опосредованно и ставит в зависимость от иных норм, которые содержатся в данных нормативно-правовых актах.

Фактически институт субсидиарной ответственности юридических лиц получил свое развитие в судебной практике, которая, по сути, заменила собой правовое регулирование, а также нашло свое отражение в доктринальных положениях ведущих российских правоведов. В силу наличия субъективного фактора в экономических правоотношениях могут встречаться обстоятельства, при которых одной из сторон надлежащим образом не исполняются обязательства, вследствие которых образуется право требования восстановления нарушенного права другими субъектами гражданских или корпоративных правоотношений, что в свою очередь образуется сначала в основную форму ответственности, а в следствии невозможности удовлетворения требований кредитора за счет средств основного должника, образуется дополнительная форма ответственности, а именно субсидиарная.

Стоит отметить, что институт субсидиарной ответственности в рамках общего регулирования цивилистического законодательства не тождественен субсидиарной в рамках банкротных правоотношений. В частности, в Постановлении Пленума ВС РФ №53/14 подчеркивается, что привлечение

контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.

Основой такого регулирования выступает необходимость исходить из имущественной обособленности юридического лица как субъективной особенности, которая устанавливается п.1 ст. 48 ГК РФ, которая подразумевает наличие конкретного имущества юридического лица, осуществление коммерческой деятельности непосредственно в интересах и от имени юридического лица, а также приобретение в рамках такой деятельности специфических прав и обязанностей.

Также в рамках общего регулирования ст. 10 ГК РФ возможно отметить запрет (шikanу) на причинение вреда в рамках недобросовестного использования учредителями, участниками, управляющими и т.д. юридического лица в своих интересах. То есть, фактически, ВС РФ проводит разграничение между специальным и общим законом. Отметим, что п. 4 ст. 399 ГК РФ закрепляет, что при определении вида субсидиарной ответственности необходимо руководствоваться положениями специальных законов, в частности таким выступает Закон о банкротстве.

Исходя из толкования п.1 ст. 399 ГК РФ возможно сделать вывод о том, что субсидиарная ответственность реализуется как компенсационная форма, которая базируется на исключительно денежном обязательстве, которая призвана покрывать как основной долг кредитора, так и причиненные убытки и упущенную выгоды. Причем данная ответственность осуществляется в строгих рамках и размерах, и ставится в зависимость от неисполненного обязательства основного должника. Также отметим, что на практике с субсидиарного должника подлежат взысканию не только основной долг и убытками, но также и меры ответственности за ненадлежащее исполнение обязательства, в частности неустойка, штрафные договорные санкции, проценты по ст. 395 ГК.

В силу ограниченного регулирования данного института в рамках общей части ГК РФ, что, по сути, возможно оценить, как ошибку в юридической

технике, так как устанавливается терминология «требование», которая требует расширительного толкования данной нормы. Следовательно, на субсидиарного должника возлагается удовлетворение всех требований, в рамках данного обязательства, в том числе и указанных выше, что также дает возможность удовлетворение не только в денежной форме возмещения, а также и обязанности исполнить какое-либо действие или воздержаться от исполнения такого действия. Данное удовлетворение считаем избыточным, так как фактически ограничивает правоспособность участников экономического оборота, ставя в зависимость одних от других.

Необходимо понимать, что специальный статус руководителя предприятия сам по себе не соотносится с ответственностью в рамках предпринимательской деятельности. То есть, фактически, необходимо отделять внутреннюю корпоративную структуру, от деятельности предприятия в экономическом обороте, который зачастую порождает правовые последствия за каждое такое действие.

Необходимо учитывать принцип отделения юридического лица (корпорации), в соответствии с которым ответственность перед кредиторами все также должно нести юридическое лицо в рамках самостоятельности своих действий. То есть, управляющие кадры сами по себе не занимаются предпринимательской деятельностью, а лишь осуществляют трудовую функцию в рамках заключенных с ними трудовых договоров. Однако есть и исключения, в частности лицо, обладающее статусом индивидуального предпринимателя, какую бы функцию оно ни выполняло, считается, что он осуществляет предпринимательскую деятельность. Данное правило базируется на компенсационном характере корпоративных правоотношений, которые подразумевают под собой восстановление первоначального положения и не преследуют цель наказать виновное лицо.

Так в Постановлении Пленума ВАС № 62 прямо закреплен запрет на привлечение к имущественной ответственности руководителя хозяйственного

общества (корпорации) в случае, если существует реальная возможность компенсировать причинённый его действиями вред, за счет других способов возмещения, особенно если вред юридическому лицу уже возмещен. То есть, высшая инстанция подчеркивает специальный статус директора, на которого в силу специфики экономического оборота и корпоративных правоотношений, возлагается как на руководителя общества дополнительная ответственность, как на лицо принимающее решение и подписывающее от имени общества сделки (безусловно, при наличии установленных в учредительных документах полномочий).

Фактически, руководство юридическим лицом посредством коллегиального органа, также не образует статуса предпринимательской деятельности для его участников. Однако сам институт корпоративной ответственности для руководителя хозяйственного общества, несет в себе специальную превентивную функцию. По сути, обязывая последнего действовать в интересах юридического лица и избегать противоправного, недобросовестного поведения, устанавливая внутренний запрет на совершение недобросовестного поведения. Закон фактически напрямую обязывает руководителя хозяйственного общества воздерживаться от сделок, способных причинить вред обществу, а также от совершения им каких-либо недобросовестных действий. Сам факт возможности привлечения единоличного руководителя хозяйственного общества к корпоративной ответственности несет в себе регулятивную функцию в рамках всей хозяйственной деятельности в стране.

Ранее сложившаяся корпоративная практика, при которой директор не привлекался к субсидиарной ответственности, породила множество проблем с огромным массивом фирм-однодневок, отмывании денежных средств и больших задолженностей перед бюджетом. Отметим, что спецификой правового регулирования статуса единоличного руководителя хозяйственного общества выступает то, что регулирование производится не только в

соответствии с федеральным законодательством, но и посредством фиксации норм ответственности и ее пределах в учредительных документах юридического лица.

Также возможность привлечь к ответственности единоличного руководителя хозяйственного общества можно и на основании внутренних документов юридического лица, в этом и проявляется диспозитивность как общего гражданского, так и корпоративного законодательства. Современное корпоративное законодательство обязывает всех членов юридического лица руководствоваться в своей деятельности принципами добросовестности, разумности и справедливости, а также действовать исключительно в интересах общества²⁶. Д.В. Ломакин полагает, что ответственность директоров не является деликтной, "поскольку для нее не характерны атрибуты деликтной ответственности. Требования же добросовестности и разумности в отношении директоров, как указывает ученый, — это «общеправовая обязанность, закрепленная в п. 3 ст. 53 ГК РФ в качестве нормы-принципа»²³⁸.

В свою очередь, как нами отмечалось ранее, правовую природу субсидиарной ответственности можно определить, как исключительно деликтную, в силу особенностей гражданско-правового и корпоративного правового регулирования. В частности, в силу требований закона необходимо установление вины руководителя хозяйственного общества, в том числе со снижением размера ответственности, а также привлечение к субсидиарной ответственности нескольких лиц.

Фактически считаем возможным сформировать собственный подход, в рамках которой ответственность участников хозяйственного общества является обособленным видом ответственности в гражданском праве, которую можно квалифицировать в качестве корпоративной ответственности. Также согласимся с мнением ведущих ученых-правоведов о необходимости

²³⁸ Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. № 2. С. 3 - 20.

выделения данной формы ответственности в отдельный вид, так как для этого имеются все основания, в частности свои собственные признаки, особенности правового регулирования, порядок и основания привлечения к такому виду ответственности, и конечно же, специальный субъект как особый признак. Нормы, регулирующие институт привлечения руководителя к субсидиарной ответственности, регулируются 127-ФЗ о несостоятельности (банкротстве), а также в общих нормах гражданского законодательства, а именно в ГК РФ, в частности о регулировании оспоримости и ничтожности сделок, а также в рамках корпоративного законодательства. Отметим, что само по себе привлечение руководителя к субсидиарной ответственности должно содержать совокупность установленных юридических фактов, наличие формальных признаков не должно выступать основанием для привлечения к такому виду ответственности.

Стоит отметить, что применение самого института субсидиарной ответственности не ограничивается лишь ООО, как формой организации хозяйственного общества. Хотя наиболее часто привлекаются именно руководители хозяйственного общества в форме ООО, это обусловлено наибольшей распространённостью данной формы в экономическом обороте и корпоративной практике. Однако это не отменяет того факта, что необходимо предусмотреть во всех специализированных нормативно-правовых актах, регулирующих статус конкретной формы юридического лица, возможность исключения из ЕГРЮЛ по тем же основаниям, что и ООО.

По сути, для предпринимателя, как учредителя юридического лица, субсидиарная ответственность носит весьма ограниченный характер, так как зачастую учредитель участвует лишь на первоначальном этапе формирования юридического лица, а уже в последствии нанимает с целью управления в рамках трудовых отношений руководителя юридического лица.

В рамках действующего правового регулирования, учредитель (предприниматель) не принимает никаких операционных решений, в связи с

чем субсидиарная ответственность может для него наступить лишь в случаях:

1. При одобрении сделки, заключенной на кабальных или нерыночных условиях. В таком случае явно прослеживается вывод активов из юридического лица с целью избежать субсидиарной ответственности, под видом гражданско-правовых сделок.
2. В случае продажи значительного количества имущества, в результате чего хозяйственное общество не смогло продолжать свою деятельность. Фактически, это форма корпоративного воздействия, представляющая собой по сути злоупотребление правом, направленное на «уничтожение» юридического лица, как правило, вызвано спором с другими соучредителями.

Итак, предпринимательский риск подразумевает под собой возможность привлечения предпринимателя по обязательствам юридического лица к субсидиарной ответственности. В связи с чем, выработан правовой механизм защиты предпринимателя в рамках рассмотрения дел по привлечению его к субсидиарной ответственности.

Так как наиболее частым основанием привлечения к субсидиарной ответственности является согласование убыточной сделки, то в таких случаях предпринимателю необходимо доказать факт проявления должной осмотрительности со стороны предпринимателя, в частности доказать, что его действия соответствовали принципу «знай своего контрагента». На практике многие привлекаемые лица ограничиваются предоставлением выписки из ЕГРЮЛ, которую они заказывали при подготовке к заключению сделки. Однако судебная практика выработала подход, согласно которому данного доказательства недостаточно к субсидиарной ответственности. То есть, исходя из принципа «знай своего контрагента» необходимо доказать, что контрагент предпринимателя вел нормальную финансово хозяйственную деятельность, в связи с чем отсутствовал умысел вывода активов из юридического лица. Судебной практикой выработан стандарт доказывания, в рамках которого допускается предъявление следующих доказательств:

1. Материалы деловой переписки между контрагентами²³⁹;
2. Локальные трудовые документы контрагента в периоды заключения сделок с предпринимателем²⁴⁰;
3. Информация с открытых источников, в частности интернет-сайт, деятельность в социальных сетях и т.д.²⁴¹;
4. Рекомендательные письма иных участников рынка²⁴².

Также в предмет доказывания по данной категории дел входит необходимость установить факт совершения предпринимателем действий по минимизации последствий в результате исполнения (или неисполнения) данной сделки. Среди таких действий можно выделить:

1. Поиск новых активов, которые направлялись на минимизацию ущерба от таких сделок;
2. Оптимизация расходов компании в период наличия ущерба от такой сделки;
3. Подбор новых контрагентов на иных условиях.

Интересной представляется практика, при которой суды с отсылкой на ст. 10 ГК РФ привлекают к ответственности руководителя хозяйственного общества, ссылаясь на недобросовестное поведение в рамках образующейся задолженности. Также суды подчеркивают, что руководитель должен действовать добросовестно и не злоупотреблять правом не только в отношении

²³⁹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11.07.2017 № Ф09-3443/17 по делу № А76-23270/2015 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=204518#jKIrBWUBLKuUlSuD> (дата обращения: 27.10.2024).

²⁴⁰ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 21.12.2017 № 07АП/10198/2017(1) по делу № А45-12421/2016 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&0394790440-3jKIrBWUBLKuUlSuD> (дата обращения: 27.10.2024).

²⁴¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.07.2017 № Ф04/29088/2015 по делу № А45-13093/2014 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?55345-545-5#jKIrBWUBLKuUlSuD> (дата обращения: 27.10.2024).

²⁴² Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 09.02.2016 № 08АП/15251/2015 по делу N А70-4141/2015 URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=0-68365865864-65-0> (дата обращения: 27.10.2024).

к хозяйственному обществу, но и по отношению к кредиторам данного общества²⁴³. В противном случае, в совокупности представленных доказательств, образуются основания для привлечения такого руководителя к субсидиарной ответственности в рамках нарушения корпоративных прав.

Отметим подход, сложившийся в судебной практике, при котором текущий отрицательный баланс сам по себе не является прямым основанием для обращения с заявлением о банкротстве должника. В частности, данная позиция устанавливает необходимость подачи заявления о банкротстве должника и должно быть подано в случае, когда наблюдается очевидная динамика снижения активов хозяйственного общества и значительного нарастания пассивов, а также объективно должна складываться ситуация, при которой в обычных управленческих действиях преодоление такой динамики разрыва невозможно. ВС РФ установил необходимость анализа каждого конкретного случая не своевременной подачи заявления рассматривать через совокупность субъективных обстоятельств несостоятельности хозяйственного общества.

Интересной представляется правовая позиция, отраженная в Определении СКЭС ВС РФ № 309-ЭС17-180139, в соответствии с которым признаются недобросовестными действия руководителя хозяйственного общества, при которых погашаются долги перед кредиторами, направляющиеся на обеспечение хозяйственной деятельности, но при этом не осуществляется выплата по фискальным платежам.

В данном случае возникают основания для привлечения единоличного исполнительного органа юридического лица к субсидиарной ответственности. В подтверждение позиции, относительно того, что образование долга, который по формальным признакам хоть и подходит под критерий банкротства

²⁴³ Определение СКЭС ВС РФ от 31.03.2016 № 309-ЭС15-16713 по делу № А50-4524/2013 URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31032016-n-309-es15-16713-po-delu-n-a50-45242013/> (дата обращения: 18.10.2024).

хозяйственного общества, но само по себе наличие последнего не является основанием для подачи заявления о банкротстве должника, приведем в пример Определение СКЭС ВС РФ по делу № 305-ЭС20-1141240, в котором ВС РФ подчеркнул, что само по себе образование долга перед субподрядчиком не говорит об объективном банкротстве, так как в период до образования реальных признаков банкротства общество вело свою нормальную хозяйственную деятельность. То есть, высшая судебная инстанция указала, что судам нельзя отождествлять неуплату конкретного долга с несостоятельностью. Отметим Определение СКЭС ВС РФ № 305-ЭС21-757241, в котором отражена позиция в делах о привлечении руководителя общества к субсидиарной ответственности определять конкретную дату, в которую руководитель общества обязан был обратиться с заявлением о банкротстве. В частности, ВС РФ установил, что нижестоящие суды неверно определили срок исполнения обязательства со сроком его возникновения.

В случае неподачи или несвоевременной подачи заявления о несостоятельности должника на руководителя хозяйственного общества, в рамках привлечения к субсидиарной ответственности может быть возложена вся сумма неисполненных обязательств за период с даты, в которую руководитель должен был обратиться с таким заявлением вплоть до возбуждения дела о банкротстве.

К одному из ключевых вопросов по определению размера субсидиарной ответственности относят определение круга обязательств, по которым допускается привлечение к субсидиарной ответственности. Стоит отметить Определение ВС РФ №310-ЭС20-783742, в котором высшая инстанция предписала судам устанавливать момент возникновения обязательства и не отождествлять его с моментом исполнения последнего²⁴⁴. При определении круга обязательств, суд должен установить, какие из них возникли в период,

²⁴⁴ Определение ВС №310-ЭС20-7837 от 28.09.2020 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-28092020-n-310-es20-7837-po-delu-n-a23-62352015/> (дата обращения: 13.08.2024).

когда руководитель уклонялся от обязанности подать заявление о несостоятельности, а какие подлежали исполнению в данный период и вследствие такого распределения исключить последние из определения размера субсидиарной ответственности

Также ранее ВС РФ подчеркивал, что в размер субсидиарной ответственности не могут быть включены обязательства, которые хоть и возникли в период, когда руководитель неправомерно уклонялся от обязанности на подачу заявления о несостоятельности, но не мог отказаться от их появления в силу объективных обстоятельств (например, обеспечивал социальную инфраструктуру)²⁴⁵.

Одним из наиболее распространённых оснований для привлечения к субсидиарной ответственности в судебной практике является непередача документов арбитражному управляющему, порождает право на обращение с заявлением о привлечении к данному виду ответственности. Отметим, что с позиции законодательства, в частности пп. 2 и 4 п. 2 ст. 61.11 Закона о банкротстве, в случае, когда необходимые к раскрытию документы не передаются арбитражному управляющему, то применяется презумпция наличия недобросовестности в действиях руководителя хозяйственного общества, но суды вправе освободить от опровержения презумпции, то есть с позиции юридической конструкции нераскрытие указанных выше документов не является самостоятельным основанием и возникает лишь в случаях, когда презумпция не была опровергнута. Интересной представляется судебная практика, которая определяет право на опровержение указанной выше презумпции, в случае если руководитель хозяйственного общества докажет, что недостатки предоставляемой документации или ее частичное отсутствие (в случае если не будет доказан умысел по сокрытию) не привели к

²⁴⁵ Определение ВС РФ № 306-ЭС17-13670 от 29.03.2018 г. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-29032018-po-delu-n-306-es17-136703-a12-185442015/> (дата обращения: 12.08.2024).

существенному проведению процедуры банкротства, а также покажет добросовестность действий руководителя хозяйственного общества²⁴⁶.

Критерий добросовестности и разумности обоснованно предъявляется к действиям руководителя хозяйственного общества, а ярким примером может послужить дело, которое вошло в обзор практики президиума Арбитражного суда Уральского округа²⁴⁷, в рамках которого судом был привлечен к субсидиарной ответственности директор общества в связи с тем, что последний направил конкурсному управляющему истребимую документацию посредством службы курьерской доставки, указав при этом неверный адрес отправки. Конкурсный управляющий данные документы не получил, в связи с чем в соответствии с правилами курьерской компании документация была уничтожена. Данное обстоятельство, по мнению суда, говорит о виновности действий руководителя хозяйственного общества.

Фактически к руководителю хозяйственного общества может быть применена презумпция о виновности действий по непредставлению конкурсному управляющему бухгалтерской или иной необходимой документации. Недобросовестное поведение руководителя хозяйственного общества является одним из основных критериев развития судебной практики в рамках появления и совершенствования оснований в целях привлечения к субсидиарной ответственности. Так практикой выработано новое основание для привлечения к субсидиарной ответственности, такое как перевод хозяйственной деятельности на вновь созданное юридическое лицо, при условии прекращения хозяйственной деятельности предыдущего, с учетом сохранения адреса нахождения, структуры предприятия и штата работников.

²⁴⁶ Определение СКЭС ВС РФ от 16.10.2017 по делу № 302-ЭС17-9244, А33-17721/2013 URL: https://www.vsrif.ru/stor_pdf_ec.php?id=1586614 (дата обращения: 12.07.2024).

²⁴⁷ «Обзор судебной практики по актуальным вопросам применения законодательства об ответственности контролирующих лиц» (утв. на заседании президиума Арбитражного суда Уральского округа 25.06.2021) https://fasuo.arbitr.ru/sites/fasuo.arbitr.ru/files/pdf/_Ответственность%20КДЛ.pdf URL: (дата обращения: 11.06.2024).

Возможно привести пример из судебной практики. ООО «АвтоТрансЛогистик» в период образования задолженности перед кредиторами, зарегистрировало новое юридическое лицо с аналогичным наименованием, на которое фактически была переведена хозяйственная часть, в том числе помещения, транспортные средства и штат работников. Более того, руководящий состав остался тот же что и в первоначальном юридическом лице. В таком случае, суд правомерно оценил действия единоличного исполнительного органа юридического лица как не соответствующие критериям добросовестности и разумности и привлек последнего к субсидиарной ответственности.

Также судом отдельно отмечено, что при осуществлении данных действий, в частности перевода активов, компания окончательно становится неплатёжеспособной по обязательствам перед кредиторами и данные действия сами по себе образуют основания для привлечения к субсидиарной ответственности.

Отдельно отметим, как представляется, самую строгую презумпцию, при применении которой возможно привлечь к субсидиарной ответственности единоличный исполнительный орган юридического лица. А именно, вина руководителя хозяйственного общества презюмируется в случае отсутствия со стороны последнего активных действий по самозащите в рамках судебного производства.

П. 2 статьи 61.15 Закона о банкротстве напрямую обязывает лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности предоставить отзыв на заявление. Более того, судебной практикой выработана позиция, при которой суд вправе перераспределить бремя доказывания отсутствия основания для привлечения к данному виду ответственности на привлекаемое лицо в случаях, если данный отзыв не полностью отвечает критериям полноты и обоснованности.

Это означает, что руководитель хозяйственного общества обязан активно защищаться в рамках процесса о привлечении последнего к субсидиарной ответственности, в противном случае его вина будет презюмирована. Интересной представляется практика, по которой суды определяют размер вреда, причинённого сделкой либо рядом сделок, с целью определения критерия его существенности. При рассмотрении сделок, относящихся к категории существенно убыточных, стоит давать оценку совершения сделок в рамках сложившегося экономического оборота. И в случаях, если очевидно, что заключение данной сделки явно отличается в худшую сторону по сравнению с аналогичными сделками в данном сегменте рынка, то суд приходит к выводу о том, что данные сделки существенно убыточны, и в таком случае суд применяет презумпцию доведения до несостоятельности в связи с заключением сделки.

На основании всего вышеизложенного можно сделать ряд выводов по данному параграфу.

1. Полагаем, что конструкцию субсидиарной ответственности возможно отнести к конструкции *sui generis*, так как особенности правоотношений базируются на связи института субсидиарной ответственности и арбитражного процесса по рассмотрению дел о банкротстве.

2. Установлено, что правовую природу субсидиарной ответственности можно определить как исключительно деликтную в силу особенностей правового регулирования, в частности в силу требований закона необходимо установление вины руководителя хозяйственного общества, в том числе со снижением размера ответственности, а также привлечение к субсидиарной ответственности нескольких лиц.

3. Определено, что само по себе законодательство о юридических лицах не включает норм относительно регулирования института субсидиарной ответственности и порядке ее реализации, в связи с чем необходимо руководствоваться нормами, которые закреплены как в общей части гражданского законодательства, так и в специализированных нормативно-

правовых актах, но что свойственно данному институту прямого регулирования (кроме ФЗ о банкротстве и ФЗ о сельскохозяйственной кооперации) не предусмотрено. А в отмеченных ранее федеральных законах, она регулируется опосредованно и ставит в зависимость от иных норм, которые содержатся в данных нормативно-правовых актах.

4. В рамках нормативной конструкции ст. 399 ГК РФ в действиях субсидиарного должника должна прослеживаться именно противоправность, как ключевой критерий для привлечения к ответственности, и только в этой конструкции возможно установить, что субсидиарная ответственность — это именно мера защиты корпоративных прав, в том числе при недобросовестном поведении. В поддержку позиции наличия усеченного состава в рамках гражданско-правового нарушения можно отметить, что законом допускается привлечение к субсидиарной ответственности отсутствие такого признака деликта как противоправность, что ранее нами доказано. В частности, члены кооперативов и товариществ могут не совершать каких-либо противоправных действий (бездействий) и при этом могут быть привлечены к субсидиарной ответственности.

5. Установлено, что Законом не ограничиваются в отношениях с субсидиарной ответственностью способы защиты своих прав, соответственно, в целях устранения противоречий представляется, что редакцию п. 3 ст. 399 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «Лицо, несущее субсидиарную ответственность, должно до удовлетворения требования, предъявленного ему кредитором, предупредить об этом основного должника, а если к такому лицу предъявлен иск, — привлечь основного должника к участию в деле. В противном случае основной должник имеет право выдвинуть против регрессного или суброгационного требования лица, отвечающего субсидиарно, возражения, которые он имел против кредитора».

Далее видится необходимым подвести итоги рассмотрения во второй главе настоящей диссертационной работы реализации принципа

добросовестности и пресечения злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

1. В рамках настоящей работы установлено, что действие принципа добросовестности не ограничивается одним лишь гражданским правом в рамках частноправового регулирования. Но для частного права указанный принцип имеет особенно важное значение в качестве одного из приоритетных. Особенно остро это проявляется в области корпоративных правоотношений. Проводя сочетание прав и обязанностей именно в этой сфере частноправовых отношений, корпоративное право способствует укреплению сочетания общественных и личных интересов, гармонизации частноправового и публично-правового регулирования.

2. Общими нормами ГК РФ, легитимирующими принцип добросовестности в гражданском праве, являются пп. 3 и 4 ст. 1, п. 3 ст. 307, а также п. 2 ст. 6 ГК РФ. Основной правовой идеей и одновременно правилом, которое заложено в данные нормы, является то, что весь корпоративный оборот должен соответствовать принципу добросовестности.

3. В юридической науке вопрос о возможности признания злоупотребления правом юридическим явлением, феноменом и правовой цивилистической конструкцией относится к числу весьма дискуссионных. Полагаем, все же нет никаких оснований исключать злоупотребление правом из явлений корпоративной правовой действительности и правоприменительной практики, конечно, это частноправовая категория, которая негативно сказывается на стабильности экономической корпоративной практики и защите прав участников корпоративных правоотношений.

4. Установлено, что в правовой доктрине имеет место неопределенность в содержании принципа «злоупотребление правом». Рассматриваемый принцип может быть определен с различных позиций:

- теоретико-правовых;
- гражданско-правовых;

- с позиции трудовых правовых отношений;
- подходов в предпринимательском праве и другие.

Данные научные изыскания подтверждают реализуемый в настоящем диссертационном исследовании межотраслевой подход к научному осмыслению и обоснованию злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях.

5. Видится оправданным предложить судьям для определения наличия факта злоупотребления корпоративным правом участниками корпоративных правоотношений по конкретному делу применять трехсложный тест, который отразит наличие элементов каждого из следующих критериев (целевого, содержательного (противоречие между принципами гражданского законодательства и фактическими действиями участников корпоративного правоотношения) и формального выражения), что в совокупности укажет на наличие признаков злоупотребления корпоративным правом.

6. Полагаем, что любые противоправные деяния участников корпоративных правоотношений в целом и злоупотребление корпоративными правами, в частности, имеют существенное отрицательное воздействие на стабильность корпоративной практики. Однако ликвидировать, нивелировать их последствия полностью невозможно, вследствие чего актуальность приобретает проблема сдерживания данного вида корпоративных нарушений, недобросовестного поведения на определенном социально-правовом приемлемом уровне с учетом реализации концепции приоритетного применения традиционных духовно-нравственных ценностей.

7. Квалифицирующие признаки злоупотребления корпоративным правом могут быть прямо закреплены в российском законодательстве. Это касается, в частности, таких форм злоупотребления корпоративным правом, как недобросовестное использование корпоративных прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление корпорацией доминирующим положением на рынке.

8. Установлено, что в размер субсидиарной ответственности не могут быть включены обязательства, которые хоть и возникли в период, когда руководитель неправоммерно уклонялся от обязанности на подачу заявления о несостоятельности (банкротстве), но не мог отказаться от их появления в силу объективных обстоятельств (например, обеспечивал социальную инфраструктуру).

Считаем необходимым дополнить п. 11 ст. 61.11 № 127-ФЗ и изложить в виде: «Не включаются в размер субсидиарной ответственности контролирующего должника лица обязательства, которые хоть и возникли в период, когда такое лицо неправоммерно уклонялось от обязанности на подачу заявления о несостоятельности, но не могло отказаться от их появления в силу объективных обстоятельств по несению обязанности обеспечению социальной инфраструктуры».

9. Аргументировано, что предупреждение злоупотреблений в корпоративных правоотношениях является категорией, обозначающей систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этого негативного правового явления (феномена), реализуемого посредством целенаправленной деятельности соответствующих институтов и уполномоченных лиц по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, детерминирующих существование недобросовестного поведения, злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений, а также совершение отдельных недобросовестных процессуальных действий.

10. Доказано, что пресечение злоупотребления корпоративными правами подразумевает применение уполномоченными органами и лицами (судьями, арбитражными судьями, третейскими судьями) к виновным в злоупотреблении корпоративным правом лицам санкций, мер гражданско-правовой и корпоративной ответственности и иных мер принуждения, которые закреплены в нормах гражданского и иного отраслевого законодательства.

Глава 3. Виды злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений

§ 3.1. Общая характеристика видов злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений

В предыдущих главах и параграфах было указано, что злоупотребление корпоративным правом участником хозяйственного общества и других организационно-правовых форм юридического лица является разновидностью частноправового злоупотребления субъективным корпоративным правом.

Особенностями, выделяющими эту разновидность злоупотребления правом, являются субъект как участник корпорации и корпоративные права в качестве объекта. Как и любое другое гражданское правонарушение, злоупотребление корпоративным правом должно иметь все критерии правонарушения в совокупности: противоправность, причинение вреда (интересам другого участника, интересам самого общества и третьим лицам), вина участника, причинно-следственная связь между действием (бездействием) и причинением вреда. Причинение вреда, вина и причинно-следственная связь – категории, которые определяются в соответствии с теми же критериями, что и при любом другом гражданском правонарушении. Единственное, что требует внимания в случае с корпоративными правонарушениями – это противоправные действия (бездействия). Именно противоправные действия (бездействия) будут рассмотрены далее.

«Степень влияния и глубина трансформации корпоративных отношений носит различный характер в зависимости от глубины изменения самих общественных отношений, регулируемых корпоративным правом»²⁴⁸. Данный

²⁴⁸ Харитонов Ю.С. Трансформация основных институтов корпоративного права в условиях цифровой экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 24.

тезис имеет самое непосредственное отношение к злоупотреблениям в сфере корпоративных отношений, т. к. усложнение корпоративного управления, многообразие имущественных корпоративных правоотношений приводит ко все большим формам и трансформации видов злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений.

Полагаем, что злоупотребление корпоративным правом – это превышение пределов осуществления своего права участниками корпорации или другими заинтересованными лицами. Пределом осуществления корпоративного права в общем виде является требование добросовестности участника корпоративного оборота. Формы злоупотребления корпоративным правом определяются общими положениями статьи 10 ГК РФ: шикана, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление корпоративных прав.

Корпоративные права представляют собой важный аспект современного бизнеса, регулирующий отношения между участниками корпораций. У каждого типа юридического образования есть свой специфический набор корпоративных прав²⁴⁹. Если говорить непосредственно про конкретные виды злоупотребления правом участниками корпораций, то можно классифицировать все виды злоупотребления правом на:

- 1) злоупотребления корпоративным правом в зависимости от субъекта;
- 2) злоупотребления корпоративным правом в зависимости от объекта.

Рассмотрим конкретные виды злоупотребления правом, совершаемые в рамках корпоративных правоотношений.

1. Злоупотребления правом на участие в управлении хозяйственным обществом.

²⁴⁹ См. подробнее: *Мадыгина О.А., Есаков А.В. О целесообразности классификации корпоративных прав // Юрист. 2024. № 2. С. 14 - 18.*

Из самого определения корпорации следует, что участники получают право на участие в управлении юридического лица²⁵⁰. Злоупотребление членами органов управления компании своими правами напрямую связано с реализацией ими своих полномочий в рамках вопросов, прямо отнесенных к их компетенции законом и локальными нормативными актами. В рамках корпоративных отношений злоупотребление правами со стороны органов управления юридического лица имеет целью наступление неблагоприятных последствий либо для самого юридического лица, либо для его акционеров²⁵¹.

Данная форма злоупотребления правом может быть применена в следующих случаях:

1) нарушение прав других акционеров (участников) на участие в управлении обществом, в частности, создание формальных препятствий для возможности участия в общем собрании, создание условий для вынужденного выхода из общества, перераспределение корпоративного контроля;

2) воспрепятствование нормальной деятельности общества, т.е. совершение действий, противоречащих интересам общества;

3) нарушение прав и интересов кредиторов общества. Выход за пределы границ добросовестности при реализации права на принятие корпоративных решений запрещен на основании ст. 10 ГК РФ, в то время как неосуществление такого права воспрещается п. 4 ст. 65.2 ГК РФ, поскольку также может расцениваться как недобросовестное бездействие. Текущие нормативные правовые акты и сложившаяся судебная практика не допускают абсолютизации правомочий участников хозяйственных обществ на участие в управлении обществом в своих интересах, вследствие чего установленный запрет злоупотребления правом активно применяется в ситуациях недобросовестного

²⁵⁰ См. подробнее: *Самойлов И.А.* К вопросу о классификации корпоративных прав участников хозяйственных обществ // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 27 - 32.

²⁵¹ См. подробнее: *Шевчук Д.А.* Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 36 - 42.

поведения и выхода за пределы имеющихся прав.

Члены органов управления компании могут злоупотреблять своими правами следующим образом:

- распоряжаться имуществом общества не в его интересах, а в своих собственных интересах;
- препятствовать деятельности коллегиальных органов управления в личных интересах;
- совершать действия в интересах конкурирующих хозяйствующих субъектов;
- совершать действия в интересах группы акционеров, избравших члена коллегиального органа управления, но в ущерб интересам общества;
- иными способами²⁵².

Примерами злоупотребления правом на участие в управлении могут быть следующие судебные споры:

1) Участники определяют в уставе общества место проведения общего собрания участников не на территории Российской Федерации. Суд признает такие действия злоупотреблением правом, так как нарушаются права участников на равный доступ к участию в деятельности общества.

2) Участниками принимается решение о внесении дополнительного вклада в уставный капитал с той целью, что другие участники выйдут из общества²⁵³.

3) Отказ участника участвовать в общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью при единогласном желании оставшихся участников голосовать свидетельствует об умышленном препятствовании

²⁵² См.: *Шевчук Д.А.* Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 39 - 40.

²⁵³ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 24.06.2003 по делу № А05-12464/02-590/17 // СПС Консультант Плюс.

внесению изменений в учредительные документы²⁵⁴.

4) Принятие решения о ликвидации общества единственным участником с целью предотвращения взыскания задолженности по налоговым обязательствам. Здесь нарушаются права третьих лиц - кредиторов²⁵⁵.

Нельзя не упомянуть случаи запрета злоупотребления участником общества правом в случаях его бездействия (недобросовестного). Таким бездействием может быть, например, неявка участника на очередное собрание участников и его голосование на годовом собрании против внесения изменений в учредительный договор и устав, и голосование против увеличения уставного капитала²⁵⁶. Суды в качестве злоупотребления правом также признавали уклонение участника в принятии решений, требующих единогласного одобрения²⁵⁷. Согласно ГК РФ (п.4 ст.65.2) участник обязан участвовать в принятии решений, без которых общество не сможет нормально функционировать. То есть это обязанность участника, а не право. По нашему мнению, «бездействие», предполагающее пассивность, не может приравниваться к злоупотреблению правом, так как злоупотребление - это действие, совершенное за пределами своего права. Некоторые ученые считают, что злоупотреблять правом могут только управомоченные лица, но не обязанные²⁵⁸. Полностью солидарны с этой позицией. Таким образом, считаем, что бездействие участников общества в области управления обществом называть злоупотреблением правом нельзя, данное бездействие является нарушением правовых норм гражданского права и в качестве санкций в таких

²⁵⁴ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 27.06.2007 № Ф08-3883/2007 по делу № А53- 6703/2006-С4-50 (поддержано Определением ВАС РФ от 24.09.2007 № 11581/07) // СПС Консультант Плюс.

²⁵⁵ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 09.08.2004 № Ф08-3412/04-1311А по делу № А22- 126/04-13-5 // СПС Консультант Плюс.

²⁵⁶ Постановление ФАС Московского округа от 27.12.2004 № КГ-А40/12233-04 // СПС Консультант Плюс.

²⁵⁷ Постановление ФАС Поволжского округа от 08.09.2005 № А72-7960/04-23/395 // СПС Консультант Плюс.

²⁵⁸ См.: *Ломакин Д.В.* От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 31.

ситуациях участника могут исключить из общества.

2. Злоупотребления правом на получение информации о деятельности общества.

Согласно ст. 65.2 ГК РФ участники имеют право получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией.

Суды расценивают требования участников по запросу и получению информации от общества злоупотреблением правом в случае, если доказано, что участник реализовал данное право исключительно с целью затруднения дальнейшей деятельности общества²⁵⁹.

Участники часто злоупотребляют своим правом на получение информации с целью инициирования в отношении общества административных процедур и дестабилизации деятельности корпорации.

Так, реализация участником своего права на получение информации о деятельности общества может быть признана злоупотреблением правом при наличии фактических обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии у участника интереса в получении запрошенной им информации. В деле № А40-119359/2017 миноритарий неоднократно направлял запросы о получении информации за прошлые периоды, не имеющей экономической и юридической целесообразности, не обращался в суд о понуждении общества в предоставлении информации, не осуществлял иные корпоративные права. Все эти обстоятельства в совокупности суд посчитал злоупотреблением правом²⁶⁰.

3. Злоупотребления правом в связи с исключением участника непубличного хозяйственного общества из такого общества.

Законом установлено в каких случаях участник общества может потребовать исключения другого участника из общества. Бывают случаи, когда

²⁵⁹ Постановление ФАС Московского округа от 31.08.2006 по делу № КГ-А40/8171-06 // СПС Консультант Плюс.

²⁶⁰ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.03.2018 № Ф05-1939/2018 по делу № А40-119359/2017 // СПС Консультант.

участники заявляют встречные требования об исключении друг друга из общества.

Также злоупотребление может быть допущено участником общества, требование об исключении которого было подано в суд. Например, он может предпринять меры по дарению своей доли с целью избежать применения к нему ответственности за причинение вреда обществу²⁶¹. В этом случае ответственность будет выражаться в прекращении правоотношений участника с таким лицом, что имеет место быть и в случае дарения акций. Однако для того, чтобы применить запрет на злоупотребление правом, суд должен выявить обстоятельство косвенного контроля участника над отчужденной долей.

По данному виду злоупотребления сложилась единообразная судебная арбитражная практика. Например, истец обратился в арбитражный суд с требованием об исключении из общества с ограниченной ответственностью его участника, так как он подделал протокол общего собрания, благодаря чему избранный единоличный исполнительный орган в лице физического лица в дальнейшем произвел отчуждение недвижимости общества. Судом установлено, что в действиях ответчика прослеживается грубое нарушение его обязанности как участника общества не совершать действий (бездействия), способствующих невозможной деятельности общества или существенно ее затрудняющей²⁶².

4. Злоупотребления правом на обращение в суд.

П. 1 ст. 65.2 ГК РФ устанавливает право участника хозяйственного общества на обращение в суд в установленных законом случаях с целью защиты нарушенных прав участника или общества. Данное право на обращение в суд

²⁶¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 10.09.2013 № 3330/13 по делу № А41-41903/10 // СПС Консультант Плюс.

²⁶² Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» // СПС Консультант Плюс. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27 февраля 2017г. № Ф04-19325/2015 по делу № А03-11983/2014 // СПС Консультант Плюс.

является в определенном смысле корпоративным правом, которое является подвидом права на участие в обществе, и в то же время является процессуальным правом.

Злоупотребление правом на обращение в суд выражается в следующем: 1) обжалование решений органов управления общества; 2) оспаривание сделок общества; и 3) взыскание убытков, причиненных обществу (согласно статье 53.1 ГК РФ), вследствие вины единоличного исполнительного органа, членов коллегиальных органов общества или иного лица, уполномоченного выступать от имени общества, а также лица, имеющего фактическую возможность определять действия общества, давать указания указанным выше лицам.

К сожалению, следует признать, что участники могут достичь ещё большего корпоративного контроля над обществом, неоднократно злоупотребляя своим правом. Конечно же, подобные действия участников являются недобросовестными и непременно должны воспрещаться законом и рассматриваться судом.

Примером злоупотребления правом в виде обжалования решений органов общества может быть предъявление участником иска о признании недействительным решения собрания по причине нарушения порядка его созыва и проведения в связи с изменением места и времени, хотя участник не возражал против изменения адреса и времени²⁶³.

5. Злоупотребление правом требовать ликвидации общества.

В соответствии со ст. 61 ГК РФ участник общества вправе предъявлять иск о ликвидации общества, если цели, ради которых оно было создано, не могут быть достигнуты в связи с невозможностью или затруднительностью осуществления деятельности общества.

Верховный суд дал разъяснение относительно права инициировать ликвидацию общества. А именно, ликвидация может быть применена

²⁶³ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.10.2004 № Ф08-4470/04 по делу № А32-13089/04- 17/239 // СПС Консультант Плюс.

исключительно тогда, когда все меры разрешения конфликта исчерпаны²⁶⁴.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сама возможность злоупотребления корпоративным правом возникает из-за коммерческого характера деятельности корпорации, так как участниками не достигается цель в получении прибыли. По данной причине участники злоупотребляют своим правом в ущерб интересам других участников или самого общества, а также третьих лиц.

Особо следует подчеркнуть, что исходя из вышесказанного, злоупотребления корпоративным правом участниками корпоративных правоотношений порождают правовые последствия аналогичные тем, которые влечет и привлечение к частноправовой ответственности (гражданско-правовой), реализуемые уполномоченным органом посредством применения гражданско-правовых санкций, в форме принуждения.

Полагаем, что ярким проявлением частноправовых санкций в случае злоупотребления корпоративными правами является отказ злоупотребившему участнику в реализации корпоративного права и недопустимость защиты данного права.

Следует учитывать при этом, что суд определяет факт злоупотребления корпоративным правом, оценивая поведения участника корпорации в тот момент, когда он перестал осуществлять свои корпоративные права (так называемая оценка *post-factum*)²⁶⁵.

Одним из последствий злоупотребления правом миноритарным участником может быть его исключение из числа участников в судебном порядке. Например, весьма интересным представляется следующий пример. Верховный суд РФ определил три вопроса, которые должны быть оценены и проанализированы судом для того, чтобы выявить обстоятельства злоупотребления правом участником и для того, чтобы остальные участники

²⁶⁴ Определение ВС РФ от 08.10.2014 по делу № 306-ЭС14-14 // СПС Консультант Плюс.

²⁶⁵ См.: *Смирнова Я.А.* Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дисс. канд. юрид. наук. М., 2019. С. 210.

могли требовать исключения недобросовестного участника²⁶⁶. Исходя из обстоятельств дела миноритарный участник длительное время препятствует достижению целей деятельности компании, так как голосует против принятия решений, направленных на обеспечение успешного выполнения обществом своих обязательств, препятствует смене директора, совершающего сделки в ущерб компании.

В связи с этим участники требовали исключить миноритария из состава участников компании. ВС РФ поддержал судебные акты первых двух инстанций и указал на законность исключения участника в данных обстоятельствах. А обстоятельства были такими:

1) поведение участника было вредным для интересов общества; оно могло серьезно воспрепятствовать ведению участниками общего дела, создав угрозу продолжению деятельности общества; дальнейшее сотрудничество для остальных участников при наличии такого поведения было неприемлемо;

2) имел место быть сговор между миноритарным участником и подконтрольным ему генеральным директором. Так, ВС РФ оценил действия миноритарного участника как злоупотребление правом с целью побуждения мажоритарного участника к выкупу его доли на заведомо невыгодных условиях.

Необходимо подчеркнуть, что весьма распространенным последствием злоупотребления корпоративным правом является возмещение причиненных убытков материального вреда в случае недобросовестного поведения. Указанная мера гражданско-правовой ответственности регулируется общими положениями гражданского законодательства о возмещении убытков, которые были причинены осуществлением действий в обход закона при злоупотреблении правом в рамках корпоративных отношений.

Что касается применения судами к злоупотребившим своим

²⁶⁶ Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2023 № 305-ЭС22-28611 по делу № А40-260466/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.10.2024).

корпоративным правом лицам иных законодательно предусмотренных мер, то это может быть, например, признание недействительной притворной сделки и применение соответствующих последствий. Кроме того, согласно разъяснениям Президиума ВАС РФ № 10590/11, сделка, совершенная кем-то из участников ООО с целью отчуждения доли в этом обществе третьему лицу, в момент совершения которой был нарушен запрет, установленный уставом данного общества, может оспариваться как сделка, которая была совершена с нарушением условий осуществления полномочий²⁶⁷.

Также может быть признана недействительной сделка должника, направленная на причинение вреда (убытков) имуществу (имущественным правам) кредиторов. Для признания таких сделок недействительными они должны быть совершены в период, составляющий 3 года до принятия судом заявления о признании должника (хозяйственного общества) банкротом либо после его принятия.

При этом необходимо наличие причиненного вреда (убытков) соответствующим правам кредиторов, цели причинения такого вреда должником (по сути, прямого умысла злоупотребить правами, причинить вред), а также осведомленности другой стороны о намерениях должника непосредственно к моменту совершения данной сделки. В таком случае, как правило, презюмируется осведомленность второй стороны о намерениях должника, если данная сторона выступает в качестве заинтересованного лица или эта сторона знала о том, что в результате сделки интересам кредиторов будет нанесен вред, а также о наличии признаков неплатежеспособности должника²⁶⁸.

Что касается намерений должника, его цели причинить вред кредиторам в части их имущественных прав, то она предполагается в следующих случаях:

²⁶⁷ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.12.2011 № 10590/11 по делу № А40-3958/10-62-51 // Вестник ВАС РФ. № 4. 2012.

²⁶⁸ См.: *Бежецкий А.Ю.* Оспаривание притворных и подозрительных сделок должника в деле о банкротстве // Законодательство. 2016. № 12. С. 23.

к моменту совершения либо в результате сделки должник отвечает признакам банкротства и при этом не последовало возмездного представления по сделке, либо исполнения от заинтересованного в данной сделке лица, или совершения для выплаты пая, выдела доли в имуществе должника непосредственно учредителю или участнику должника.

Кроме того, намерения должника предполагаются:

- при размере стоимости имущества, переданного должником по сделке, превышающем 20% от суммы его активов;
- при смене должником места жительства (нахождения) без предупреждения об этом факте кредиторов;
- при сокрытии имущества и уничтожении (подмене, искажении) документов, имеющих отношение к сделке и в целом процедуре банкротства (бухгалтерская и иная отчетность и пр.);
- при дальнейшем распоряжении переданным по сделке имуществом²⁶⁹.

Вместе с тем суды нередко выходят за рамки применения вышеуказанных санкций, подлежащих применению к лицам, злоупотребившим корпоративными правами, и применяют дополнительные последствия, не установленные законом. К примеру, злоупотребление корпоративным правом рассматривается судами как основание для исключения участника из хозяйственного общества, что подтверждается правоприменительной практикой²⁷⁰.

В указанных и иных подобных случаях мы наблюдаем, по сути, нарушение принципа законности, а именно противоречие выносимых судьями решений положениям, закрепленным в гражданском законодательстве, устанавливающим необходимость применения судами при злоупотреблениях корпоративным правом иных мер, но прямо предусмотренных законом.

²⁶⁹ См.: *Лотфуллин Р.К.* Оспаривание сделок при банкротстве. М., 2019. С. 264.

²⁷⁰ Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.08.2008 № Ф08-4984/2008 по делу № А53-20999/2007-С1-36 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.04.2024).

Указанные последствия, примененные судами, возможны, но при соблюдении и других законодательно закрепленных условий. Например, злоупотребление правом со стороны участника хозяйственного общества может являться основанием для его исключения из общества, но при этом необходимо соблюдение и других условий, а именно: при злоупотреблении участником хозяйственного общества своим правом причиняется значительный ущерб обществу либо иным образом затрудняется деятельность общества или достижение им уставных целей²⁷¹.

Как отмечалось ранее, хозяйственными обществами (прежде всего, ООО) нередко совершаются злоупотребления в рамках процедуры банкротства. Например, в рамках законодательства о банкротстве можно выделить такие основания признания сделок должника – хозяйственного общества недействительными, как совершение сделок, направленных на уменьшение либо вывод активов должника, а также совершение сделок, направленных на создание кредиторской задолженности искусственным путем.

При этом в первом случае речь может идти о двух группах сделок с соответствующими основаниями – об оспаривании подозрительных сделок, совершенных должником, а также об оспаривании сделок должника, совершенных с предпочтением.

В частности, под подозрительной сделкой следует понимать сделку, совершенную должником с неравноценным встречным исполнением обязательств (предоставлением) второй стороной в течение года до либо после принятия заявления арбитражным судом о признании должника банкротом.

При этом неравноценное встречное исполнение может находить выражение в передаче имущества и другом исполнении обязательства, рыночная стоимость которого значительно превосходит стоимость полученного должником встречного исполнения. В данном случае подлежат

²⁷¹ Ст. 67 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

учету также обстоятельства, условия встречного исполнения²⁷².

Относительно сделок должника с предпочтением следует отметить, что под такими сделками законодателем подразумеваются сделки, совершенные должником в отношении конкретного кредитора (либо иного лица) и влекущие за собой оказание данному кредитору (иному лицу) предпочтения перед остальными кредиторами в части удовлетворения их требований.

Для признания подобных сделок недействительными требуется наличие одного из условий, а именно:

- направленность совершенной должником сделки на обеспечение исполнения его обязательства (либо третьего лица) перед конкретным кредитором при возникновении данного обязательства до совершения такой сделки;

- результатом сделки может стать (стало) изменение очередности удовлетворения кредиторских требований (также возникших до сделки);

- результатом сделки может стать (стало) удовлетворение требований того кредитора, срок исполнения требований которого не наступил на момент совершения сделки, но при этом в установленный срок (наступивший) должником не были исполнены требования других кредиторов;

- результатом сделки стало оказание (такая возможность) большего предпочтения в части удовлетворения требований конкретного кредитора, имевшихся до совершения сделки, нежели должно было быть в соответствии с очередностью удовлетворения требований всех кредиторов.

В таких случаях, как правило, осведомленность заинтересованного лица о наличии признаков неплатежеспособности должника предполагается, пока не будет доказано обратное²⁷³.

Говоря о сделках, направленных на создание кредиторской

²⁷² П. 1 ст. 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

²⁷³ См.: *Бежецкий А.Ю.* Оспаривание притворных и подозрительных сделок должника в деле о банкротстве // Законодательство. 2016. № 12. С. 22.

задолженности искусственным путем, отметим, что под ними подразумеваются сделки, совершение которых может оказывать прямое либо косвенное влияние на размер погашения выдвинутых кредиторами требований посредством создания тех или иных неблагоприятных условий для удовлетворения данных требований в полной мере²⁷⁴.

Совершением подобных сделок существенно ущемляются права кредиторов в рамках получения возмещения. Оспаривание же подобных сделок (как и предшествующее ему выявление данных сделок) затрудняется косвенным характером влияния на погашение требований кредиторов, а также отсутствием легально закрепленных оснований их оспаривания в Законе о банкротстве.

В частности, речь может идти об инициировании несостоятельности, процедуры банкротства через аффилированное лицо посредством создания так называемого «дружественного» кредитора, необходимого для начала процедуры банкротства и уменьшения размера погашения выдвинутых другими кредиторами требований, а также назначения нужного арбитражного управляющего.

С целью предотвращения возможных злоупотреблений должником – хозяйственным обществом (ООО) совместно с недобросовестными кредиторами, например, посредством заключения сделок, направленных на вывод активов должника, которые поступили в конкурсную массу, на «своего» кредитора, судам следует в процессе определения очередности погашения требований кредиторов принимать во внимание как дату заключения договоров (возникновения денежных обязательств), так и дату фактического исполнения договорных обязательств (оказания услуг, выполнения работ и пр.).

Например, в случае подтверждения факта существенного временного разрыва между датами фактического выполнения работ и подписания акта

²⁷⁴ См.: Рыков Д.А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дисс... канд. юрид. наук. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. С. 104.

сдачи работы, или существенного отличия срока оплаты по договору от «обычного» срока, предусмотренного для данного вида договоров и в других договорах конкретного юридического лица, являющегося должником, следует квалифицировать подобное требование кредитора в качестве реестрового требования независимо от даты подписания актов КС-2, КС-3.

Сегодня возможны ситуации, при которых в то время, как одни кредиторы обращаются с соответствующим иском в суд, другим («своим» кредиторам) удовлетворяют их требования, либо юридические лица (должники) успевают иначе распорядиться активами, в результате чего к моменту возбуждения конкретного дела о несостоятельности юридического лица имущества у него может не остаться, или процедура банкротства будет уже инициирована другим «своим» кредитором.

Помимо этого, преимуществом подачи заявления о признании юридического лица банкротом «своим» кредитором выступает тот факт, что в этом случае не подлежат выявлению признаки преднамеренного и фиктивного банкротства, поскольку для проведения временным управляющим анализа деятельности юридического лица, являющегося должником, на предмет преднамеренного или фиктивного банкротства, необходимо, чтобы заявление о признании должника банкротом было подано непосредственно должником²⁷⁵.

Целесообразно утверждение порядка рассмотрения данного вопроса непосредственно в постановлении Пленума ВАС РФ № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»²⁷⁶ или постановлении Пленума ВС РФ.

С целью решения проблемы заключения сделок, направленных на создание должником – хозяйственным обществом и недобросовестными

²⁷⁵ П. 11 Постановления Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 2). Ст. 5519.

²⁷⁶ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

кредиторами кредиторской задолженности искусственным путем, представляется целесообразным легальное закрепление в нормах Закона о банкротстве и разъяснениях ВС РФ обстоятельств, свидетельствующих о фиктивности сделки и формировании искусственной задолженности в рамках возникновения задолженности юридического лица, являющегося должником.

К подобным обстоятельствам следует отнести: отсутствие экономической целесообразности заключенной сделки; транзитное перечисление денежных средств (посредством предоплаты по договору, займа и пр.); несоответствие совершенной сделки рыночным условиям в худшую для должника сторону; отсутствие заключенной сделки в бухгалтерской отчетности кредитора и должника; отсутствие финансовой возможности в передаче денежных средств по сделке; отсутствие реальной возможности исполнения обязательства по сделке (оказания услуг, выполнения работ и пр.); несоответствие предмета сделки фактическим видам деятельности должника.

Сформулируем вводы и предложения.

1. Установлено, что усложнение корпоративного управления, многообразие имущественных корпоративных правоотношений приводит ко все большим формам и трансформации видов злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений.

2. Полагаем, что злоупотребление корпоративным правом – это превышение пределов осуществления своего права участниками корпорации или другими заинтересованными лицами. Пределом осуществления корпоративного права в общем виде является требование добросовестности участника корпоративного оборота. Формы злоупотребления корпоративным правом определяются общими положениями статьи 10 ГК РФ: шикана, действия в обход закона с противоправной целью, иное заведомо недобросовестное осуществление корпоративных прав.

3. По нашему мнению, «бездействие», предполагающее пассивность, не может приравниваться к злоупотреблению правом, так как злоупотребление –

это активное действие, совершенное за пределами своего права. Считаем, что бездействие участников общества в области управления обществом называть злоупотреблением правом нельзя, данное бездействие является нарушением правовых норм гражданского права и в качестве санкций в таких ситуациях участника могут исключить из общества.

4. Обосновано, что сама возможность злоупотребления корпоративным правом возникает из-за коммерческого характера деятельности корпорации, когда по различным причинам участниками корпорации не достигается цель получения прибыли. По данной причине участники злоупотребляют своим правом в ущерб интересам других участников или самого общества, а также третьих лиц, публично-правовых образований.

5. Особо следует подчеркнуть, что исходя из вышесказанного, злоупотребления корпоративным правом участниками корпоративных правоотношений порождают правовые последствия аналогичные тем, которые влечет и привлечение к частноправовой ответственности (гражданско-правовой), реализуемые уполномоченным органом посредством применения гражданско-правовых санкций, в форме принуждения.

6. Полагаем, что ярким проявлением частноправовых санкций в случае злоупотребления корпоративными правами является отказ злоупотребившему участнику в реализации корпоративного права и недопустимость защиты данного права. Следует учитывать при этом, что суд определяет факт злоупотребления корпоративным правом, оценивая поведения участника корпорации в тот момент, когда он перестал осуществлять свои корпоративные права (так называемая оценка *post-factum*).

7. С целью решения проблемы заключения сделок, направленных на создание должником – хозяйственным обществом и недобросовестными кредиторами кредиторской задолженности искусственным путем, представляется целесообразным легальное закрепление в нормах Закона о банкротстве и разъяснениях ВС РФ обстоятельств, свидетельствующих о

фиктивности сделки и формировании искусственной задолженности в рамках возникновения задолженности юридического лица, являющегося должником.

§ 3.2. Злоупотребления преимущественным правом при покупке долей (акций) в уставном капитале хозяйственных обществ

Корпоративное право призвано обеспечить не просто пассивное поведение обязанного лица, но гарантировать исполнение обязанности в виде активного поведения²⁷⁷. Для этого одних мер защиты (принудительное исполнение обязанностей, средства обеспечения исполнения обязательства, оперативные санкции) субъективных прав оказывается недостаточно. Необходимы такие меры, которые стимулировали бы обязанное лицо к активному поведению²⁷⁸.

Выполняя ключевую роль, институт преференциального права способствует поддержанию определенного круга участников. В случае нежелания делиться бизнесом с потенциальным новым участником или стремление увеличить собственную долю в уставном капитале компании, возможность выкупить долю (акции) других участников предоставляется самому участнику корпоративных правоотношений.

В случае желания одного из участников ООО продать свою долю третьей стороне у остальных участников образуется приоритетное право на покупку этой долевой части (ст. 21 п. 4 Закона об ООО).²⁷⁹

²⁷⁷ Подробно см.: *Андреев В.К., Лантев В.А.* Защита прав юридического лица в условиях применения цифровых технологий: монография. М.: Проспект, 2022.

²⁷⁸ См.: *Яковлев В.Ф.* Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие / науч. ред. Г.И. Петрищева. Свердловск, 1972. С. 179 - 180.

²⁷⁹ *Макеев А., Зверев В., Зверева А., Евсюков С.* Рынок ценных бумаг. – М.: Litres, 2023. – 778 с.

Необходимо обратить внимание, что только участники обладают льготным правом, что означает их «приоритет» перед третьими лицами в получении доли будучи «в очереди».

Тем не менее, не только участники могут обладать таким правом, но и само общество. Однако оно возникает только в том случае, если устав непосредственно этому способствует (ст. 21 абз. 2 пункт 4 Закона об ООО). В указанной ситуации общество находится в очереди за долей после участников и перед третьими лицами.²⁸⁰

Также в рамках корпоративных отношений можно ограничить или запретить продажу доли в уставном капитале третьим лицам с целью недопустимости злоупотребления правом, используя следующие механизмы:

1. Преимущественное право покупки, позволяющее учредителям (акционерам) предоставить друг другу преимущественное право на покупку доли (или акций), которую один из них намерен продать. Это означает, что до того, как предложить свою долю третьему лицу, участник обязан сначала предложить её другим участникам общества по предварительно установленным условиям. В противном случае это будет нарушение преимущественного права и как следствие перевода прав и обязанностей с третьего лица на участника общества²⁸¹.

2. Участники могут заключить корпоративный договор и установить определенные условия относительно продажи долей.

3. Устав общества, в котором также может быть установлен порядок продажи долей и соответствующие ограничения.

Однако стоит отметить, что даже если продажа доли третьим лицам ограничена или запрещена уставом или корпоративным договором, такой запрет или ограничение должны соответствовать законодательству и не могут

²⁸⁰ ФЗ № 44-ФЗ

²⁸¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 14.09.2023 № Ф08-7573/2023 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

быть абсолютными. Если договоренности участников противоречат закону, они могут быть признаны недействительными.

Оплаченная часть доли участника компании может быть передана другому лицу, но только в той степени, в которой она оплачена, до полного погашения обязательств. Размеры долей покупки зависят от долей участников, если не предусмотрено иное условие в уставе общества касательно реализации преимущественного права на покупку долей или их частей.

Это действует только в случае, когда другие члены организации не воспользовались своим преимущественным правом на покупку долей или их частей. При этом допускается реализация обществом преимущественного права на покупку долей или их частей по заранее определенной уставом цене при условии соблюдения минимальной установленной стоимости для участников общества.²⁸²

«Злоупотребление корпоративными правами, будучи нарушением установленного законом предела осуществления корпоративных прав (общего требования добросовестности), регулируется ст. 10 ГК РФ и может иметь место только при наличии у злоупотребляющего лица соответствующего корпоративного права»²⁸³.

Под преимущественным правом покупки доли (акции) следует понимать право на то, чтобы купить долю (акции), которую продает участник по той цене, которая предлагается третьему лицу. В соответствии с общим правилом, преимущественное право не действует, когда сделку проводят участники самого общества, а также при использовании других способов отчуждения доли (акций)²⁸⁴.

²⁸² Козлова Н. В., Филиппова С. Ю. Гражданско-правовые способы защиты прав акционеров в свете реформирования гражданского законодательства // Законодательство. – 2013. – № 2. – С. 33.

²⁸³ Григорьев Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34 - 38.

²⁸⁴ Ломакин Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 17.

Одновременно с тем, то, что существует преимущественное право *per se*, является стимулом совершать такие действия, которые позволяют участникам общества обходить или игнорировать преимущественное право, когда оно создает помехи. Далее детальнее остановимся на основных способах, позволяющих «обходить» преимущественное право участниками при совершении сделок, а также на том, как подобные действия оценивают суды.²⁸⁵

У ООО и АО (непубличного акционерного общества) преимущественное право, которое устанавливается для участников (держателей акций) соответствующих форм, регулируется по-разному.

Когда преимущественное право нарушается во время отчуждения акций непубличного общества, у акционеров, которые обладают данным преимущественным правом, а также общества (при обозначении уставом данного права) на протяжении 3-месячного периода с того момента, когда обществу или акционерам стало известно о существовании нарушения, есть право требовать, чтобы суд предоставил им права и обязанности, полученные приобретателем, отчужденные акции.²⁸⁶ При этом приобретатель получает стоимость акций, обозначенную в договоре купли-продажи, или стоимость, которая обозначена в уставе общества. Если же акции отчуждались, основываясь на других сделках, то приобретатель получает стоимость, которая обозначена в уставе общества, при выявлении следующего: ему было известно о том, что положения о преимущественном праве содержит устав общества.²⁸⁷

Условие о том, что акционеры должны согласиться отчуждать акции третьим лицам, может содержаться в уставе непубличного общества. Действие данных условий распространяется на период, который указан в уставе. Он не может длиться дольше 5-летнего периода с того момента, когда непубличное

²⁸⁵ Ломакин Д.В. Там же. С. 19.

²⁸⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.03.2018 № Ф05-1496/2018 по делу № А40-256781/16, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 05.08.2022 № Ф01-3250/2022 по делу № А43-2034/2021 // СПС КонсультантПлюс.

²⁸⁷ См.: Алиева К.М. Право акционера на выкуп акций при реорганизации акционерного общества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 8. С. 54.

общество получило госрегистрацию, а также когда были зарегистрированы преобразования устава.²⁸⁸

Если условие о том, что акционеры должны согласиться отчуждать акции, содержится в уставе непубличного общества, то это считают реализованным при непоступлении заявлений от акционеров о том, что они не согласны отчуждать акции, на протяжении 30-дневного периода или другого периода, который обозначен в уставе, с того момента, как общество было уведомлено о том, что акции будут отчуждаться²⁸⁹.

Возможно обращение акционеров, которые не согласились на отчуждение акций, в судебный орган, если акции отчуждаются с нарушением предписаний, обозначенных уставов. Это можно сделать на протяжении 3-месячного периода с того момента, когда стало известно о том, что нарушение произошло. При этом акционеры могут требовать, чтобы сделка была признана как недействительная при выявлении такого обстоятельства: приобретателю было известно (или должно было быть известно), что устав содержит предписания по поводу того, что при отчуждении акций с этим должны согласиться все акционеры.

Таким образом, у акционеров может не быть преимущественного права на то, чтобы приобретать размещаемые дополнительные акции или эмиссионные ценные бумаги, которые могут конвертироваться в акции. Это может быть указано в уставе или решении по данному вопросу, которое приняли все акционеры на общем собрании.

Лишь в уставе непубличного общества может быть указано о наличии у акционеров дополнительных обязанностей, не считая те, которые содержит российский Гражданский кодекс.

В соответствии с действующим законодательством, невозможно уступить преимущественное право, когда покупают долю в уставном капитале.

²⁸⁸ См.: *Поваров Ю.С.* Акционерное право России. – М.: Издательство Юрайт, 2023. С. 705 с.

²⁸⁹ См. подробнее: *Шапкина Г.С.* Применение акционерного законодательства. М.: Статут, 2019. 320 с.

В случаях, когда это предусматривает устав общества, возможно отчуждение не всей доли, а только ее части. При этом ту долю, которая осталась, либо часть доли может приобрести третье лицо после того, как участник общества (или общество) реализует свое преимущественное право.

Когда участники общества закрепляют в уставе такое условие, что может быть продана только часть доли, важно понимание возможности снижения экономической ценности для третьих лиц той доли, которая осталась. Даже при выкупе остальными участниками самой ничтожной доли каждый покупатель может больше не интересоваться покупкой, как следствие, это невозможность продажи доли, что приводит к тому, что другие участники могут злоупотреблять этим.²⁹⁰

Даже при том, что другие участники могут действовать, злоупотребляя правом, судами данные действия не относятся к злонамеренным. Это может привести к тому, что существенным образом нарушаются интересы продавца.

Примером может служить дело Арбитражного суда Московского округа от 16.07.2019 № Ф05-10877/2019 по делу № А41-16750/2018²⁹¹. Исковые требования истца были мотивированы тем, что, заключая цепочку сделок, а именно договор мены, договор дарения и впоследствии договор купли-продажи, у истца была нарушено преимущественно право покупки отчуждаемых акций. Также истец, ссылаясь на мнимость исполненных сделок. Цепочка сделок происходила таким образом, что по итогу, третье лицо, не являющееся акционером, стало владельцем 6 484 обыкновенных акций.

В ходе судебного разбирательства по настоящему делу акционер и третье лицо (которое впоследствии стало акционером) подписали соглашение о расторжении договора купли-продажи ценных бумаг, по условиям которого до момента возврата Продавцом выкупной стоимости акций ценные бумаги будут

²⁹⁰ Ломакин Д.В. Там же. С. 17.

²⁹¹ Дело Арбитражного суда Московского округа от 16.07.2019 № Ф05-10877/2019 № А41-16750/2018 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

находиться в залоге у Покупателя.

Ответчики считали, что поскольку отчуждение акций происходило по безвозмездным сделкам, то ни о каком нарушении права не может быть и речи.

Тем не менее, суд встал на сторону истца, посчитав, что спариваемые сделки были совершены злонамеренно, в целях передачи третьему лицу пакета акций Компании без соблюдения преимущественного права покупки акций другими акционерами.

В другом деле, Арбитражный суд Московской области рассматривал дело № А41-22246/2017, где один акционер ОАО «Молочный комбинат «Ступинский» подал исковое заявление о том, что другой акционер передал права и обязанности, в соответствии с договором об отчуждении, свои акции третьему лицу, которое ранее не было акционером данной компании²⁹².

Заявленные требования основаны на том, что было нарушено преимущественное право акционера, чтобы купить акции, которые отчуждают другие акционеры третьим лицам, которые не являются держателями акций.

В соответствии со ст. 7 Закона об АО говорится о том, что устав общества предусматривает обязанности акционера непубличного акционерного общества, который желает продать свои акции третьему лицу на возмездном основании, уведомить об этом общество соответствующим образом. Что касается самого общества, то в его обязанности входит уведомление других акционеров. Другие же акционеры, в свою очередь, имеют право покупки акций по той стоимости, по которой их предлагают третьему лицу. Так реализуется преимущественное право при покупке акций²⁹³.

В рассматриваемом споре, акционера не уведомили об намерении другого участника продать акции. В результате чего истцом не было реализовано преимущественное право купить акции, в связи с чем и подал иск в суд с

²⁹² Дело № А41-22246/2017 ОАО «Молочный комбинат «Ступинский» / Адвокатская газета / [Электронный ресурс] – режим доступа – <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-realizatsii-preimushchestvennogo-prava-priobreteniya-aktsiy/>

²⁹³ Шапкина Г.С. Применение акционерного законодательства. М.: Статут, 2009. 320 с.

требованием о переводе прав и обязанностей.

В течение 6 месяцев со стороны ответчиков не было представления своей позиции относительно данного дела, в ходе судебных разбирательств у реестродержателя ОАО истребовали доказательства в виде документов, подтверждающих, что права на акции перешли.

Позднее было выяснено, что договор купли-продажи, по которому от истца поступила просьба о переводе прав, расторгнут 21.03.2017 г., буквально за 2 дня до подачи искового заявления. На основании этого, был выполнен возврат акций лицу, которое их продало. Тем не менее, что касается распоряжения о том, чтобы вернуть акции продавцу, то дата его оформления – 05.04.2017 г. (после того, как подан иск, дело начали рассматривать).

Также нужно подчеркнуть, что после того, как договор купли-продажи был расторгнут, продавцом был оформлен договор дарения акций жене покупателя по расторгнутому договору, о котором упоминалось ранее. Другими словами, акции перешли к первоначальному покупателю, но не по договору купли-продажи, а по договору дарения. Тем самым право преимущественного права уже не распространяется.

Судебная практика подтверждает, что расторжение договора, заключение которого является нарушением преимущественного права купить акции, как правило не является основанием для удовлетворения исковых требований в соответствии с четвертым пунктом ст. 7 Закона об АО. Если возникают подобные ситуации, то судами дается указание, что расторжение договора приводит стороны в первоначальное положение, нарушения прав истца нет.

Аналогичным примером может служить дело Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.07.2019 № Ф08-4661/2019 по делу № А32-38370/2018²⁹⁴ где суд, отказывая истцу в переводе прав по договору купли-продажи, обосновал тем, что на момент рассмотрения спора договоры купли-

²⁹⁴ Дело Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.07.2019 № Ф08-4661/2019 № А32-38370/2018 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

продажи долей расторгнуты с возвратом всего полученного по сделкам, и, тем самым, права и обязанности по расторгнутому договору не могут быть переданы в порядке, установленном Закона об ООО. Факты злоупотребления правом при расторжении договоров суды не установили.

Также стоит отметить, что большинство споров основаны на том, что, заключая договор дарения, у акционеров не появляется преимущественное право покупки, тем не менее, из соглашения сторон очевидное намерение дарителя передать имущество в качестве дара не предусмотрено. То есть получается, что договор дарения заключен, сделка считается безвозмездной, тем не менее не обладает признаком дарения, а потому не является дарением. Рассмотрим на примере ниже.

Так, в Арбитражном суде Дальневосточного округа от 28.10.2021 № Ф03-5588/2021 по делу № А51-2090/2020²⁹⁵ были рассмотрены исковые требования участника на том основании, что договор дарения, направленный на переход права собственности доли в заключенной в предусмотренной законом форме должен быть квалифицирован как сделка купли-продажи (прикрываемая сделка).

В рассматриваемом споре ответчик заключил договор дарения с третьим лицом, по которому безвозмездно передал в собственность одаряемой долю, равную 50% уставного капитала Компании. Договор безвозмездной передачи доли в уставном капитале общества удостоверен нотариусом. Однако, в тот же день, по стечению неких обстоятельств, акционером было составлена расписка о получении от третьего лица 500 000 руб. в счет оплаты стоимости 50% доли в Компании.

Арбитражными судами установлено, что стороны договора дарения обратились к нотариусу для оформления сделки дарения доли в размере 50% уставного капитала Компании, при этом, в тот же день они фактически

²⁹⁵ Дело Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.10.2021 № Ф03-5588/2021 № А51-2090/2020 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

совершили сделку купли-продажи доли, оформленную письменной распиской о передаче указанной доли за плату в размере 500 000 руб.

При таких обстоятельствах совершение оплаты третьим лицом подтверждает факт волеизъявления обеих сторон на совершение именно возмездной сделки отчуждения спорной доли, в связи с чем договор безвозмездной передачи доли от 27.11.2019 по существу является притворной (прикрывающей) сделкой.

Рассматривая другой спор, Арбитражный суд Северо-Западного округа от 21.10.2020 № Ф07-8630/2020 по делу № А42-10553/2017²⁹⁶ защитил интересы участника, который обратился в суд с требованием о переводе прав и обязанностей приобретателя по договору купли-продажи 30% долей участия в уставном капитале Общества, который был прикрыт заключенным между ответчиками притворным договором дарения.

Суд, полно исследовав и надлежащим образом оценив представленные доказательства в их совокупности, пришел к обоснованным выводам, что сам договор дарения формально не содержит условий о встречных обязательствах по оплате стоимости доли. Тем не менее, материалами дела с достоверностью подтверждается факт, что при его заключении воля ответчиков в действительности была направлена на совершение купли-продажи спорной доли, а встречное предоставление за долю было получено иным лицом.

Так, например, случайным образом, у третьего лица была погашена задолженность в банке и были предоставлены заемные средства на нерыночных условиях – без уплаты процентов, без обеспечения и на длительный срок.

Таким образом, удовлетворяя иск, суд посчитал, что реальной целью заключения договора дарения являлась скрытая продажа доли с целью обхода преимущественного права других участников Общества.

Аналогичный подход рассматривается и в других делах. Арбитражный

²⁹⁶ Дело Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.10.2020 № Ф07-8630/2020 № А42-10553/2017 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

суда Уральского округа от 05.10.2020 № Ф09-5239/20 по делу № А07-16137/2019²⁹⁷ признал договор дарения притворной сделкой, совершенной в обход преимущественного права, поскольку ответчик ни коим образом не объяснил мотивы, сподвигнувшие ответчика одарить третье лиц, с которым у ответчика нет родственных или иных близких связей.

Приведенные примеры применительно к преимущественному праву означают, что возможно отчуждение доли (акции) посредством безвозмездной сделки, которое, однако, не является дарением, в связи с чем акционер (участник) будет иметь право требовать перевода прав по сделке. Таким образом, отсутствие намерения одарить может быть доказательством того, что между акционером (участником) и третьим лицами нет дарения, но истцу дополнительно нужно доказать также наличие возмездности в рамках соответствующего договора, например, распиской, платежным поручением.

В российской судебной практики также рассматриваются дела, связанные с цепочкой сделок между акционером (участником) и третьим лицом. Это имеет место быть, когда сначала заключается договор дарения, а через непродолжительное время заключается договор купли-продажи, как правило со значительным числом акций или с большей долей.

Такой классический пример рассматривается в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 25.06.2009 № 131 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров о преимущественном праве приобретения акций акционерных обществ», в котором сказано, что в том случае, когда цепочка сделок (договор дарения с последующей продажей акций) признаются притворными, прикрывающая единый договор купли-продажи, то такая ситуация, позволяет акционеру ЗАО требовать перевода на себя прав и обязанностей покупателя по единому договору купли-продажи.

Так, например, Арбитражный суд Центрального округа от 29.11.2016 №

²⁹⁷ Дело Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2020 № Ф09-5239/20 № А07-16137/2019 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

Ф10-4313/2016 по делу № А35-8091/2013²⁹⁸ посчитал, что договор дарения прикрывает куплю-продажи с намерением обойти преимущественное право покупки. Суд, правомерно указал, что договор дарения был заключен 24 июля и была подарена доля в незначительном размере 1%. Впоследствии эти же стороны заключили договор купли-продажи (буквально через 2 месяца) после договора дарения и были отчуждены доли в уставном капитале Общества в размере 8%, что свидетельствует о том, что воля сторон была направлена в конечном итоге на возмездное отчуждение всех принадлежащих ответчику долей в уставном капитале общества.

Более того, давая оценку добросовестности поведения сторон суды зачастую обращают внимание на отношения между сторонами по договору дарения. Так, например, суд посчитал, что договор дарения одной акции стоимостью 284 руб. между бывшими коллегами не может не вызвать сомнения в истинных намерениях сторон договора дарения. В связи с чем, суд удовлетворил требование истца о переводе прав и обязанностей, поскольку сделка дарения с последующей продажей акций была совершена для обхода правил о преимущественном праве покупки акций другими акционерами общества (Постановление АС ЦО от 21.07.23 по делу № А83-23541/2021²⁹⁹).

Такие дела довольно часто рассматриваются в судебных спорах и, как правило, суд встанет на сторону истца, поскольку в судебной практике устоялось единообразное мнение и таким образом не вызывает особых затруднений для судов. Для удовлетворения требований о переводе прав и обязанностей, истцу следует доказать ряд фактов, а именно: 1) отсутствие родственных отношений или иных близких связей, 2) непродолжительный период времени между совершенными сделками, 3) отчуждаемая доля или

²⁹⁸ Дело Арбитражного суда Центрального округа от 29.11.2016 № Ф10-4313/2016 № А35-8091/2013 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

²⁹⁹ Постановление АС ЦО от 21.07.23 по делу № А83-23541/2021 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

акция по договору дарения, как правило, незначительна 4) впоследствии отчуждается крупный пакет акций или большой размер доли по договору купли-продажи.

Полагаем, что в регулировании преимущественного права покупки долей (акций) в компании и недопустимости злоупотребления правом в подобных корпоративных правоотношениях ключевую роль играет корпоративный договор, поскольку он позволяет участникам (или акционерам) общества детализировать, изменять или дополнять общепринятые нормы, предусмотренные законодательством. Хотя законы устанавливают общий порядок реализации преимущественного права, корпоративный договор может содержать более конкретные условия, например методы оценки стоимости долей, порядок и сроки уведомления, а также процедуры выполнения и контроля за исполнением данных прав.

Как указывается в науке «договор — это ключевой правовой инструмент «горизонтальной» координации поведения и взаимодействия свободных индивидов в современном обществе как по поводу имущества (организации рыночного оборота, распределения и перераспределения денег, ресурсов и иных благ и др.)»³⁰⁰. В рамках уральской научной школы Б.М. Гонгало, обоснованно говорит, что «в частноправовой сфере все совершается по договору»³⁰¹. Соответственно, напрашивается вывод о значимости договорного регулирования и для корпоративных отношений. Принцип свободы договора позволяет участникам корпоративных правоотношений вступать в предпринимательские и корпоративные обязательства. Одним из наиболее значимых и эффективных договорных правовых конструкций в корпоративных правоотношениях выступает корпоративный договор.

³⁰⁰ Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М-Логос. 2020.

³⁰¹ Гонгало Б.М. Идеи частного права: должное и сущее // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. К 80-летию С.С. Алексеева. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 96.

Обратим внимание, что наиболее отчетливо принцип добросовестности и недопустимость злоупотребления правом в договорных корпоративных правоотношениях проявляется при изменении и расторжении корпоративного договора.

В цивилистической науке еще В.Ф. Яковлев указывал на то обстоятельство, что «существование предпринимательского договора в современном праве России небесспорно»³⁰². По мнению других ученых «определение юридической природы и тенденций исполнения предпринимательских обязательств является в настоящее время наиболее дискуссионным и принципиальным вопросом, имеющим значение для правоприменительной договорной деятельности, в особенности применительно к предпринимательским обязательствам»³⁰³.

«Предпринимательский договор и возникающие из него обязательства, опосредующие предпринимательскую деятельность, не могут не отражать ее особенностей и не обладать определенной спецификой, оставаясь по своей природе гражданско-правовыми договорами»³⁰⁴.

Очевидным и доказанным в юридической науке стал тезис о межотраслевых связях семейных, гражданских, предпринимательских и корпоративных отношений³⁰⁵.

В доктрине справедливо отмечается, что важнейшими принципами, на основе которых складываются договорные предпринимательские и корпоративные правоотношения при добросовестном поведении, являются

³⁰² Яковлев В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

³⁰³ См.: Левушкин А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: Учебник. М.: Проспект, 2021. С. 126; Левушкин А.Н., Кузьмина И.К. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист. 2020. №2. С. 151.

³⁰⁴ Яковлев В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

³⁰⁵ См.: подробнее: Лескова Ю.Г., Филатова У.Б. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 19.

принцип добросовестности и неизменности договора³⁰⁶. Сущность данного принципа заключается в том, что заключенные между сторонами предпринимательские договоры должны исполняться на тех условиях, на которых было достигнуто соглашение на момент его заключения³⁰⁷. При этом соответствующие условия не должны изменяться в период действия заключенного между сторонами соглашения³⁰⁸.

Соответствующий принцип, являющийся основой существования и реализации договорных корпоративных правоотношений, направлен, в первую очередь, на поддержание стабильности прав участников корпораций, между которыми имеются на основании заключенного соглашения договорные корпоративные, управленческие и экономические обязательства.

Кроме того, данный принцип, направленный на регулирование договорных корпоративных отношений на основе реализации принципа добросовестности, непосредственно связан с другим принципом, также выступающим основой договорных правоотношений, а именно – принципом надлежащего исполнения возникающих из договора обязательств, предусмотренным законодателем в ст. 309 ГК РФ.

Правовое значение принципа неизменности договорных предпринимательских корпоративных обязательств заключается в том, что стороны, обремененные вытекающими из договора обязательствами, должны обеспечить их исполнение на условиях, указанных непосредственно в договоре, либо в законе. «Прежде чем заинтересованная сторона обращается в суд с иском о расторжении или изменении соглашения, данной стороной предпринимаются

³⁰⁶ См.: *Усачева К. А.* Возвращение полученного как следствие расторжения нарушенного договора: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. С. 94.

³⁰⁷ См.: *Федина Л. М.* Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из договора поставки для органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Грозный, 2018. С. 26.

³⁰⁸ См.: *Общая часть обязательственного права в судебной и арбитражной практике: сборник действующих разъяснений высших судебных инстанций / Под ред. Е. А. Суханова.* М., 2021. С. 125.

необходимые меры, направленные на изменение или расторжение договора во внесудебном порядке»³⁰⁹.

«Право развивается постоянно, становясь все более сложным и дифференцированным»³¹⁰. К сожалению, в условиях рыночной экономики не представляется возможным в полной мере следовать указанным принципам, направленным на обеспечение и реализацию основанных на договоре обязательств. В частности, нельзя исключать ситуации, при которых действия, связанные с изменением или расторжением договора, необходимы для поддержания гражданских правоотношений в целом и гражданских договорных правоотношений в частности³¹¹.

М.И. Брагинский и В.В. Витрянский указывают, что «наделение сторон столь широкой возможностью определять судьбу договора составляет одно из прямых выражений договорной свободы: стороны свободны в вопросах расторжения или изменения отдельных договорных условий»³¹².

В частноправовой науке обоснованно установлено, что «все участники гражданского оборота хотят работать с надежными и добросовестными контрагентами, которые выполняют принятые обязательства в точном соответствии с договором»³¹³.

В частноправовой доктрине А.А. Жгулев пишет, что положение п. 2 ст. 6 ГК РФ «означает невозможность применения аналогии права в случае, если общие начала и смысл гражданского законодательства не соответствуют

³⁰⁹ См.: *Снытникова Н.В.* Изменение и расторжение договоров в сфере предпринимательской деятельности в судебном порядке: некоторые проблемы правоприменения // Вестник арбитражной практики. 2022. № 6 (103). С. 15.

³¹⁰ *Яковлев В.Ф.* О понятии правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 5 - 7.

³¹¹ См.: *Душкина М. А.* Порядок изменения и расторжения договора хранения, ответственность за нарушение договора // Аллея науки. 2019. № 3. С. 433.

³¹² Договорное право. Общие положения (книга 1). (3-е издание, стереотипное) / *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* М.: Статут, 2001. С. 283.

³¹³ *Левушкин А.Н., Морозов С.Ю.* Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 38.

требованию добросовестности». Автор обуславливает такой подход тем, что «рассматриваемой нормой устанавливается приоритет добросовестности перед применением иных общих начал гражданского законодательства. Иначе говоря, применение последних не должно приводить к последствиям, которые несовместимы со всеобщим принципом добросовестности»³¹⁴.

«Гражданское право постсоветской России вдохнуло жизнь в договор как инструмент частного урегулирования отношений его участников, провозгласив одним из своих основополагающих начал свободу договора»³¹⁵. Вместе с тем, с одной стороны, законодатель предоставляет участникам договорных предпринимательских правоотношений свободу³¹⁶, а, с другой стороны, ограничивает такое свободное волеизъявление, определяя случаи, при которых соответствующие действия запрещены.

В соответствии с общими началами гражданского законодательства любые договорные предпринимательские и корпоративные отношения основываются на принципе свободы договора. Данный принцип на законодательном уровне закреплён в ст. 421 ГК РФ. Важно обратить внимание на то обстоятельство, что принцип свободы договора распространяется и на те случаи, когда договор изменяется или расторгается³¹⁷.

Корпоративный договор может предусмотреть бессрочный запрет на продажу доли в ООО без согласия всех участников. Так, например, суды первой, апелляционной и кассационной инстанций пришли к выводу о недействительности положений устава общества в части установления бессрочного запрета на продажу участником доли (части доли) в обществе, указав, что преимущественное право покупки доли не может создавать

³¹⁴ Жгулев А.А. Добросовестность при исполнении обязательства. М., 2011. С. 2.

³¹⁵ Танага А.Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве: монография. М.: Проспект, 2023. С. 9.

³¹⁶ См.: Батурина А.А. Система и системность смешанных договоров в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Красноярск, 2019. С. 11.

³¹⁷ См.: Бодгаев Д.Б. Административный договор как правовая форма государственного управления в сфере предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2019. С. 27.

препятствия в отчуждении участниками своих долей на неопределенной долгий срок, лишая их возможности вернуть свои инвестиции. Тем не менее, Верховный суд не согласился с нижестоящими инстанциями, посчитав, что, устанавливая запрет на отчуждение долей в уставном капитале без получения согласия остальных участников общества (пункт 10.3), Устав общества в то же время предусматривает обязанность общества по приобретению у участника принадлежащей ему доли или части долей в случае отказа остальных участников от преимущественного права на приобретение (пункт 11.2) и не содержит положений, ограничивающих сумму выплаты, производимой участнику в этом случае³¹⁸.

Как указывается в науке, в настоящее время все более расширяются возможности сферы предпринимательской деятельности и договорного регулирования³¹⁹. В рамках предпринимательской деятельности и развития правоотношений экономического характера, как правило, существует временной интервал³²⁰. В договоре может быть предусмотрено, что продажа долей (или акций) третьим лицам возможна только с согласия других участников или при наличии определенных условий.

Корпоративный договор может содержать санкции или последствия для участников, нарушивших условия преимущественного права, что усиливает соблюдение договорных обязательств.

Рассмотрим несколько практических примеров применения корпоративного договора в контексте преимущественного права покупки долей (акций):

³¹⁸ Определение Верховного суда № 305-ЭС22-24465 по делу № А40-139499/2021[Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

³¹⁹ См.: *Левушкин А.Н., Згонников А.П.* Коллекторская деятельность как вид экономической деятельности в Российской Федерации: теория и практика применения // *Право и экономика*. 2019. № 4. С. 6.

³²⁰ См. подробнее: *Снытникова Н.В.* Проблемы изменения и расторжения договора в сфере предпринимательской деятельности: правоприменительный аспект // *Право и экономика*. 2023. № 8. С. 62-67.

1. При исключении из права три участника крупной компании в корпоративном договоре устанавливают, что преимущественное право покупки не применяется, если доли предлагаются к продаже стратегическому инвестору. Судебная практика склоняется к тому, что в таком случае корпоративный договор/устав не противоречат законодательству.³²¹

Таким образом, участники вправе включить в корпоративный договор в том числе те положения, которые ограничивают их права, если это допускается действующим законодательством. Например, при особых условиях для отдельных участников, в семейном бизнесе, где доли принадлежат разным членам семьи, в корпоративном договоре может быть условие, что старший член семьи имеет преимущественное право покупки долей перед остальными участниками. Судебная практика подтверждает тот факт, что самостоятельное принятие на себя участниками общества ограничений, оговоренных в соглашении и прямо допускаемых законом, не может само по себе служить основанием для признания такого договора недействительным (Постановлением АС Уральского округа от 11 декабря 2015 г. № Ф09-8712/15 по делу № А60-12804/2015³²²).

2. Акционеры непубличного общества могут также в качестве альтернативного варианта воспользоваться регулированием, предусмотренным п. 5 ст. 7 ФЗ «Об АО». Ограничение п. 5 ст. 7 ФЗ «Об АО» может быть одновременно установлено и корпоративным договором, и уставом общества. В то же время, если акционеры намереваются установить запрет на отчуждение акций третьим лицам более чем на пять лет, положения п. 5 ст. 7 ФЗ «Об АО» могут стать препятствием. Для решения данной проблемы акционеры могут предусмотреть в корпоративном договоре отдельное обязательство по

³²¹ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 21.04.2022 № 10АП-1535/2022 по делу № А41-44123/2021 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

³²² Постановлением АС Уральского округа от 11 декабря 2015 г. № Ф09-8712/15 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

истечении пяти лет внести изменения в устав общества для подтверждения нового срока, в течение которого отчуждение акций третьим лицам требует получения согласия других акционеров. Установление такого обязательства не противоречит п. 1 ст. 67.2 ГК РФ, согласно которому участники хозяйственного общества вправе установить обязанность голосовать определенным образом на общем собрании участников общества (подтверждением данной позиции являются ряд судебных решений (см., в частности, Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22 октября 2015 г. № 07АП-9663/2015 по делу № А45-12229/2015³²³).

3. При нарушениях, в корпоративном договоре между партнерами производственной компании прописано, что в случае продажи доли без учета преимущественного права других участников, нарушитель обязан выплатить штраф в размере 20% от стоимости проданной доли. Например, нередко в корпоративном договоре участники предусматривают неустойку на случай нарушения его сторонами своих обязательств (Постановление Девятого арбитражного суда от 26 декабря 2016 г. № 09АП-52398/2016 по делу № А40-65834/11-134-136³²⁴, Постановление Первого апелляционного суда от 16 сентября 2016 г. по делу № А11-9506/2015³²⁵).

Эти примеры представляют разнообразные способы использования корпоративного договора для регулирования и защиты интересов участников компании от злоупотребления правом и недобросовестного поведения в рамках преимущественного права на покупку долей или акций.

Таким образом, корпоративный договор обеспечивает гибкость и адаптивность в управлении корпоративными отношениями, позволяя

³²³ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 22 октября 2015 г. N 07АП-9663/2015 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

³²⁴ Постановление Девятого арбитражного суда от 26 декабря 2016 г. № 09АП-52398/2016 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

³²⁵ Постановление Первого апелляционного суда от 16 сентября 2016 г. по делу № А11-9506/2015 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

участникам учитывать индивидуальные особенности и потребности компании, а также минимизировать потенциальные корпоративные конфликты ввиду злоупотребления корпоративным правом.

Если корпоративный договор компании предоставляет прерогативное право на приобретение долей или их части, то компания имеет возможность осуществить эту покупку по льготному праву в течение семи суток после окончания предварительного срока покупки участниками или отказа всех участников от использования этого права. Это может быть сделано посредством отправки акцепта оферты соответствующему участнику.³²⁶

Вплоть до конца 2015 года возможным было незаверение сделки нотариусами, когда это касалось отчуждения доли с учетом применения преимущественного права. Об этом говорилось в законе об обществах с ограниченной ответственностью (21 статья 11 пункт 2 абзац). Таким образом, сейчас для такой сделки применяются общие предписания, прописанные в законе об обществах с ограниченной ответственностью (21 статья 11 пункт).

Возможна покупка доли самим обществом, у которого есть преимущественное право, при истекшем периоде, отведенном акцепту, а также при отказе всех участников от покупки. На протяжении недели у общества есть право на это. Также нужно отметить, что в уставе может быть сказано о более длительном периоде.

При отказе определенными лицами, участвующими в обществе, от того, чтобы применять преимущественное право, а также при покупке ими неполной доли другим лицам, участвующим в обществе, предоставляется возможность приобретения доли, которая осталась. Покупка данной доли осуществляется в соответствии с величиной долей, которые имеют участники. Кроме того, в уставе могут быть прописаны другие условия³²⁷.

³²⁶ Ст. 21 ФЗ № 14 «Об ООО».

³²⁷ Каминка А.И. Акционерные компании: юридическое исследование. Т. 1. – СПб.: Типолиитография А.Е. Ландау, 1902. – 512 с.

Прекращение преимущественного права лиц, участвующих в обществе, наблюдается по истечении тридцати дней с даты получения оферты обществом, на протяжении которого это право должно было примениться³²⁸.

Если до того, как истек период от лиц, которые желают приобрести долю, в общество приходят заявления о том, что они не будут применять преимущественное право, причем оно должно быть заверено нотариусом, то это говорит о прекращении преимущественного права. Также это происходит, когда лицо, продающее долю, получает подобное заявление.

Возможна продажа доли третьему лицу, если на протяжении оговоренного периода не было факта покупки доли обществом или участниками.³²⁹

Таким образом, доля не может продаваться дешевле, чем сумма, которую содержит оферта, или чем стоимость, которая обозначена в уставе. Также нужно учитывать следующее: при фиксации в уставе и обществе разных сумм ориентир должен быть на стоимость, которая адресована обществу. Тем самым, необходимо соответствие требований по реализации условиям, обозначенным офертой.

Подводя итог параграфа, отметим, что в контексте корпоративных отношений существует ряд механизмов, позволяющих учредителям (акционерам) ограничить или запретить продажу своих долей третьим лицам, включая преимущественное право покупки, корпоративные договоры и соответствующие положения устава общества. Однако эти ограничения должны соответствовать законодательству и не могут быть абсолютными. Любые договоренности, противоречащие закону, могут быть признаны недействительными. При этом передача оплаченной части доли другому лицу

³²⁸ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.03.2021 № 14АП-1703/2021 по делу № А13-5743/2020 // СПС Консультант Плюс.

³²⁹ Бевзенко Р.С. Выход участника из общества с ограниченной ответственностью // Закон. 2006. № 9. С. 51.

возможна только в пределах её оплаты, а размеры долей при покупке диктуются долями участников, если устав не предусматривает других условий.

При этом, в контексте преимущественного права покупки долей (акций) в компании, корпоративный договор выступает ключевым инструментом, позволяя детализировать и модифицировать установленные законодательством нормы. Несмотря на общие положения закона, участники могут конкретизировать условия, такие как оценка стоимости долей и порядок уведомления. Однако следует быть осмотрительным с установлением бессрочных запретов на продажу долей без согласия всех участников. Как показывает судебная практика, подобные запреты могут быть признаны недействительными, так как они могут необоснованно ограничивать права участников. Но, как установлено Верховным судом, при наличии условий, обеспечивающих права участников на возврат инвестиций, такие ограничения могут быть признаны законными.

«Правовая природа отдельных видов договоров, несмотря на прекращение основанных на заключенном соглашении обязательств между сторонами, предполагает исполнение их некоторых условий»³³⁰. Также в договоре могут быть установлены специфические условия касательно продажи долей (или акций) третьим лицам, и эти условия могут включать требования согласования или наличия определенных обстоятельств. Корпоративные договоры могут также предусматривать санкции за нарушение данных условий, обеспечивая тем самым выполнение договорных обязательств участниками. При этом судебная практика показывает, что даже если участники добровольно вводят ограничения на свои права в корпоративном договоре, такие ограничения могут быть признаны законными, если они не противоречат действующему законодательству.

³³⁰ См. подробнее: *Снытникова Н.В.* Некоторые особенности рассмотрения гражданских дел об изменении или расторжении предпринимательского договора: материально-правовой аспект // Вестник ТвГУ. Серия Право. 2022. № 4. С. 123-130.

Анализ судебной практики по вопросу интерпретации уведомлений и согласий в контексте продажи долей в уставном капитале обнаруживает диссонанс в понимании их правовой природы. Хотя одни суды считают, что уведомление о намерении продать долю имеет лишь информационное значение и не является предложением к сделке, другие, наоборот, утверждают его обязательный характер. На текущий момент в доктрине и практике преобладает мнение о том, что принудительное заключение договора купли-продажи на основе такого уведомления невозможно, и даже после выражения желания другим участником воспользоваться своим преимущественным правом, первоначальный владелец доли не обязан её продавать.

При покупке доли в обществе действует система преимущественного права для его участников и самого общества. Если участники отказываются от покупки или покупают не всю долю, общество может приобрести её в течение недели, причём устав может предусматривать более длительный срок. Право участников на приобретение доли прекращается по истечении установленного периода или при получении заверенного нотариусом заявления о нежелании использовать это право. Если долю не купили ни участники, ни общество, она может быть продана третьему лицу, но не дешевле указанной в оферте или уставе стоимости. При расхождении стоимостей в уставе и оферте приоритет отдается уставу.

Анализируя представленную информацию, можно сделать вывод о сложности и многогранности регулирования преимущественного права на покупку долей в обществах. Судебная практика демонстрирует различные подходы к интерпретации этого права, что создаёт неоднозначность в его осуществлении. Однако основной принцип заключается в том, что участники общества и само общество имеют преимущественное право на приобретение долей. Такое право регламентировано уставом общества и законодательством, и его нарушение может влечь за собой определенные санкции и последствия.

В науке корпоративного права обоснованно указывается, что «в условиях

постоянной изменчивости корпоративных злоупотреблений прежних правовых средств оказывается недостаточно для эффективной защиты корпоративных прав добросовестных участников. Вследствие этого очерчивается настоятельная потребность в актуальных изменениях законодательства и разъяснениях на уровне Верховного Суда РФ, которые помогли бы судам первой инстанции своевременно выявлять и применять надежные правовые средства для предотвращения злоупотреблений»³³¹.

Сформулируем некоторые выводы по итогам рассмотрения основных вопросов настоящего параграфа.

1. Таким образом, в современной российской корпоративной правовой системе наблюдается заметная неопределенность относительно преимущественного права приобретения долей в ООО и АО, что порождает комплекс практических и теоретических вопросов. Эта неясность может привести к значительным финансовым потерям для участников корпораций, а также к потере доверия инвесторов к корпоративной среде России.

Существующие конфликты в области договорных прав, добросовестности покупателей и взыскания дивидендов осложняют привлечение иностранных инвестиций, что в долгосрочной перспективе может затормозить экономическое развитие страны. Непубличные корпорации России стараются закрепить преимущественное право в своих уставах, однако без ясности и прозрачности в законодательстве эти попытки могут оказаться бесполезными. Учитывая рост юридических споров, сложность реальных дел и отсутствие ясных методических указаний для судей, а также потенциальные экономические риски, глубокий анализ и реформирование данной области корпоративного права становится не только актуальной, но и стратегически важной задачей для устойчивого развития корпоративного сектора и экономики России в целом.

³³¹ См. подробнее: *Лянгузова Е.М.* Механизм борьбы со злоупотреблениями правом в корпоративных отношениях: частные определения // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 23 - 26.

2. Установлено, что у акционеров может не быть преимущественного права на то, чтобы приобретать размещаемые дополнительные акции или эмиссионные ценные бумаги, которые могут конвертироваться в акции. Это может быть указано в уставе или решении по данному вопросу, которое приняли все акционеры на общем собрании.

Когда участники общества закрепляют в уставе такое условие, что может быть продана только часть доли, важно понимание возможности снижения экономической ценности для третьих лиц той доли, которая осталась. Даже при выкупе остальными участниками самой ничтожной доли каждый покупатель может больше не интересоваться покупкой, как следствие, это невозможность продажи доли, что приводит к тому, что другие участники могут злоупотреблять этим.

Даже при том, что другие участники могут действовать, злоупотребляя правом, судами данные действия не относятся к злонамеренным. Это может привести к тому, что существенным образом нарушаются интересы продавца.

3. Установлено, что спариваемые сделки, совершаемые корпорациями, могут совершаться злонамеренно, в целях передачи третьему лицу пакета акций Компании без соблюдения преимущественного права покупки акций другими акционерами.

4. Судебная практика подтверждает, что расторжение договора, заключение которого является нарушением преимущественного права купить акции, как правило не является основанием для удовлетворения исковых требований в соответствии с четвертым пунктом ст. 7 Закона об АО. Если возникают подобные ситуации, то судами дается указание, что расторжение договора приводит стороны в первоначальное положение, нарушения прав истца нет.

§ 3. Злоупотребление правом при принудительном прекращении участия в корпорации

Как наукоемко отмечает профессор В.В. Долинская, «природу прав акционеров мы видим не столько во владении акцией, сколько в участии акционера в акционерном обществе»³³². Участие в корпорации - это правомерное или неправомерное поведение (действие или бездействие) члена корпорации, которое оказывает непосредственное влияние на корпорацию и других ее участников³³³.

Злоупотребление правом в институте исключения участника корпорации раскрыто в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2015 по делу № 32-КГ14-17³³⁴. Под злоупотреблением правом понимается реализация права вне его задачи, то есть совершение деяния против законодательства, закрепляющего право требования исключения, а также реализация указанного права не в интересах корпорации и ее участников. По мнению А.Е. Наумова, злоупотреблением правом является намеренное действие, которое подразумевает использование института в достижении личных целей и интересов³³⁵. Судебная практика также содержит признаки злоупотребления правом в части принудительного прекращения участия в корпорации.

Отсутствие четких оснований для исключения участника создает возможность для использования изучаемого института против добросовестного участника.

³³² Акционерное право: основные положения и тенденции: Монография / В.В. Долинская. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 82.

³³³ Кузьмин А.И. Понятие участия в корпорации // Право и экономика. 2013. № 10. С. 77 - 79.

³³⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2015 по делу № 32-КГ14-17. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2024).

³³⁵ См.: Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2010. С. 21-22.

Основными способами злоупотребления правом требования принудительного прекращения участия в корпорации в настоящий момент являются:

- захват корпоративного контроля;
- препятствие назначению избранной кандидатуры на должность единоличного исполнительного органа;
- заключение сделок с заинтересованностью и крупных сделок без участия в голосовании других участников и во вред их интересам и интересам корпорации;
- требование об исключении добросовестного участника после внесения им вклада.

Оценивая обстоятельства, повлекшие за собой необходимость исключения участника, отсутствие оснований для применения указанной санкции, мотивы лица, обратившегося в суд и избравшего данный механизм, можно сделать закономерный вывод, что за злоупотреблением правом требовать исключения участника стоит корпоративный конфликт в корпорации. Указанное утверждение можно считать правдивым, так как решение корпоративного конфликта – это одна из функций рассматриваемого института. Указанная позиция поддерживается рядом авторов. Например, Р.С. Маловицкий в своей работе пишет, что исключение участника корпорации является одним из способов решения конфликтов между участниками корпорации³³⁶.

Однако арбитражные суды заняли иную позицию в части реализации указанного института с целью разрешения конфликта в корпорации. Так в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08-

³³⁶См.: Маловицкий Р.С. Совместное предприятие в Российской Федерации: преимущества и недостатки создания с точки зрения корпоративного управления // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 2. С. 65-78.

6744/2022 от 01.08.2022 г. по делу № А63-13038/2020³³⁷ суд указал, что наличие корпоративного конфликта не может быть основанием для исключения участника из корпорации, равно как и сам институт не может быть использован для решения корпоративного конфликта. Данная позиция прослеживается и в других решениях, например, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08-13580/2022 от 12.01.2023 по делу № А20-1852/2022³³⁸, а также и в других регионах, что отражено в Постановлении ФАС Северо-Западного округа от 04.04.2012 по делу № А21-791/2011³³⁹ и Постановлении ФАС Уральского округа от 02.07.2014 № Ф09-4760/13 по делу № А60-33779/2012³⁴⁰.

Более того эту же позицию московские арбитражные суды. Так в Постановлении Арбитражного суда Московского округа № Ф05-18314/2021 от 02.08.2021 по делу № А40-78892/2020³⁴¹ суд рассмотрел требование Участника-1 об исключении Участника-2 из общества с ограниченной ответственностью. Сделать вывод о том, что требования Участника-1 необоснованные, а причиной всему был корпоративный конфликт, суду помог ряд следующих факторов. Прежде всего между участниками велись сторонние судебные разбирательства, в том числе в суде общей юрисдикции. Однако основной особенностью стало наличие у участников равных долей, что увеличивало риск невозможности принять единое решение, что привело бы к остановке хозяйственной

³³⁷ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08-6744/2022 от 01.08.2022 г. по делу № А63-13038/2020 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2024).

³³⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08-13580/2022 от 12.01.2023 по делу № А20-1852/2022. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

³³⁹ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 04.04.2012 по делу № А21-791/2011. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

³⁴⁰ Постановление ФАС Уральского округа от 02.07.2014 № Ф09-4760/13 по делу № А60-33779/2012. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

³⁴¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-18314/2021 от 02.08.2021 по делу № А40-78892/2020. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

деятельности общества. Участники имели друг к другу обоюдонаправленные претензии, связанные с управлением обществом. Указанные обстоятельства подтверждались принятыми судебными решениями по сторонним искам. Учитывая указанные обстоятельства, суд отметил, что в указанном деле исключение необоснованно и используется для решения корпоративного конфликта, что недопустимо.

Рассматриваемая позиция нашла поддержку в Постановлении ФАС Московского округа № Ф05-6646/2014 от 30.06.2014 по делу № А40-129836/13³⁴². Суд установил, что между сторонами был затяжной корпоративный конфликт, для разрешения которого не допускается использование изучаемого института.

С указанной позицией судов следует согласиться, так как существует вероятность возникновения конфликта между участниками, добросовестно исполняющими свои обязанности, а также в законном порядке реализуют свои права и обязанности на управление обществом, не причиняя ему вред и действуя в его интересах. «Не все предложения Пленума ВС РФ преследовали цель оптимизации правосудия без снижения уровня защиты прав отдельных субъектов правоотношений»³⁴³.

Приведем еще один пример из правоприменительной деятельности арбитражных судов. Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-6157/2022 от 20.02.2023 по делу № А58-8929/2021³⁴⁴ суд рассмотрел следующее: Участник-1 требовал исключения Участника-2, в связи с заключением последним договора купли-продажи нежилых помещений, так

³⁴² Постановление ФАС Московского округа № Ф05-6646/2014 от 30.06.2014 по делу № А40-129836/13. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

³⁴³ См. подробнее: *Андреева Т.К., Улетова Г.Д.* Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 251 - 291.

³⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-6157/2022 от 20.02.2023 по делу № А58-8929/2021. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

как полагал, что указанный договор заключен не в интересах общества. Оба участника обладали равными долями, что привело к появлению корпоративного конфликта. Исследовав доказательства и материалы дела, суд пришел к выводу о том, что указанные обстоятельства не являются основанием для исключения участника и в удовлетворении требований отказал.

Подобное дело было рассмотрено и в 2021 году. Согласно Постановлению Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-4439/2021 от 31.08.2021г. по делу № А33-29445/2020³⁴⁵ в суд обратилось два участника обладающие равными долями. Участник-1 требовал исключения Участника-2 в связи с подозрением Участника-1 о намеренном выводе Участником-2 активов общества. Аргументом указанного утверждения был факт невыплате, желаемой стоимости доли супруге Участника-1 из общества. На момент рассмотрения спора в Арбитражном суде Красноярского края находились сторонние иски от супруги Участника-1. Исследовав обстоятельства суд установил, что Участник-2 добросовестно выполняет свои обязательства и реализует свои права на участие в управлении обществом, а причиной возникновения судебного разбирательства является корпоративный конфликт.

Арбитражный суд Уральского округа рассмотрел дело, предмет которого составляет отдельную категорию злоупотребления, а именно назначение генерального директора и недоверия участников.

Согласно Постановлению Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-7799/22 от 01.11.2022 по делу № А60-5816/2022³⁴⁶ Участник-1 потребовал исключения Участника-2 в связи с неявкой на внеочередное общее собрание участников, что не позволило набрать необходимый для принятия решения

³⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-4439/2021 от 31.08.2021 г. по делу № А33-29445/2020. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2024).

³⁴⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-7799/22 от 01.11.2022 по делу № А60-5816/2022. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

кворум.

Участник-2 получал уведомления о проведении внеочередного общего собрания участников, однако к нему небыли приложены документы, содержащие информацию о повестке.

Представляется уместным привести из доктрины мнение А.Н. Левушкина, который указывает, что «конфликт интересов у менеджмента возникает, когда его деятельность подчинена не интересам компании, а значит, акционерам, а собственным и интересам аффилированных лиц»³⁴⁷.

Именно в ходе судебного разбирательства было установлено, что между участниками общества происходит корпоративный конфликт. Учитывая все обстоятельства суд отказа в удовлетворении требований об исключении Участника-2.

Подобное дело было рассмотрено в Арбитражном суде Восточно-Сибирского округа. Из Постановления Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-6157/2022 от 20.02.2023 по делу № А58-8929/2021³⁴⁸ следует, что Участник-1 обратился в суд с требованием об исключении Участника-2, так как действия последнего причиняют существенный вред обществу, в виде убытков и невозможности вести хозяйственную деятельность, путем совершения мошеннических действий. Исследовав материалы дела, суд установил, что доказательства, подтверждающие причинение Участником-2 вреда обществу или нарушение его обязанностей как участника, отсутствуют. В свою очередь само судебное разбирательство вызвано конфликтом между участниками.

В своих решениях и определениях суды неоднократно подчеркивали для участников корпоративных отношений, что исключение участника имеет четко

³⁴⁷ См. подробнее: *Левушкин А.Н.* Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168 - 174

³⁴⁸ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-6157/2022 от 20.02.2023 по делу № А58-8929/2021. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.10.2024).

определенные функции, задачи и цели. Акцентируя внимание на том факте, что множество лиц обращается в суд с абстрактными и надуманными мотивами, которые не могут быть основанием для исключения участника. Отсутствие основания для применения исключения участника и наличие корпоративного конфликта квалифицируется судом как злоупотребление истцом правом требовать принудительного прекращения участия.

Наглядно указанный подход демонстрируется в Постановлении Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-842/2023 от 03.04.2023 по делу № А08-74/2022³⁴⁹. Участник-1 требовал исключения Участника-2, в связи с нанесением последним вреда обществу. Суд в удовлетворении указанного требования отказа, так как между участниками был затяжной конфликт, вызванной недоверием участников друг к другу.

В своих судебных актах суды неоднократно прямо указывали, что решение корпоративных конфликтов путем принудительного прекращения участия в корпорации не допускается.

В ряде судебных актов в качестве решения конфликта участникам может быть предложено осуществить добровольный выход имущества и произвести раздел активов и имущества пропорционально долям или паям.

Безосновательное обращения в арбитражный суд является не единственной формой злоупотребления в институте принудительного прекращения участия в корпорации. Второй по численности формой злоупотребления в хозяйственной деятельности является попытка захвата реального контроля над корпорацией. Например, интересный случай подставлен в деле А58-11025/2018 Участник-1 и Участник-2 потребовали исключения Участника-3 так как последний, не оплатил долю в связи с чем доля была передана обществу, а Участник-3 утратил свой статус.

Однако, Участник-3 подал встречный иск, указав, что Участник-1,

³⁴⁹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-842/2023 от 03.04.2023 по делу № А08-74/2022. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

являющийся директором общества, делает невозможной хозяйственную деятельность общества. В обоснование своих требований Участник-3 предоставил документы, подтверждающие факт того, что за весь период своей деятельности, что составило более 8 лет, общество ни разу не предоставило в ФНС налоговую отчетность, выручка общества за весь период деятельности составила 0 рублей, налоги и сборы были уплачены в размере 0 рублей, более того у общества были заблокированы расчетные счета. не проводились ежегодные собрания участников, а задолженность по исполнительным производствам составляла более 670 тысяч рублей. Однако все исполнительные производства были прекращены, так как приставы не смогли найти должника, то есть само общество. Участник-3 неоднократно направлял в адрес общества уведомления о необходимости проведения общего собрания участников, на которые получил отказ от Участника-1. Из всего вышеперечисленного следовало, что деятельность общества не осуществляется полностью. Однако, в активах общества находилось здание, в центре города, что не повлияло на ведение участниками хозяйственной деятельности. В Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-3122/2020 от 21.09.2020г по делу № А58-11025/2018³⁵⁰. суд указал, что суды первой и второй инстанции отказали в удовлетворении как первоначальных, так и встречных требований, так как они необоснованные и имеют своей целью наращивание корпоративного контроля одного из участников в обществе.

Одним из часто используемых аргументов, которым апеллируют истцы, при подаче заявлений с требованием о принудительные прекращения участия в корпорации является одобрение и заключение различных договоров. Чаще всего – договоров займа.

Рассмотрим исключительное дело о принудительном прекращении участия в корпорации в связи с одобрением сделки.

³⁵⁰ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-3122/2020 от 21.09.2020г по делу № А58-11025/2018. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». 4– Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

В рамках дела № А32-52079/2019 Участник-1 обратился в суд с требованием об исключении Участника-2. Свои требования Участник-1 обосновал следующими обстоятельствами: Участник-2 принял участие в голосовании, проходившем в рамках общего собрания участников, в повестку дня которого входило выбор председателя общего собрания и ответственного за подсчет голосов, утверждение годового отчета, распределение годовой прибыли, назначение аудиторской проверки, а также изменение адреса местонахождения общества, возложение обязанности на генерального директора осуществить поиск соответствующего для этих целей помещения, признание целесообразным заключение договора уступки права требования по взысканию задолженности с третьих лиц, одобрить заключение вышеуказанного договора. За принятие указанных решений голосовали 76% процентов голосов. 24% не участвовали в голосовании, так как принадлежали отсутствующему по причине болезни Участнику-1. В результате указанного голосования было принято решение об одобрении заключения договора уступки права требования. Однако, Участник-1 его оспаривал в суде, так как считал, что ряд указанных вопросов, в том числе одобрение заключения договора цессии, не входит в компетенцию общего собрания участников. Указанный довод был обоснованно отклонен судом, а в признании решения общего собрания участников недействительным было отказано. Несмотря на это, учитывая тот факт, что Участник-2 голосовал «за» по вопросу об одобрении договора цессии, Участник-1 посчитал, что Участник-2 причинил вред обществу с ограниченной ответственностью, а голос Участника-2 был решающим. Однако указанный факт также был опровергнут в ходе судебного заседания. Так как Участник-2 обладал 24% уставного капитала. Таким образом совокупность голосов «за» остальных участников является достаточной для принятия вышеуказанных решений. Более того своими действиями Участник-2 реализовал свои конституционные и гражданские права, а именно право на свободу мысли и слова, а также на участие в управлении обществом. Более того,

факт наступления негативных последствий в результате заключения договора цессии не был доказан в рамках судебного, на что суд обратил внимание, равно как и на факт того, что сделки такого вида характерны для хозяйственной деятельности указанного общества. Учитывая все вышесказанное, отказ суда в удовлетворении требований Учатника-1 является обоснованным.

В ходе анализа судебной практики была выявлена одна из форм злоупотребления: миноритарии требуют исключения мажоритария, как основного инвестора, с целью единоличного получения прибыли. В Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2017 № 09АП-15032/2017 по делу № А40-187255/2016³⁵¹ суд прямо указал, что истец допустил злоупотребление своими правами путем инициирования процедуры принудительного прекращения участия мажоритарного участника общества. Рассмотрим указанное дело подробнее. Участник-1, доля в уставном капитале, которого, составляла 20 %, обратился в арбитражный суд с требованием об исключении Участника-2, владеющего 80% уставного капитала. Истец стал участником общества на основании решения единственного участника общества. Наступление каких-либо негативных последствий или блокировка хозяйственной деятельности общества в результате действий или бездействий Участника-2 в ходе судебных заседаний доказано не было. Участник-1 апеллировал фактом неявки Учатника-2 неявкой на ряд общих собраний участников, что само по себе не является основанием для принудительного прекращения участия в обществе. Какие-либо иные основания и подтверждающие их доказательства суду представлены небыли.

Более того суд обратил внимание, что Участник-1 являлся генеральным директором, что делало его полномочия как участника и как единоличного исполнительного органа неограниченными. Указанные обстоятельства позволяют Учатнику-1 реализовывать правоспособность общества в полном

³⁵¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2017 № 09АП-15032/2017 по делу № А40-187255/2016. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2024).

объеме.

Суд отказал в удовлетворении требований Участника-1, учитывая все вышеуказанные обстоятельства, а также обратил внимание, что причиной судебного разбирательства является не защита прав, а затяжной корпоративный конфликт.

Указанный прецедент подчеркнул, что восприятие судами миноритариев как слабой и незащищенной стороны недопустимо, равно как и восприятие прямой зависимости между размером доли сторон судебного разбирательства и обоснованностью заявленных требований. Это обусловлено проявленной возможностью миноритариев злоупотреблять своим правом и предпринимать попытки исключить добросовестного мажоритария. Разрозненные подходы к восприятию споров между мажоритарными и миноритарными участниками не только не способствуют достижению объективного баланса, но и создают почву для повторных злоупотреблений. Исключение таких факторов и разработка единой позиции позволят не только сократить число судебных разбирательств, но и повысить число справедливых решений при рассмотрении судебных дел о принудительном прекращении участия в корпорации.

Однако такие прецеденты снижают видимый уровень безопасности инвесторов, а также степень их заинтересованности в инвестировании в хозяйственную деятельность на территории Российской Федерации в целом. Таким образом на арбитражный суд возложена обязанность по защите добросовестных предпринимателей и пресечение злоупотребления правом недобросовестными лицами.

В большинстве случаев суды сохраняют объективность, не принимая во внимание обоснования недобросовестных лиц, и успешно идентифицируют злоупотребление в различных его проявлениях.

Так в Постановлении Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-

25283/2022 от 11.11.2022 по делу № А06-1529/2021³⁵² суд надлежащим образом исследовал все обстоятельства по делу, что позволило установить факт злоупотребления правом и принять объективное и справедливое решение.

Участник-1 обратился в суд с требованием об исключении Участника-2. Свои требования истец обосновал систематической неявкой на ряд общих собраний участников без уважительных причин, что является нарушением обязанностей ответчика, как участника общества. Ответчик сообщил, что активное участие в деятельности общества он принимал, а также в ходе общих собраний участников выступал с предложениями, которые не находили поддержки у Участника-1. Более того Участник-2 выступил со встречным иском к Участнику-1, в рамках которого требовал признать долю Участника-1 неоплаченной и исключить его из состава участников. В качестве основания для указанного выступало отсутствие у Участника-1 доказательств об оплате указанной доли. Общество, участвующее как третье лицо, не заявляющее самостоятельные требования, встало на сторону Участника-1, подтвердив, что Участник-2 не участвует в общих собраниях участников, а доля Участника-2 полностью оплачена.

Суд первой инстанции мотивировал свой отказ Участнику-1 отсутствием доказательств о надлежащем уведомлении о месте и времени проведения общего собрания, а также о повестке самого собрания. Участнику-2 отказали в удовлетворении встречных требований так как в связи со спецификой создания общества у Участника-1 отсутствовала обязанность оплачивать долю в уставном капитале. Указанная позиция устояла как в апелляционном, так и в кассационном суде, указав что обе стороны злоупотребляют своим правом требовать исключения участника с целью разрешения сложившегося между ними конфликта и увеличения индивидуального контроля.

По результатам исследования судебной практики можно отметить, что

³⁵² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-25283/2022 от 11.11.2022 по делу № А06-1529/2021. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 23.08.2024).

положительная тенденция при рассмотрении споров об исключении участника корпорации, возникшая пять лет назад, сохраняется. Суды не ограничиваются формальным подходом к рассмотрению дел, так как он не позволяет вынести справедливое и объективное решение. Напротив, имеет место детальное исследование каждого спора индивидуально, что усложняет и затягивает процесс, однако крайне необходимо в современных реалиях.

В науке обоснованно определено, что «установление баланса интересов наследников, пережившего супруга, коммерческой корпорации и ее участников (членов) представляется возможным при рациональном использовании преимуществ семейного предпринимательства и инструментов наследственного планирования»³⁵³.

Полагаем, что судебным инстанциям необходимо систематизировать и дать оценку наиболее частым и распространенным злоупотреблениям, что позволит снизить нагрузку на судебные органы и ускорит процесс принятия решений. Указанные действия также позволят снизить число и самих злоупотреблений со стороны истцов, что несомненно к положительной динамике³⁵⁴.

Однако учитывая частоту и актуальность озвученной проблемы, подтвержденной практикой, считаем целесообразным выделить общие рекомендательные способы превентивной самозащиты добросовестных участников.

Одним из частых оснований для исключения участникам, исполняющим обязанность единоличного исполнительного органа, вменяется совершение сделки не в интересах общества или нанесшей ему вред. Превентивным решением указанного вопроса может выступать только одобрение указанной

³⁵³ См. подробнее: *Зайтулаева Т.М.* Положение пережившего супруга при наследовании прав, связанных с участием в коммерческой корпорации // *Наследственное право.* 2024. № 2. С. 20 - 23.

³⁵⁴ См.: *Абдулкадиров Т.* Миноритарный активизм как недобросовестный способ реализации прав акционера // *Вестник арбитражной практики.* 2018. № 3 (76). С. 29-35.

сделки на общем собрании участников, что сложно реализуемо.

Также частым основанием для исключения участника, которое используется при исключении, является отсутствие на общем собрании участников без уважительной причины. Решением в указанной ситуации может стать «дистанционное» участие или представитель по доверенности.

Альтернативой представительству может стать дистанционное присутствие, под которым законодатель понимает использование электронных либо иных технических средств, обеспечивающих присутствие лица, в случаях, предусмотренных единогласным решением участников или уставом корпорации. Обязательным условием, позволяющим использовать цифровые технологии в ходе общего собрания участников, является возможность достоверного определения установить личность лица, а также обеспечение его возможности принимать участие в заседании и голосовать.

Нововведенная возможность дистанционного участия показала высокую эффективность с 2021 года. Однако, необходимо упомянуть, что среди населения Российской Федерации наблюдается высокий уровень цифровой неграмотности, умения взаимодействовать и использовать технические средства коммуникационной связи, а также обеспечения личной цифровой информации.

В 2020 году доля уверенных пользователей цифровой среды составлял 27%. К 2022 году указанный показатель вырос всего на 2% и составил 29%. Доля пользователей, имеющих средние знания в сфере цифрового поля, в 2020 году – 66%, а в 2022 – 69%. Положительная динамика наблюдается в снижении количества лиц, плохо ориентирующихся в технологиях, с 7% до 2%. Уровень общей цифровой грамотности в 2022 году составил 71%. В 2018 году указанный показатель составил 51%³⁵⁵.

Согласно сведениям международного индекса сетевой готовности,

³⁵⁵ Аналитический центра НАФИ [Электронный ресурс]: инф. служба – 2023. - Режим доступа: <http://www.nafi.ru>, свободный. – Загл. с экрана.

который представляет комплексный показатель, отражающий уровень развития информационно-коммуникационных технологий и сетевой экономики в мире, Российская Федерация занимает 40-е место с индексом 59,54.³⁵⁶

Закрепление возможности участия в общем собрании является острой необходимостью в современных реалиях, начиная с пандемии COVID-2019, парализовавшего хозяйственную деятельность множества корпораций, до настоящего времени, а также позволит избежать злоупотребления правом требования принудительного прекращения участника в корпорации в случае невозможности обеспечения личного присутствия.

В ряде случаев эффективным средством превентивной самозащиты может стать самостоятельный контроль за достоверностью сведений, содержащихся у корпорации об участнике. Особое внимание следует уделить адресу направления почтовой корреспонденции.

Из всего вышесказанного следует, что единственным законодательно закрепленным способом самозащиты добросовестным участником своих интересов в случае его неправомерного исключения является обращение суд. Какие-либо превентивные меры и действия, позволяющие избежать возникновения указанного вида злоупотребления правом, фактически и их разработка — это индивидуальная ответственность каждого участника. Однако законодательное закрепление внесудебных способов самозащиты и методов превентивной работы со злоупотреблением правом в исследуемой области позволило бы существенно сократить нагрузку на судебные органы, а также повысить уровень правовой ответственности и самостоятельности у предпринимателей.

По итогам установления злоупотребления правом при принудительном прекращении участия в корпорации определим основные выводы.

³⁵⁶ Portulans institute [Электронный ресурс]: инф. служба – 2023. - Режим доступа: <https://networkreadinessindex.org/country/russian-federation/>

1. Под злоупотреблением правом понимается реализация права вне его задачи, то есть совершение деяния против законодательства, закрепляющего право требования исключения, а также реализация указанного права не в интересах корпорации и ее участников. Злоупотреблением правом является намеренное действие, которое подразумевает использование института в достижении личных целей и интересов. Судебная практика также содержит признаки злоупотребления правом в части принудительного прекращения участия в корпорации.

Отсутствие четких оснований для исключения участника создает возможность для использования изучаемого института против добросовестного участника.

2. Оценивая обстоятельства, повлекшие за собой необходимость исключения участника, отсутствие оснований для применения указанной санкции, мотивы лица, обратившегося в суд и избравшего данный механизм, можно сделать закономерный вывод, что за злоупотреблением правом требовать исключения участника стоит корпоративный конфликт в корпорации. Указанное утверждение можно считать оправданным, так как решение корпоративного конфликта – это одна из функций рассматриваемого института.

3. Определено, что безосновательное обращение в арбитражный суд является не единственной формой злоупотребления в институте принудительного прекращения участия в корпорации. Второй по численности формой злоупотребления в хозяйственной деятельности является попытка захвата реального контроля над корпорацией.

4. Установлено, что восприятие судами миноритариев как слабой и незащищенной стороны недопустимо, равно как и восприятие прямой зависимости между размером доли сторон судебного разбирательства и обоснованностью заявленных требований. Это обусловлено проявленной возможностью миноритариев злоупотреблять своим правом и предпринимать

попытки исключить добросовестного мажоритария. Разрозненные подходы к восприятию споров между мажоритарными и миноритарными участниками не только не способствуют достижению объективного баланса, но и создают почву для повторных злоупотреблений. Исключение таких факторов и разработка единой позиции позволят не только сократить число судебных разбирательств, но и повысить число справедливых решений при рассмотрении судебных дел о принудительном прекращении участия в корпорации.

5. По результатам исследования судебной практики можно отметить, что положительная тенденция при рассмотрении споров об исключении участника корпорации, возникшая пять лет назад, сохраняется. Суды не ограничиваются формальным подходом к рассмотрению дел, так как он не позволяет вынести справедливое и объективное решение. Напротив, имеет место детальное исследование каждого спора индивидуально, что усложняет и затягивает процесс, однако крайне необходимо в современных реалиях.

6. Из всего вышесказанного следует, что единственным законодательно закрепленным способом защиты добросовестным участником своих интересов в случае его неправомерного исключения является обращение суд. Какие-либо превентивные меры и действия, позволяющие избежать возникновения указанного вида злоупотребления правом, фактически и их разработка — это индивидуальная ответственность каждого участника. Однако законодательное закрепление внесудебных способов самозащиты и методов превентивной работы со злоупотреблением правом в исследуемой области позволило бы существенно сократить нагрузку на судебные органы, а также повысить уровень правовой ответственности и самостоятельности у предпринимателей.

§ 4. Недобросовестное поведение и злоупотребление правом при эмиссии, обращении и учете корпоративных ценных бумаг

«Современная разнонаправленная динамичность мирового рынка ценных бумаг, новые витки экономического прогресса держат в тонусе и российский фондовый рынок»³⁵⁷. Как установлено в науке «стабильное функционирование и развитие экономики напрямую связано с развитостью финансового рынка и характером поведения инвесторов на нем, а гражданско-правовые средства направлены на обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг»³⁵⁸.

При эмиссии ценных бумаг, к сожалению, нередко возникают вопросы защиты прав владельцев от недобросовестного поведения и злоупотребления корпоративным правом. Понятие эмиссионных ценных бумаг приведено в ст. 2 Федерального закона от 22.04.1996 №39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»³⁵⁹. Эмиссионные ценные бумаги - любые ценные бумаги, которые характеризуются одновременно следующими признаками:

- закрепляют совокупность имущественных и неимущественных прав, подлежащих удостоверению, уступке и безусловному осуществлению с соблюдением установленных законом формы и порядка;
- размещаются выпусками или дополнительными выпусками;
- имеют равные объем и сроки осуществления прав внутри одного выпуска независимо от времени приобретения ценных бумаг.

³⁵⁷ Доронина Н.Г., Семилютин Н.Г., Цирина М.А. Современные проблемы корпоративного права в трансграничных отношениях // Международное публичное и частное право. 2023. № 4. С. 10.

³⁵⁸ Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 30.

³⁵⁹ Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Российская газета. – 1996. - № 68.

Лишь при совокупном наличии всех трех данных признаков ценная бумага приобретает характер эмиссионной. В свою очередь выпуск эмиссионных ценных бумаг это - совокупность всех ценных бумаг одного эмитента, предоставляющих равные объем и сроки осуществления прав их владельцам и имеющих одинаковую номинальную стоимость в случаях, если наличие номинальной стоимости предусмотрено законодательством Российской Федерации.

«Верховный Суд РФ, игнорируя концепцию нетрадиционных объектов права собственности, подчеркивает необходимость учитывать особую корпоративную природу акций, тем самым акцентируя внимание на корпоративной природе возникающих у акционерного общества прав»³⁶⁰. Выпуск эмиссионных ценных бумаг, как следует из самого названия, носит массовый характер. Решение о выпуске принимает эмитент, который определяет содержание и характер прав, воплощенных в каждой из множества одинаковых ценных бумаг, которые предполагается выпустить.

Но само по себе решение о выпуске ценных бумаг не порождает ценную бумагу. Прежде чем такая ценная бумага будет размещена - перейдет к первому владельцу, а далее поступит в обращение, - необходимо пройти сложную процедуру эмиссии, которая носит элементы публично-правового характера.

Выпуск эмиссионных ценных бумаг поставлен под жесткий государственный контроль и осложнен многочисленными формальностями:

- особый порядок принятия решения о размещении эмиссионных ценных бумаг;
- государственная регистрация выпуска ценных бумаг;
- необходимость регистрации проспекта ценных бумаг;
- раскрытие информации;

³⁶⁰ Мельникова Т.В., Машарова Ю.Ц., Шаляева Ю.В. К вопросу о правовой природе бездокументарных ценных бумаг // Гражданское право. 2024. № 5. С. 21.

– регистрация отчета об итогах выпуска³⁶¹.

К важной характеристике именных эмиссионных ценных бумаг можем отнести то обстоятельство, что содержание удостоверяемых ими прав и их принадлежность (относимость) закрепляются в различных документах. В то же время как в традиционной документарной ценной бумаге эти сведения обязательно хранятся в одном документе, а именно, в самой бумаге.

Из этого следует, что необходимость устанавливать строгие требования к форме эмиссионных ценных бумаг отсутствует. В этом их отличие от документарных ценных бумаг. Очевидно, что фальсифицирование эмиссионной ценной бумаги в том смысле, как это можно произвести применительно к документарным ценным бумагам, невозможно. В этой ситуации возможно лишь противоправно изменить ее принадлежность, при этом, сохранив неизменной совокупность предоставляемых ею прав³⁶².

Как отмечают многочисленные исследователи³⁶³, существенным положением в процедуре эмиссии ценных бумаг обладает административный способ защиты прав лиц, являющихся инвесторами. Такая позиция отслеживается в законодательстве, соответственно, административные методы должны преобладать и на практике.

Правовым основанием, влекущим возможность инвестора применять те или иные способы защиты прав, является недобросовестная эмиссия ценных бумаг. Юридическое определение понятия «недобросовестная эмиссия» содержится в ст. 26 ФЗ «О рынке ценных бумаг».

В соответствии с указанной статьей, эмиссия ценных бумаг может быть приостановлена на любом этапе процедуры эмиссии до государственной

³⁶¹ Сироткина Е.Л. К вопросу о правовой и финансовой сущности эмиссии ценных бумаг // Вестник Тамбовского университета. 2022. № 6. С. 114.

³⁶² Захаров А.Н. Эмиссионные ценные бумаги: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 4. С. 167.

³⁶³ Например, Фролкина Е.Н. Правовое регулирование защиты прав инвесторов в процессе эмиссии ценных бумаг // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 5. С. 122; Морозов М.Н. Недобросовестная эмиссия ценных бумаг // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 3. С. 59.

регистрации отчета об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, а в случае, если процедурой эмиссии ценных бумаг не предусматривается государственная регистрация отчета об итогах их выпуска (дополнительного выпуска), до начала размещения эмиссионных ценных бумаг при обнаружении:

- нарушения эмитентом в ходе эмиссии требований законодательства Российской Федерации о ценных бумагах;
- недостоверной или вводящей в заблуждение информации в документах, на основании которых была осуществлена регистрация выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг, и (или) документах, представленных для государственной регистрации отчета об итогах выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг.

Из содержания указанной нормы следует, что недобросовестной эмиссией ценных бумаг признаются действия, выражающиеся в нарушении установленной законом процедуры эмиссии. В науке обоснованно определено, что основная задача привлечения средств для ведения предпринимательской деятельности из капитала как можно большего числа инвесторов и расширения горизонтов деятельности корпораций не реализуется на практике³⁶⁴.

Эмиссия, как известно, жестко регламентированная на законодательном уровне процедура. Все ее этапы представляют в совокупности логическую последовательность, и, очевидно, допускаемые нарушения последовательности эмиссии являются существенным поводом для признания ее недобросовестной.

Столь строгое отношение законодательства к эмиссии ценных бумаг обусловлено стремлением законодателя оградить рынок от множества негативных тенденций, которые возникли в России в 90-е годы прошлого столетия при ситуации перехода к рыночной экономике, недобросовестности

³⁶⁴ См. подробнее: *Самигулина А.В.* Гражданско-правовая защита прав инвесторов в процессе эмиссии и обращения ценных бумаг // *Вестник арбитражной практики.* 2021. № 1. С. 45 - 53

значительного числа участников рынка и недостаточной финансово-правовой грамотности населения.

Именно «пустые» акционерные общества, которые в произвольном, никем не контролируемом количестве эмитировали ничем не обеспеченные акции, обусловили ужесточение административного порядка надзора за эмиссией ценных бумаг.

При наличии признаков недобросовестной эмиссии ценных бумаг регистрирующий орган вправе принять одно из следующих решений:

- отказать в государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг;
- приостановить эмиссию эмиссионных ценных бумаг;
- признать выпуск эмиссионных ценных бумаг несостоявшимся;
- предъявить в арбитражный суд иск о признании выпуска ценных бумаг недействительным.

Основания для отказа в государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг регистрирующим органом установлены ФЗ «О рынке ценных бумаг».

К ним, в частности, относятся: несоответствие документов, представленных для государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг или регистрации проспекта ценных бумаг, и состава содержащихся в них сведений установленным нормативными правовыми актами требованиям; непредставление в течение тридцати дней по запросу регистрирующего органа всех документов, необходимых для государственной регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг или регистрации проспекта ценных бумаг и др.

Соответственно, законодатель явно отдает предпочтение административно-правовым формам защиты прав владельцев корпоративных ценных бумаг при их эмиссии. Здесь, безусловно, следует отметить существенный пробел (изъясн) в законодательстве, связанный с тем, что защита

прав владельца эмиссионной корпоративной ценной бумаги практически полностью зависит от эффективности деятельности соответствующего административного аппарата, в первую очередь регулятора в сфере оборота ценных бумаг – Банка России.

Иначе говоря, защита прав владельца ценной бумаги зачастую зависит от компетентности и добросовестности конкретного работника органа административной власти, недопустимости злоупотребления корпоративным правом.

Очевидно, что параллельно с административными мерами необходимо развивать и специальные гражданско-правовые и корпоративные, которые позволят владельцу ценной бумаги обеспечивать свои права самостоятельно, в судебном порядке, при этом здесь крайне востребованы принципиально новые правовые механизмы, позволяющие суду оперативно реагировать на ходатайство заявителя (истца) о принятии обеспечительных мер, например, о приостановлении эмиссии ценных бумаг, до рассмотрения дела по существу.

В рамках защиты прав владельцев корпоративных ценных бумаг важную роль, как представляется, может сыграть корпоративный договор, поскольку таким договором могут быть определены порядок и пределы реализации прав владельцев корпоративных ценных бумаг. Кроме того, корпоративным договором могут быть установлены ограничения на дополнительные эмиссии ценных бумаг корпорации, что также значимо для держателей ранее выпущенных акций или иных бумаг.

При этом следует принимать во внимание и возможное злоупотребление правом требовать приостановления эмиссии ценных бумаг в судебном порядке, соответственно, здесь необходима процедура применения обеспечительных мер, несколько отличающаяся от имеющихся, - суд при получении искового заявления с требованием о принятии обеспечительных мер в виде приостановления эмиссии ценных бумаг (отказа в государственной регистрации их выпуска) незамедлительно направляет административному

регулятору (в Банк России) запрос о возможном наличии нарушений при эмиссии и также в кратчайшие сроки (здесь вся коммуникация должна осуществляться, безусловно, в электронном виде) получает предварительное заключение Банка России, на основании чего и применяет обеспечительные меры или отказывает в таковых. Далее дело уже рассматривается по существу, при этом целесообразно установить сокращенные сроки для рассмотрения таких дел.

Кроме того, говоря о проблематике защиты прав владельцев корпоративных ценных бумаг следует учитывать важное обстоятельство – такие ценные бумаги обеспечивают не только получение прибыли посредством оперирования такими бумагами, но и доступ к управлению коммерческой корпорацией.

Соответственно, например, нередко дополнительная эмиссия ценных бумаг акционерного общества с одновременным увеличением его уставного капитала выступает не средством оптимизации и развития его предпринимательской деятельности, а механизмом «корпоративного захвата», когда в результате сговора большей части акционеров принимается решение об увеличении уставного капитала АО, производится дополнительная эмиссия акций, далее такие акции различными путями приобретаются этой частью акционеров, соответственно, «управленческая» доля других акционеров в общем объеме выпущенных обществом акций уменьшается. На первый взгляд, такие действия в целом законны, поскольку осуществляются в рамках воли «большинства», однако судебная практика выработала несколько иную позицию – так, например, постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда³⁶⁵ отменены решения судов нижестоящих инстанций и признаны недействительными:

³⁶⁵ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 мая 2022 г. по делу № А32-1379/2021 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/TF4jgrJpsaml/>

- решение внеочередного общего собрания акционеров АО «Краснодаркурортпроект» об увеличении уставного капитала путем размещения дополнительных обыкновенных акций по закрытой подписке в количестве 10 000 штук;
- решение Совета директоров АО «Краснодаркурортпроект» об утверждении решения о дополнительном выпуске ценных бумаг;
- дополнительный выпуск ценных бумаг АО «Краснодаркурортпроект» (выпуск оказался аннулированным);
- сделка по размещению АО «Краснодаркурортпроект» дополнительного выпуска акций.

В решении суда указано следующее: в связи с отсутствием экономических обоснований, констатирующих увеличение уставного капитала, необходимо признать, что дополнительный выпуск акций направлен в действительности не на привлечение средств, а на установление одним лицом корпоративного контроля над обществом; лица, участвующие в деле, доказательства целесообразности дополнительной эмиссии не предоставили.

Иначе говоря, здесь суд определенным образом «вторгся» в вопросы управления обществом и самостоятельно оценил, была ли дополнительная эмиссия акций обоснована экономически, или же преследовала цель в виде корпоративного захвата, соответственно, такое «вторжение» было обусловлено необходимостью обеспечения прав иных акционеров, которые фактически утратили корпоративный контроль в результате необоснованной дополнительной эмиссии акций.

Из этого следует важный вывод, что государство в лице административных органов вправе отойти от принципа свободы экономических действий и признать эмиссию незаконной не только в случае нарушения формальных процедур, но и при нарушениях экономического характера, которые, безусловно, явными будут далеко не всегда, в отличие от формальных процедурных нарушений.

Очевидно, что решение об экономической целесообразности или же, наоборот, необоснованности эмиссии в любом случае будет носить оценочный характер, иными словами, если говорить о приведенном выше примере из судебной практики, необязательно, что решение АО «Краснодаркурортпроект» об эмиссии было в корне недобросовестным, возможно, субъекты, принимавшие решение об эмиссии, неверно оценили экономическую составляющую, соответственно, их ошибку признал суд по иску заинтересованных лиц.

Безусловно, такой порядок создает определенные условия для административных злоупотреблений, однако объективно он направлен на обеспечение экономических интересов участников рынка ценных бумаг, на предупреждение эмиссии необеспеченных акций.

В рамках исследования выявлены две проблемы обеспечения прав владельцев корпоративных ценных бумаг при их эмиссии, в том числе дополнительной.

1. Слабое развитие гражданско-правовых и корпоративных механизмов защиты владельцев ценных бумаг. Для решения данной проблемы необходимо совершенствование арбитражно-процессуальных норм, а именно: владелец ценной бумаги, который полагает, что его права и законные интересы нарушены при эмиссии, вправе обратиться в суд, требуя одновременно принятия незамедлительных обеспечительных мер в виде приостановления эмиссии ценных бумаг (отказа в государственной регистрации их выпуска). Суд, получив такое заявление, незамедлительно направляет административному регулятору (в Банк России) запрос о возможном наличии нарушений при эмиссии и также в кратчайшие сроки (здесь вся коммуникация должна осуществляться, безусловно, в электронном виде) получает предварительное заключение Банка России, на основании чего и применяет обеспечительные меры или отказывает в таковых. Далее дело уже

рассматривается по существу, при этом целесообразно установить сокращенные сроки для рассмотрения таких дел.

2. Использование дополнительной эмиссии корпоративных ценных бумаг (акций акционерного общества) как способа корпоративного захвата, т.е. получение контроля над обществом со стороны лица, завладевшего дополнительно выпущенными акциями. Здесь недопустимо придерживаться позиции, что дополнительная эмиссия – сугубо внутреннее дело акционерного общества. В случае, если в суд обращаются акционеры, полагающие, что дополнительная эмиссия нарушила их права и фактически привела к отстранению от управления обществом, суду необходимо определить, имелось ли объективное экономическое обоснование дополнительной эмиссии, при отсутствии такового ее следует рассматривать как способ корпоративного захвата и признавать недействительной.

После того, как корпоративные ценные бумаги эмитированы, они становятся предметом гражданского оборота и вовлечены в корпоративные отношения, и здесь также существуют определенные проблемы, недобросовестное поведение и злоупотребление корпоративным правом, которые нередко связаны с противостоянием мажоритарных и миноритарных владельцев таких бумаг, в частности, облигаций.

Следует отметить, что введение в 2014 году в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» таких институтов, как представитель владельцев облигаций и общее собрание владельцев облигаций, обозначило новый вектор развития правоотношений, связанных с приобретением облигаций и исполнением обязательств по ним³⁶⁶.

Институт представительства интересов держателей корпоративных ценных бумаг решил сложную проблему, связанную с диалогом между эмитентом ценных бумаг и держателями таких бумаг.

³⁶⁶ Анисимов А.Н. К вопросу об обеспечении прав владельцев облигаций // Территория науки. 2019. № 7. С. 218.

Такой диалог особенно востребован в случае, если у эмитента возникают определенные финансовые затруднения, которые не позволяют ему в полном объеме и в требуемый срок удовлетворить имущественные интересы держателей ценных бумаг.

В данной ситуации существовали две крайности – или держатель ценной бумаги, не предъявляя никаких претензий, ожидал стабилизации финансового положения эмитента и исполнения всех обязательств, или же инициировал процедуру судебного разбирательства, найти какой-либо общий знаменатель между интересами сторон представлялось затруднительным, в том числе по причине крайне сложной организационной конструкции возможных переговоров, в рамках которых эмитенту было крайне сложно взаимодействовать со множеством держателей ценных бумаг, особенно миноритарных.

Представительство же решило проблему учета и единого выражения интересов значительного числа держателей ценных бумаг, дало возможность вести конструктивный диалог о, например, реструктуризации обязательств эмитента и др.

При этом отмечается, что в практике распространены случаи ущемления интересов части кредиторов одного заемщика, что приводит к игнорированию их интересов при проведении собраний держателей ценных бумаг, кроме того, встречаются представители, которые не обладают должным уровнем профессионализма, допускают недобросовестное поведение³⁶⁷.

Основными способами, посредством которых стабилизируется финансовое положение эмитента облигаций, выступают изменения основных атрибутов решения о выпуске облигаций, влекущие трансформацию его (эмитента) обязательств, в первую очередь это решение об изменении даты и размера платежей, кроме того, эмитент может заменить обязательства,

³⁶⁷ См.: Лушникова Т.Д. Проблемы гражданского оборота облигаций // Вестник науки. 2020. № 2. С. 322.

предусмотренные ценными бумагами, на иные, исполнение которых возможно в сложившихся финансовых условиях и в перспективе. При этом, безусловно, все такие решения не могут быть приняты в одностороннем порядке и являются результатом переговоров эмитента и держателей его ценных бумаг.

В настоящее время востребованы механизмы защиты прав миноритарных владельцев корпоративных ценных бумаг при различных конфликтных ситуациях, например, при реструктуризации обязательств по облигациям. При этом следует учитывать, что существующий механизм, согласно которому все решения о реструктуризации на общем собрании владельцев облигаций принимаются квалифицированным большинством, а не единогласно, в целом справедлив и обоснован, соответственно, его менять не следует.

Представляется, что здесь можно предложить механизм, в рамках которого права миноритарных держателей облигаций будут обеспечиваться в административном порядке, когда по их заявлению для принятия решения о реструктуризации обязательств эмитента потребуется проведение проверки со стороны регулятора (Банка России) на предмет выявления возможных признаков недобросовестности при реструктуризации (например, стремления отсрочить исполнение обязательств и далее объявить о банкротстве и др.).

Еще одной проблемой обеспечения прав владельцев корпоративных ценных бумаг в рамках их обращения на рынке является т.н. «двойная продажа», когда ценные бумаги сначала продаются одному субъекту, однако внесение соответствующей записи в реестр не производится в силу отсутствия необходимых атрибутов в передаточном распоряжении, после чего ценные бумаги реализуются другому субъекту.

Здесь, по сути, после первой продажи получается ситуация, при которой правовой режим ценных бумаг является спорным – с одной стороны, эмитент совершил сделку по их отчуждению, с другой стороны, в силу изъянов передаточного распоряжения, сведения о новых держателях в реестр не вносятся. Как правило, при второй продаже таких ценных бумаг

недобросовестные эмитенты привлекают связанных с ними граждан или организации³⁶⁸.

В рамках обращения корпоративных ценных бумаг можно отметить следующие ситуации недобросовестного поведения, требующие решения:

1) Сговор мажоритарных владельцев облигаций с эмитентом этих облигаций и принятие решения о реструктуризации обязательств эмитента без учета интересов миноритарных владельцев, которые выступают экономически и юридически слабыми участниками исследуемых правоотношений. Права миноритарных держателей облигаций должны обеспечиваться в административном порядке, когда по их заявлению для принятия решения о реструктуризации обязательств эмитента потребуется проведение проверки со стороны регулятора (Банка России) на предмет выявления возможных признаков недобросовестности при реструктуризации (например, стремления отсрочить исполнение обязательств и далее объявить о банкротстве и др.).

2) Проблема «двойной продажи» корпоративных ценных бумаг (распространена в отношении акций), когда до внесения в реестр акционеров записи о переходе права собственности на акции эти акции продаются аффилированному с продавцом лицу. Здесь судам необходимо защищать нарушенные права покупателей акций в ситуации, которая прямо не подпадает под мнимую сделку, однако со стороны продавца явно наблюдается недобросовестное поведение.

Существенной проблематикой характеризуется и сфера учета прав на ценные бумаги. Здесь следует понимать, что без надлежащего учета прав владельцы ценных бумаг фактически не могут реализовать свой интерес, связанный с этими бумагами, поскольку регистрация права в случае, если она является обязательной, играет роль удостоверительного инструмента, который позволяет связать владельца ценной бумаги с правом, которое такая бумага

³⁶⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ № 310-ЭС20-2781 от 20 августа 2020 года // <https://kad.arbitr.ru/>

предоставляет, соответственно, невнесение в реестр сведений о держателе акций или иных ценных бумаг, необоснованное исключение таких сведений и иные нарушения влекут невозможность реализации прав владельцев.

В частности, такая проблематика связана с обеспечением прав лиц, унаследовавших акции в случае, если их эмитент был реорганизован и, соответственно, акции конвертированы в акции новой компании. В таком случае возникают проблемы внесения сведений о наследнике как новом владельце акций в соответствующий реестр, держатель которого, даже несмотря на наличие у владельца всех необходимых правоустанавливающих документов, не может самостоятельно внести в реестр сведения по причине упоминавшейся выше реорганизации акционерного общества.

Разрешение данной ситуации возможно только в случае обращения наследника в суд с соответствующим требованием (о внесении сведений в реестр).

Очевидно, инвестор окажется в невыгодном положении, если сравнивать с субъектом, который предъявил такой иск в силу незаконного отказа во внесении записи в реестр о переходе права собственности на акции. Такая ситуация должна быть сочтена в качестве недопустимой.

В связи с этим М.Г. Холкина обращает внимание на проблему исполнения решения суда о включении субъекта в реестр «задним числом», зачастую это попросту невозможно, и предлагает рассматривать внесение записи в реестр в текущий момент как обеспечительную меру, принимаемую судом до рассмотрения иска по существу³⁶⁹.

Действительно, судебное разбирательство может происходить в течение длительного срока, особенно если одна из сторон, заинтересованная в максимальном затягивании разбирательства, будет злоупотреблять своими процессуальными правами и препятствовать рассмотрению дела.

³⁶⁹ Холкина М.Г. Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг. Автореферат дисс. канд. юр. наук. – Владивосток, 2009. С. 13.

Решение суда по гражданскому делу вступает в силу спустя месяц после его вынесения, в случае же подачи апелляционной жалобы законную силу решение суда приобретет еще спустя несколько месяцев, после рассмотрения жалобы вышестоящим судом.

Соответственно, момент, когда пострадавшая сторона может получить реальное удовлетворение своих интересов, может быть отодвинут от момента подачи искового заявления на длительный срок, вплоть до 5-7 месяцев.

Соответственно, предлагаемая М.Г. Холкиной обеспечительная мера справедлива, разумна и эффективна. Вместе с тем, безусловно в случае, если в удовлетворении искового заявления в конечном итоге будет отказано, ответчик, чьи права и законные интересы будут нарушены вследствие обеспечительной меры, получает право истребовать от истца компенсацию всех понесенных убытков.

Кроме того, при рассмотрении вопроса о применении обеспечительной меры суды должны предварительно оценивать обоснованность исковых требований хотя бы с точки зрения того, не является ли иск явно надуманным, и является средством неправомерной внутрикорпоративной борьбы, преследуя цель лишить ответчика возможности в период судебного разбирательства использовать корпоративные права, удостоверенные ценными бумагами.

Одним из способов, применяемых акционерами в целях защиты прав на акции, является требование о внесении изменений в реестр акционеров. Однако в судебной практике³⁷⁰ встречается различная квалификация такого требования:

– требование о признании недействительными записей в реестре акционеров не обеспечивает восстановления нарушенного права, а лишь устраняет юридические (регистрационные) последствия нарушения, соответственно, здесь сложно говорить об эффективной и надлежащей защите прав субъекта;

³⁷⁰ Цит. по: Холкина М.Н. Указ. соч. С. 14. Примеры из судебной практики приведены М.Г. Холкиной без ссылок на конкретные судебные акты.

– требование лица об обязывании регистратора разместить акции на его лицевых счетах следует рассматривать как истребование имущества из чужого незаконного владения (ст. 301 ГК РФ), поскольку исполнение такого требования связано с тем, что акции списываются со счета одного лица и зачисляются на счет другого;

– требование лица о восстановлении в реестре акционеров записи на его лицевом счете о владении акциями на праве собственности путем списания со счета нового незаконного владельца этих акций подлежит рассмотрению в соответствии со ст. 302 ГК РФ. В таких случаях судам необходимо проверять степень осведомленности нового владельца ценных бумаг о том, что приобретенные им акции в действительности не могли быть отчуждены, следует учитывать, что правила, предусмотренные ст. 302 ГК РФ, применимы только в случае добросовестности нового владельца.

В целом в практике распространены следующие типовые ситуации незаконного списания акций со счетов:

– списываются крупные консолидированные пакеты акций компаний из сферы мелкого и среднего бизнеса с целью получения контроля над имущественными активами;

– путем предоставления держателю реестра поддельных документов похищаются сравнительно небольшие пакеты ценных бумаг крупных компаний, чьи акции обращаются на бирже;

– злоупотребления, допускаемые противоборствующими акционерами в ходе внутрикорпоративного конфликта³⁷¹.

Видится необходимым сформулировать основные выводы в отношении недобросовестного поведения и злоупотребления правом при эмиссии, обращении и учете корпоративных ценных бумаг.

1. Сделан вывод, что защита прав владельца ценной бумаги зачастую

³⁷¹ См: *Холкина М.Г.* Защита прав инвесторов на рынке ценных бумаг. Автореферат дисс. канд. юр. наук. Владивосток, 2009. С. 16-18.

зависит от компетентности и добросовестности конкретного работника органа административной власти, квалификация с очевидностью предопределяет недопустимость злоупотребления корпоративным правом со стороны должностных лиц.

2. Установлено, что нередко дополнительная эмиссия ценных бумаг корпораций с одновременным увеличением их уставного капитала выступает не средством оптимизации и развития предпринимательской деятельности, а механизмом «корпоративного захвата», когда в результате сговора большей части акционеров принимается решение об увеличении уставного капитала АО.

3. Аргументирована весьма слабая система развития гражданско-правовых и корпоративных механизмов защиты владельцев ценных бумаг от злоупотребления правом и недобросовестного поведения. Для решения данной проблемы необходимо совершенствование арбитражно-процессуальных норм, а именно: владелец ценной бумаги, который полагает, что его права и законные интересы нарушены при эмиссии, вправе обратиться в суд, требуя одновременно принятия незамедлительных обеспечительных мер в виде приостановления такой противоправной эмиссии ценных бумаг.

4. Аргументированы обстоятельства использования дополнительной эмиссии корпоративных ценных бумаг (акций акционерного общества) как способа корпоративного захвата, т. е. получение контроля над обществом со стороны лица, завладевшего дополнительно выпущенными акциями, что, однозначно, должно приобретать квалификацию злоупотребления корпоративным правом.

5. Выявлено, что законодатель явно отдает предпочтение административно-правовым формам защиты прав владельцев корпоративных ценных бумаг при их эмиссии. Здесь, безусловно, следует отметить существенный пробел (изъясн) в законодательстве, связанный с тем, что защита прав владельца эмиссионной корпоративной ценной бумаги практически полностью зависит от эффективности деятельности соответствующего

административного аппарата, в первую очередь регулятора в сфере оборота ценных бумаг – Банка России.

Иначе говоря, защита прав владельца ценной бумаги зачастую зависит от компетентности и добросовестности конкретного работника органа административной власти, недопустимости злоупотребления корпоративным правом.

Необходимо параллельно с административными мерами развивать и специальные гражданско-правовые и корпоративные, которые позволят владельцу ценной бумаги обеспечивать свои права самостоятельно, в судебном порядке, при этом здесь крайне востребованы принципиально новые правовые механизмы, позволяющие суду оперативно реагировать на ходатайство заявителя (истца) о принятии обеспечительных мер, например, о приостановлении эмиссии ценных бумаг, до рассмотрения дела по существу.

6. Недобросовестной эмиссией признаются действия, выражающиеся в нарушении установленной законом процедуры эмиссии. Эмиссия, как известно, жестко регламентированная на законодательном уровне процедура. Все ее этапы представляют в совокупности логическую последовательность, и, очевидно, допускаемые нарушения последовательности эмиссии являются существенным поводом для признания ее недобросовестной.

7. Еще одной проблемой обеспечения прав владельцев корпоративных ценных бумаг в рамках их обращения на рынке является т.н. «двойная продажа», когда ценные бумаги сначала продаются одному субъекту, однако внесение соответствующей записи в реестр не производится в силу отсутствия необходимых атрибутов в передаточном распоряжении, после чего ценные бумаги реализуются другому субъекту.

При второй продаже таких ценных бумаг недобросовестные эмитенты привлекают связанных с ними граждан или организации, что следует рассматривать в качестве вида недобросовестного поведения и злоупотребления правом.

8. Установлено, что нарушения в сфере учета прав на корпоративные ценные бумаги выступают одним из способов недобросовестной внутрикорпоративной борьбы, злоупотребления правом, соответственно, эффективные механизмы предупреждения и устранения таких нарушений служат средством оздоровления корпоративных отношений и обеспечения прав добросовестных участников гражданского и корпоративного оборота.

Важную роль здесь должны играть грамотные и ответственные действия держателей реестра ценных бумаг, которые, в частности, должны максимально тщательно проверять достоверность и подлинность документов, предоставляемых в качестве оснований для внесения в реестр сведений о новых владельцах.

Рассмотрев виды злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений и возможные варианты ответственности за их совершение, сформулируем выводы.

1. Обосновано, что злоупотребление корпоративным правом должно иметь все критерии правонарушения в совокупности: противоправность, причинение вреда (интересам другого участника, интересам самого общества и третьим лицам), вина участника, причинно-следственная связь между действием (бездействием) и причинением вреда. Причинение вреда, вина и причинно-следственная связь – категории, которые определяются в соответствии с теми же критериями, что и при любом другом гражданском правонарушении. Что касается противоправных действий (бездействий), они имеют сущностные особенности. Именно действия (бездействия) субъектов корпоративных правоотношений и получило подробное рассмотрение в настоящей главе.

2. Злоупотребления корпоративным правом участниками корпораций можно классифицировать на:

1) виды злоупотребления корпоративным правом в зависимости от субъекта;

2) виды злоупотребления корпоративным правом в зависимости от объекта.

3. В третьей главе рассмотрены конкретные виды злоупотребления правом, совершаемые *в рамках корпоративных правоотношений. К ним следует отнести:*

1. Злоупотребление правом на участие в управлении хозяйственным обществом;

2. Злоупотребление правом на получение информации о деятельности общества;

3. Злоупотребление правом в связи с исключением участника непубличного хозяйственного общества из такого общества;

4. Злоупотребление правом на обращение в суд;

5. Злоупотребление правом требовать ликвидации общества.

4. Установлено, то хозяйственными обществами (прежде всего, АО и ООО) нередко совершаются злоупотребления в рамках процедуры банкротства. Например, в рамках законодательства о банкротстве можно выделить такие основания признания сделок должника – хозяйственного общества недействительными, как совершение сделок, направленных на уменьшение либо вывод активов должника, а также совершение сделок, направленных на создание кредиторской задолженности искусственным путем.

При этом в первом случае речь может идти о двух группах сделок с соответствующими основаниями – об оспаривании подозрительных сделок, совершенных должником, а также об оспаривании сделок должника, совершенных с предпочтением.

5. Принцип неизменности и исполнимости корпоративных договоров, направленный на регулирование договорных корпоративных отношений на основе реализации принципа добросовестности, непосредственно связан с другим принципом, также выступающим основой договорных правоотношений, а именно – принципом надлежащего исполнения

возникающих из договора обязательств, предусмотренным законодателем в ст. 309 ГК РФ.

Правовое значение принципа неизменности договорных предпринимательских корпоративных обязательств заключается в том, что стороны, обремененные вытекающими из договора обязательствами, должны обеспечить их исполнение на условиях, указанных непосредственно в договоре, либо в законе.

6. Корпоративный договор обеспечивает гибкость и адаптивность в управлении корпоративными отношениями, позволяя участникам учитывать индивидуальные особенности и потребности компании, а также минимизировать потенциальные корпоративные конфликты ввиду злоупотребления корпоративным правом.

7. Основными способами злоупотребления правом требования принудительного прекращения участия в корпорации в настоящий момент являются:

- захват корпоративного контроля;
- препятствие назначению избранной кандидатуры на должность единоличного исполнительного органа;
- заключение сделок с заинтересованностью и крупных сделок без участия в голосовании других участников и во вред их интересам и интересам корпорации;
- требование об исключении добросовестного участника после внесения им вклада.

8. В своих решениях и определениях суды неоднократно подчеркивали для участников корпоративных отношений, что исключение участника имеет четко определенные функции, задачи и цели. Акцентируя внимание на том факте, что множество лиц обращается в суд с абстрактными и надуманными мотивами, которые не могут быть основанием для исключения участника. Отсутствие основания для применения исключения участника и

наличие корпоративного конфликта квалифицируется судом как злоупотребление истцом правом требовать принудительного прекращения участия.

9. В рамках защиты прав владельцев корпоративных ценных бумаг важную роль, как представляется, может сыграть корпоративный договор, поскольку таким договором могут быть определены порядок и пределы реализации прав владельцев корпоративных ценных бумаг. Кроме того, корпоративным договором могут быть установлены ограничения на дополнительные эмиссии ценных бумаг корпорации, что также значимо для держателей ранее выпущенных акций или иных бумаг. Эти меры, безусловно, будут способствовать недопустимости злоупотребления правом.

При этом следует принимать во внимание и возможное злоупотребление правом и требовать приостановления эмиссии ценных бумаг в судебном порядке. Соответственно, здесь необходима процедура применения обеспечительных мер.

10. Доказано, что государство в лице административных органов вправе отойти от принципа свободы экономических действий и признать эмиссию незаконной не только в случае нарушения формальных процедур, но и при нарушениях экономического характера, которые, безусловно, явными будут далеко не всегда, в отличие от формальных процедурных нарушений.

12. Анализ законодательства в сфере обращения корпоративных ценных бумаг позволяет выделить следующие ситуации недобросовестного поведения, требующие решения:

1) Сговор мажоритарных владельцев облигаций с эмитентом этих облигаций и принятие решения о реструктуризации обязательств эмитента без учета интересов миноритарных владельцев, которые выступают экономически и юридически слабыми участниками исследуемых правоотношений.

2) Проблема «двойной продажи» корпоративных ценных бумаг (распространена в отношении акций), когда до внесения в реестр акционеров

записи о переходе права собственности на акции эти акции продаются аффилированному с продавцом лицу. Здесь судам необходимо защищать нарушенные права покупателей акций в ситуации, которая прямо не подпадает под мнимую сделку, однако со стороны продавца явно наблюдается недобросовестное поведение.

13. Анализ судебно-арбитражной практики демонстрирует сложный характер проблем и многогранность вопросов, связанных с правами акционеров и возможностью злоупотребления правом, реализации недобросовестного поведения при их осуществлении. Актуальной стоит задача дальнейшей стандартизации и уточнения нормативной правовой базы для избегания дублирования и противоречий в законодательстве, обеспечивая таким образом прозрачность и предсказуемость в корпоративных правоотношениях и недопустимость злоупотребления правом участниками хозяйственных обществ (корпораций).

Заключение

В диссертационном исследовании, определяя юридическую природу добросовестности и злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях, делается вывод о их многоаспектном характере и межотраслевой правовой природе.

Добросовестность в рамках корпоративных правоотношений может рассматриваться в качестве:

- юридической конструкции,
- правового принципа,
- презумпции в корпоративном праве.

Также в работе доказано, что категория добросовестности является общеправовой и, говоря о ее юридической природе, ее целесообразно относить к такому цивилистическому правовому феномену, как принцип-презумпция.

Как представляется, действие принципа добросовестности не ограничивается одним лишь гражданским правом в рамках частноправового регулирования. Но для частного права указанный принцип имеет особенно важное значение в качестве одного из приоритетных. Особенно остро это проявляется в области имущественных экономических и корпоративных отношений. Проводя сочетание прав и обязанностей в этой именно сфере отношений, гражданское право способствует укреплению сочетания общественных и личных интересов. Общими нормами ГК РФ, легитимирующими принцип добросовестности в гражданском праве, являются пп. 3 и 4 ст. 1, п. 3 ст. 307, а также п. 2 ст. 6 ГК РФ. Основной правовой идеей и одновременно правилом, которое заложено в данные нормы, является то, что весь гражданско-правовой оборот должен соответствовать принципу добросовестности.

В работе получило обоснование положение, согласно которому

добросовестность и злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях есть правовая характеристика юридически значимого действия (деятельности), а именно: характеристика непосредственно субъекта корпоративных и предпринимательских правоотношений.

Переходя непосредственно к выводам в отношении применения принципа добросовестности и недопущения злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях, поясним, что корпоративные права участников хозяйственных обществ могут быть классифицированы на основные и дополнительные, имущественные и неимущественные (личные), преимущественные, вытекающие из закона, устава общества или корпоративного договора. Это, в частности, следующие права: на участие в распределении прибыли; на получение дивидендов (которому корреспондирует обязанность корпорации выплачивать дивиденды); на ликвидационную квоту; право акционеров требовать от акционерного общества выкупа принадлежащих им акций и право участников ООО требовать от общества принадлежащих им долей; право на отчуждение (выкуп) акций ПАО; право выхода участника из корпорации (хозяйственного общества); преимущественное право на приобретение долей либо акций, отчуждаемых участниками общества, а также ценных бумаг, подлежащих размещению по подписке; на участие в делах хозяйственного общества; на осуществление контроля за финансовой и хозяйственной деятельностью хозяйственного общества; на своевременное получение всей необходимой полной, достоверной информации о деятельности (состоянии дел и пр.) хозяйственного общества и пр.

Выделяются также фидуциарные обязанности участников корпоративных правоотношений (лиц, участвующих в управлении обществом, и его членов), поскольку неисполнение данных обязанностей является, по сути, злоупотреблением корпоративным правом. Фидуциарные обязанности следует рассматривать в качестве сформулированных наиболее общим образом обязанностей осуществлять действия разумно и добросовестно, не допускать

злоупотреблений правом.

В заключении еще раз подчеркнем, что преследуемые лицом, злоупотребляющим корпоративными правами, цели всегда противоречат правомерным целям, задачам и принципам гражданского, корпоративного и иного законодательства. Во всех случаях злоупотребление корпоративным правом выступает в качестве недобросовестного осуществления соответствующего права при реализации прав и исполнении обязанностей.

Установлено, что остается неразрешенным вопрос, обязано ли контролирующее лицо, действуя добросовестно, как-то ему предписывает п. 3 ст. 53.1 ГК РФ, отслеживать все совершаемые корпорацией сделки для направления уведомления о своей заинтересованности. Будет ли не направление такого уведомления своевременным в случае отсутствия осведомленности добросовестным поведением? Или действия контролирующего лица будут признаны недобросовестными, и в защите его прав будет отказано на этом основании? В данном случае однозначно ответить на поставленные проблемные вопросы не представляется возможным, потому что сами нормы о добросовестности сформулированы на настоящем этапе правового регулирования максимально размыто и неоднозначно. Такое «мерило» как «любой участник гражданского оборота» не может быть использовано на практике при определении надлежащего исполнения контролирующим лицом информационной обязанности при совершении корпорацией сделки с заинтересованностью, так как может трактоваться субъективно в зависимости от правоприменителя.

В работе доказано, что широкое применение в судебной арбитражной практике принципа добросовестности может свидетельствовать о несовершенстве действующего корпоративного законодательства, поскольку указывает на возможную несогласованность принципов и норм права.

Считаем целесообразным предложить следующее понятие добросовестного поведения участниками корпоративных правоотношений в

нормах специального гражданского законодательства и предусмотреть ст. 10 ГК РФ в следующей редакции: «Добросовестное поведение – это такое действие (бездействие), соответствующее целям, задачам и принципам гражданского законодательства, не преследующее цели извлечения каких-либо преимуществ, экономических и иных выгод, заключающееся в надлежащей реализации гражданских, предпринимательских и корпоративных прав в установленных законом пределах и исполнении обязанностей участниками соответствующих правоотношений, характеризующееся правомерностью, честностью».

Безусловно, цели злоупотребления корпоративными правами могут быть разнообразными: нарушение равноправия сторон корпоративных, в том числе договорных отношений; удовлетворение собственных экономических (имущественных и пр.) интересов; намерение нанести ущерб, вред другим участникам корпоративного правоотношения или третьим лицам; получение выгоды большей, чем при добросовестном использовании своего корпоративного права; улучшение или укрепление своего экономического (конкурентного, доминирующего положения на рынке и иного) положения; избегание или уменьшение уровня юридической ответственности, ограничение конкуренции, расширение корпорации и иные цели.

К сожалению, как показывает правоприменительная российская практика злоупотребление корпоративным правом может иметь реализацию посредством рейдерского захвата, осуществление вывода имущества с организации-должника, доведение хозяйственного общества до фиктивного банкротства, получение возможности незаконного обналичивания денежных средств.

Установлено, что мажоритарные акционеры могут использовать свои права в ущерб правам миноритариев (злоупотребление доминирующим положением), в то время как последние могут блокировать принятие решений, критически важных для компании лишь для того, чтобы получить личную выгоду. Эти действия приносят огромный вред целостности системы

управления корпорацией и ставят под угрозу ее существование.

Видится целесообразным установление в действующем российском праве квалифицирующих признаков злоупотребления корпоративным правом. Это касается, в частности, таких форм злоупотребления корпоративным правом, как недобросовестное использование корпоративных прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

Предупреждение злоупотребления в корпоративных правоотношениях является категорией, обозначающей систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этого негативного явления, с помощью различных частноправовых конструкций и корпоративных инструментов, например, заключения корпоративного договора.

При несоблюдении законодательно установленных требований и запретов, не допускающих злоупотребление правами в корпоративных правоотношениях (а именно осуществления прав исключительно с намерением причинить вред другим лицам и в целях ограничения конкуренции, злоупотребления доминирующим положением на рынке и любого иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских, корпоративных прав), судом (в том числе арбитражным судом и третейским судом) с учетом характера, последствий совершенного злоупотребления отказывается злоупотребившему правом лицу в защите принадлежащего ему права (полностью либо в части), а также применяются иные законодательно предусмотренные меры.

В случаях, когда злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений повлекло за собой нарушение прав других лиц, данные лица (потерпевшие) наделяются законодателем правом на предъявление злоупотребившему своим правом лицу требований о возмещении причиненных недобросовестными действиями убытков.

В представленной диссертации обоснован вывод, что при несоблюдении законодательно установленных требований и запретов, не допускающих

злоупотребление правами в рамках корпоративных правоотношениях, а именно осуществления прав исключительно с намерением причинить вред другим лицам и в целях неисполнения обязательства, ограничения конкуренции, злоупотребления доминирующим положением на рынке и любого иного заведомо недобросовестного осуществления гражданских, предпринимательских и корпоративных прав, судом (в том числе арбитражным судом и третейским судом) с учетом характера, последствий совершенного злоупотребления отказывается злоупотребившему правом лицу в защите принадлежащего ему права (полностью либо в части), а также применяются иные законодательно предусмотренные негативные меры.

В работе доказано, что предупреждение злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях является сложным правовым механизмом, обозначающим систему преодоления объективных и субъективных предпосылок этого негативного экономико-правового явления, реализуемого посредством целенаправленной деятельности соответствующих институтов и уполномоченных лиц по устранению, уменьшению и нейтрализации негативных правовых факторов, детерминирующих существование недобросовестного поведения, злоупотребления правом участниками корпоративных правоотношений, а также совершение отдельных недобросовестных материально-правовых и процессуальных действий.

Автором доказано, что наиболее эффективным законодательно закрепленным способом защиты добросовестным участником своих интересов в случае его неправомерного исключения является обращение суд. Какие-либо превентивные меры и действия, позволяющие избежать возникновения указанного вида злоупотребления правом, фактически и их разработка — это индивидуальная ответственность каждого участника корпорации.

Применительно к субсидиарной ответственности единоличного исполнительного органа хозяйственного общества как правовой форме противодействия злоупотреблению правом и недобросовестному поведению

сделаем вывод, что конструкцию субсидиарной ответственности возможно отнести к правовой конструкции *sui generis*, так как особенности правоотношений базируются на связи института субсидиарной и арбитражного процесса по рассмотрению дел о банкротстве.

Полагаем, что правовую природу субсидиарной ответственности можно определить, как исключительно деликтную в силу особенностей правового регулирования. В частности, в силу требований закона необходимо установление вины руководителя хозяйственного общества, в том числе со снижением размера ответственности, а также привлечение к субсидиарной ответственности нескольких лиц. Также субсидиарная ответственность реализуется в рамках совершения руководителем правонарушения, то есть мы наблюдаем именно деликтный характер такой ответственности.

Источниками правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением руководителя к субсидиарной ответственности, выступают нормы, закрепленные в законодательстве разных отраслей российского права.

Предлагаем всесторонне урегулировать применение специального порядка привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренного п.4 ст. 399 ГК РФ, который включает форму обращения кредитора как к основному должнику, так и субсидиарному, форму отказа основного должника от исполнения обязательства, форму согласия субсидиарного должника на исполнение обязательства, а также сроки ответа на данное обращение, тем самым разъяснив понятие разумный срок в рамках данных правоотношений.

В этой связи считаем необходимым изложить норму п. 4 ст. 399 ГК РФ в следующей редакции: «если настоящим Кодексом или иными законами не установлен иной порядок привлечения к субсидиарной ответственности (за исключением порядка очередности предъявляемых требований, установленных пунктом 1 настоящей статьи), применяются правила настоящей статьи».

Аргументировано, что законом не ограничиваются в отношениях с субсидиарной ответственностью способы защиты своих прав, в целях

устранения противоречий представляется, что редакцию п. 3 ст. 399 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «лицо, несущее субсидиарную ответственность, должно до удовлетворения требования, предъявленного ему кредитором, предупредить об этом основного должника, а если к такому лицу предъявлен иск, – привлечь основного должника к участию в деле. В противном случае основной должник имеет право выдвинуть против регрессного или суброгационного требования лица, отвечающего субсидиарно, возражения, которые он имел против кредитора».

В заключении можно сказать, что корпоративное законодательство России предоставляет акционерным обществам определенную степень гибкости, позволяя регулировать некоторые аспекты корпоративных отношений через устав, корпоративный договор и решения акционеров. Это позволяет компаниям лучше адаптироваться к меняющимся рыночным условиям, учитывая при этом интересы их акционеров и не допускать злоупотребления правом.

Установлено, что дела, связанные с переводом прав и обязанностей по акциям или долям, регулярно становятся предметом рассмотрения в судах. Опираясь на анализ судебной практики, большинство судебных решений оказываются в пользу истцов. Это происходит благодаря устоявшемуся в судах единому пониманию подобных вопросов, что существенно упрощает принятие решений в подобных делах. Чтобы успешно доказать свои требования, истец должен предоставить убедительные доказательства нескольких ключевых моментов.

Среди наиболее весомых: отсутствие родственных или иных близких отношений между сторонами сделки; короткий временной промежуток между сделками; первичное отчуждение малой доли или акции по договору дарения, что может указывать на попытку обойти преимущественное право; последующее отчуждение большого объема акций или доли по договору купли-продажи, что подтверждает коммерческие интересы сторон. Эта

последовательность в подходе судов к решению корпоративных споров подчеркивает важность соблюдения принципов прозрачности, добросовестности и честности в корпоративных отношениях, а также способствует защите прав участников корпоративного процесса.

Тем самым, законодательство ставит задачу минимизировать долевую собственность из-за ее потенциальной неустойчивости и предоставляет сосособственникам преимущественное право на приобретение доли в соответствии с статьей 250 ГК РФ.

Определено, что параллельно с административными мерами защиты и недопустимости злоупотребления правом, необходимо развивать и специальные гражданско-правовые и корпоративные, которые позволят владельцу ценной бумаги обеспечивать свои права самостоятельно, в судебном порядке, при этом здесь крайне востребованы принципиально новые правовые механизмы, позволяющие суду оперативно реагировать на ходатайство заявителя (истца) о принятии обеспечительных мер, например, о приостановлении эмиссии ценных бумаг, до рассмотрения дела по существу.

Кроме того, говоря о проблематике защиты прав владельцев корпоративных ценных бумаг следует учитывать важное обстоятельство – такие ценные бумаги обеспечивают не только получение прибыли посредством оперирования такими бумагами, но и доступ к управлению коммерческой корпорацией.

В работе сделан вывод, что сущность и правовые последствия нарушений в сфере учета прав владельцев корпоративных ценных бумаг зависят от того, имела ли место утрата права на корпоративную ценную бумагу или же нарушение связано лишь с невнесением соответствующих сведений в реестр.

От сущности и последствий нарушения зависит и содержание судебной защиты (именно такая форма применяется в данном случае) – необходимо ли истребовать ценные бумаги из чужого незаконного владения, или

«ограничиться» требованием о надлежащей регистрации права на такую бумагу.

Столь строгое отношение законодательства к эмиссии ценных бумаг обусловлено стремлением законодателя оградить рынок от множества негативных тенденций, которые возникли в России в 90-е годы прошлого столетия при ситуации перехода к рыночной экономике, недобросовестности значительного числа участников рынка, множества злоупотреблений корпоративными правами и недостаточной финансово-правовой грамотности населения.

Существенной проблематикой характеризуется и сфера учета прав на ценные бумаги. Здесь следует понимать, что без надлежащего учета прав владельцы ценных бумаг фактически не могут реализовать свой интерес, связанный с этими бумагами, поскольку регистрация права в случае, если она является обязательной, играет роль удостоверительного инструмента, который позволяет связать владельца ценной бумаги с правом, которое такая бумага предоставляет, соответственно, невнесение в реестр сведений о держателе акций или иных ценных бумаг, необоснованное исключение таких сведений и иные нарушения влекут невозможность реализации прав владельцев.

Итак, иными словами, нарушения в сфере учета прав на корпоративные ценные бумаги выступают одним из способов недобросовестной внутрикорпоративной борьбы, злоупотребления правом, соответственно, эффективные механизмы предупреждения и устранения таких нарушений служат средством оздоровления корпоративных отношений и обеспечения прав добросовестных участников гражданского и корпоративного оборота.

Важную роль здесь должны играть грамотные и ответственные действия держателей реестра ценных бумаг, которые, в частности, должны максимально тщательно проверять достоверность и подлинность документов, предоставляемых в качестве оснований для внесения в реестр сведений о новых владельцах.

Определено, что сущность и правовые последствия нарушений в сфере учета прав владельцев корпоративных ценных бумаг зависят от того, имела ли место утрата права на корпоративную ценную бумагу или же нарушение связано лишь с невнесением соответствующих сведений в реестр.

Библиографический список

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации - Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область, опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая от 30 ноября 1994 г. №51-ФЗ (ред. от 31.10.2024 № 49-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024 № 459-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024 № 190-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.01.2025 № 1-П) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46.
6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2024 № 521-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2024 № 521-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024 № 515-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Кодекс внутреннего водного транспорта российской Федерации от 07.03.2001 № 24-ФЗ (ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 11. Ст. 1001.
10. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (ред. от 08.08.2024 № 232-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. №3. Ст. 140.
11. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 23.11.2024 № 411-ФЗ) «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
12. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 08.08.2024 № 275-ФЗ) // Российская газета. 2006. № 162.
13. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 28.12.2024 № 532-ФЗ) // Российская газета. 1996. № 79.
14. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (ред. от 30.11.2024 № 446-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
15. Федеральный закон 01.12.2007 № 315-ФЗ (ред. от 02.07.2021 № 359-ФЗ) «О саморегулируемых организациях» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6076.
16. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 26.12.2024 № 478-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
17. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (ред. от 26.12.2024 № 494-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.
18. Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ (ред. от 08.08.2024 №

275-ФЗ) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // Российская газета. 1999. № 134.

19. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Российская газета. 11 января 2013. № 3 (5979).

20. Указ Президента РФ от 02.04.2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 14 (часть 1). Ст. 2082.

21. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 2). Ст. 5519.

Книги

22. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022. 464 с.

23. Акционерное право: основные положения и тенденции: Монография / В.В. Долинская. М.: Волтерс Клувер, 2006.

24. Амосов, С.М. Добросовестность участников гражданско-правовых отношений // Защита частных прав: проблемы теории и практики. Материалы V ежегодной международной научно-практической конференции. 2017. С. 211-213.

25. Андреев, В.К., Лаптев, В.А. Защита прав юридического лица в условиях применения цифровых технологий: монография. М.: Проспект, 2024. 208 с.

26. Апестина, М.Н. Заключение и исполнение договоров: практические

рекомендации для бизнеса. М.: Редакция «Российской газеты», 2020. Вып. 1. 144 с.

27. Астапова, Т.Ю. Способы обеспечения исполнения договорных обязательств в предпринимательских отношениях: учебное пособие. Москва: Проспект, 2022. 128 с.

28. Блинов, В.Г., Блинова, В.В. Содержание принципа добросовестности // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета. 2016. С. 87-93.

29. Брагинский, М. И. Договорное право: общие положения: учебное пособие / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 4-е изд. М.: Статут, 2020. 845 с.

30. Вабищевич, С.С. Добросовестность и невиновность в гражданском праве: вопросы соотношения // Инновационная практика в Евразийском экономическом союзе: власть, бизнес, наука. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2017. С. 119-122.

31. Вабищевич, С.С. Соотношение понятий «добросовестность» и «невиновность» в гражданском праве // VIII Пермский конгресс ученых-юристов. Сборник научных статей Межрегионального Российского форума классической юридической университетской науки. 2017. С. 64-66.

32. Васильев, Д.Ф. К вопросу о соотношении оценочных понятий и категорий в гражданском праве // Законность в современном обществе. Сборник статей международной научно-практической конференции: в 2 частях. 2017. С. 54-56.

33. Венгеров, А. Б. Теория государства и права: учебник. М.: Омега-Л, 2004.

34. Вершинина, Д.С. Добросовестность как принцип гражданского права: понятие и содержание // Актуальные вопросы в науке и практике.

Сборник статей по материалам XVI международной научно-практической конференции. 2019. С. 8-11.

35. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. 528 с.

36. Габов, А.В. Корпоративное право: учебник / под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2019. 735 с.

37. Гаджиев, Г.А., Пепеляев С.Г. Предприниматель - налогоплательщик - государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: учеб. пособие. М., 1998. 592 с.

38. Гентовт, О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. Москва: Статут, 2022. 214 с.

39. Глушецкий, А.А. Уставный капитал акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью: стереотипы и их преодоление. Экономический анализ норм корпоративного права. Москва: Статут, 2023. 264 с.

40. Губин, Е.П. Корпоративное право: учебник. М.: Статут, 2019. 735 с.

41. Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. 204 с.

42. Грибанов, В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут. Серия: Классика российской цивилистики. 2000. 410 с.

43. Григорьева, М.Н., Колмогоров, М.В., Лигарова В.А. Понятие принципа добросовестности и его значение // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение. Сборник научных трудов VI Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2020. С. 65-69.

44. Гудиев, Г.З. Принцип добросовестности: проблема противопоставления строгого права и справедливости // Современная наука:

актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей VII Международной научно-практической конференции 2019. С. 255-257.

45. Гомола, А. П. Гражданское право: учебник. 15 изд., стер. М.: Академия, 2020. 444 с.

46. Гамбаров, Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров ; под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003.

47. Гражданский кодекс Российской Федерации / Вводный комментарий П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2020. 900 с.

48. Гражданское и торговое право зарубежных государств: учебник в 2 т. / Отв. ред. А. С. Комаров. М.: Статут, 2019. 557 с.

49. Гражданское право: учебник: в 2 т. / Под ред. Л. В. Щенниковой. Краснодар: КубГУ, 2020. 318 с.

50. Гражданское право: учебник: в 3 т. / Под ред. А. П. Сергеева. изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 288 с.

51. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: монография / Е.Е. Богданова, Л.Ю. Василевская, Е.С. Гринь и др.; под общ. ред. Л.Ю. Василевской. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 192 с.

52. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М-Логос. 2020. 1072 с.

53. Договорное право. Общие положения (книга 1). (3-е издание, стереотипное). / Брагинский М.И., Витрянский В.В. М.: Статут", 2001. 847 с.

54. Дождев, Д.В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность. М., 2000. 254 с.

55. Дорохова, Н.А. Договоры об оказании информационных услуг: монография. М.: Проспект, 2022. 176 с.

56. Жгулев, А.А. Добросовестность при исполнении обязательства. М., 2011. 112 с.

57. Зайцева, С.Г. «Злоупотребление правом» как правовая категория и

как компонент нормативной системы законодательства Российской Федерации: монография. Рязань, 2002. 150 с.

58. Иеринг, Р.Ф. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Санкт-Петербург : Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

59. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019. 735 с.

60. Корпоративное право: Учеб. курс: В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018.

61. Корпоративные отношения: комплексные проблемы теоретического изучения и нормативно-правового регулирования: монография / А.Н. Беседин, Е.Н. Ефименко, Е.А. Козина и др.; под ред. Е.Д. Тягай. М.: Норма, Инфра-М, 2014. 143 с.

62. Корецкий, Д.А. Эволюция взглядов на понятие добросовестности в российском и зарубежном гражданском праве // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке. Сборник материалов Всероссийской научно-теоретической конференции курсантов и слушателей вузов МВД России, студентов гуманитарных вузов, адъюнктов, аспирантов и соискателей. 2018. С. 110-116.

63. Косовская, И. И. Договорное право: учебное пособие / И. И. Косовская, Л. В. Шипика. Таганрог: ЧОУ ВО ТИУиЭ, 2020. 294 с.

64. Короткевич, В.И. Двойственность понятия добросовестности в российском гражданском праве // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы. Сборник материалов III научно-практической конференции с международным участием юридического факультета СПбГЭУ. 2020. С. 422-430.

65. Корпоративное право: учебник и практикум для вузов / под ред. Г.Ф. Ручкиной. М.: Юрайт, 2022. 212 с.

66. Кузнецов, А.А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк. М.: Статут, 2017. 250 с.

67. Лагода, А.Д., Лагода, В.В. Общая теория и соотношение понятий: философия права, теория права и юридическая догма // Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2019. С. 144-150.
68. Левушкин, А.Н. Договоры в предпринимательской деятельности: Учебник / А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2021. 400 с.
69. Ломакин, Д.В. Корпоративные правоотношения: Общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. 509 с.
70. Лотфуллин, Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве: монография. Москва, 2019. 1720 с.
71. Мальцев, Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М.: Юридическая литература, 1968.
72. Макарова, О.А. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. – 3-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 531 с.
73. Макарова, О.А. Попондопуло В.Ф. Корпоративное право: учебник и практикум для вузов. 6-е изд. М.: Юрайт, 2022. 531 с.
74. Маковский, А.Л. Письмо ответственным редакторам // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященных 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020.
75. Милов, П. О. Договор в гражданском праве: учебное пособие / П. О. Милов, А. Е. Ларионова. М.: Университетская книга, 2021. 130 с.
76. Меришан, М.Д. Добросовестность как оценочное понятие в гражданском праве // Соотношение российского и международного права. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2018. С. 52-54.
77. Мищенко, Е.А. Понятие принципа добросовестности в доктрине гражданского права России // Юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Материалы II Национальной (всероссийской) научно-

практической конференции. 2019. С. 196-206.

78. Нам, К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М., 2019. 388 с.

79. Общая часть обязательственного права в судебной и арбитражной практике: сборник действующих разъяснений высших судебных инстанций / Под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2021. 414 с.

80. Осипенко, О.В. Корпоративная конфликтология: монография. Москва: Статут, 2022. 758 с.

81. Предпринимательское право: учебник / Под ред. Н. Д. Эриашвили. – 7-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ, 2020. 495 с.

82. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права. М: Статут, 1998.

83. Пьянкова, А.Ф. Гражданское право: общие положения о договоре: учебное пособие для студентов, обучающихся по направлениям подготовки бакалавров и магистров «Юриспруденция». Пермь: ПГНИУ, 2020. 179 с.

84. Паньк, Г.С. Особенности развития и понятия категории добросовестности в гражданском праве // Пермский Период. Сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. 2019. С. 83-86.

85. Пушкина, А.В. Развитие понятия добросовестности в гражданском законодательстве России // Liber Amicorum в честь профессора Абовой Тамары Евгеньевны. Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве. Сборник статей. 2019. С. 248-255.

86. Поротикова, О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: монография. М.: Юрайт, 2019.

87. Радченко, С.Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М.: Волтерс Клувер, 2010.

88. Символоков, О.А. Договоры в электроэнергетике: проблемы теории

и практики: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2021. 186 с.

89. Смородин, В.Ю., Гридчина, Н.Е. История возникновения и развития категории «добросовестность» // Актуальные проблемы права. Сборник статей и тезисов докладов научно-практической конференции, посвященной 25-летию Конституции Российской Федерации. 2019. С. 171-175.

90. Седова, Н. А. Проблемы общей теории договоров и сделок: учебное пособие / Н. А. Седова, Д. В. Степанов. Краснодар: КубГАУ, 2021. 89 с.

91. Снытникова, Н.В. Применение убытков при расторжении договора: теоретические и практические аспекты // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: сборник материалов Международной научной конференции памяти профессора Ф.М. Рудинского, 21 апреля 2022 г. / под общ. ред. д.ю.н. профессора Д.А. Пашенцева, к.п.н., доцента Н.М. Ладнушкиной. Саратов: Саратовский источник, 2022. 425 с. С. 231-236.

92. Снытникова, Н.В. Ребенок как субъект договорных обязательственных правоотношений // V Всероссийская научно-практическая конференция «Детство-территории безопасности», 17-18 ноября 2022 г. Москва: институт права и управления ГАОУ ВО МГПУ, 2022. (Детство - территория безопасности : Сборник материалов конференции, Москва, 17–18 ноября 2022 года. – Москва: Издательство "Саратовский источник", 2022. – С. 180-184.

93. Снытникова, Н.В. Реализация принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом при изменении и расторжении договоров в сфере предпринимательской деятельности // Круглый стол «Актуальные проблемы противодействия злоупотреблению правом», 25 ноября 2022 г. Москва: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2022. (Актуальные проблемы противодействия злоупотреблению правом: сб. материалов круглого стола (Москва, 25 ноября 2022 г.) / под общ. ред. А.П. Горелика; Университет прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2023. – 205 с. С. 169-

178.

94. Снытникова, Н.В. К проблеме правового регулирования расторжения договоров в сфере деятельности транспорта // VI Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы частноправового и публично-правового регулирования транспортной деятельности», 23 ноября 2022 г. Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. (Проблемы частноправового и публично-правового регулирования транспортной деятельности : сборник материалов VI Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 23 ноября 2022 г.). / Частное учреждение «Научно-исследовательский институт проблем правового государства». Уфа, 2023. С. 188-192.

95. Снытникова, Н.В. Реализация принципа добросовестности при изменении и расторжении договора в правоотношениях семейного предпринимательства // Семейный бизнес & legaltech: / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. Москва: Проспект, 2022. 620 с. С. 160-169.

96. Снытникова, Н.В. Гражданско-правовое регулирование изменения и расторжения договора с учетом принципа добросовестности // Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдурахимова, С. В. Алборов и др.; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева; МГОУ. М.: Юстицинформ, 2022. 464 с.

97. Снытникова, Н.В. Изменение и расторжение договора в сфере предпринимательской деятельности членов семьи: проблемы правовой легитимации и квалификации // Перспективы легализации семейного предпринимательства: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М.: Проспект, 2023. 296 с. С. 282-291.

98. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография / О.А. Беляева, С.А. Бурлаков, М.М. Вильданова и др.; отв. ред. О.В. Гутников. Москва: ИЗиСП, Статут, 2021. 528 с.

99. Соломин С. К. Систематизация гражданско-правовых договоров: монография / С. К. Соломин, Н. Г. Соломина. М.: Юстицинформ, 2021. 151 с.

100. Степанов, Д.И. Недействительность корпоративных решений: статьи по проблемным вопросам. М.: Статут, 2021. 284 с.
101. Субботина, П.И. Понятие добросовестности в гражданском праве // Российская наука в современном мире. Сборник статей XXII международной научно-практической конференции. Научно-издательский центр «Актуальность.РФ». 2019. С. 229-230.
102. Танага, А.Н. Момент заключения договора в российском гражданском праве: монография. М.: Проспект, 2023. 120 с.
103. Теория государства и права : учебник / С. И. Архипов, В. М. Корельский, В. И. Леушин и др. ; отв. ред. В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. М.: ИнфраМ : Норма, 1998.
104. Тихонова, А.О., Аулов Д.С. Добросовестность участников гражданского оборота как одно из основных начал гражданского законодательства // Актуальные вопросы права, экономики и управления. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 3 частях. 2017. С. 20-22.
105. Трофимчук, Н.В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 149-151.
106. Устинова, А. В. Гражданское право: учебник. М.: Проспект, 2021. 496 с.
107. Фогельсон, Ю.Б. Избранные вопросы общей теории обязательств: курс лекций. М.: Юристъ, 2001.
108. Цатурян, Е. А. Государственный контракт в гражданском праве России: проблемы теории и практики: монография. М.: Статут, 2020. 222 с.
109. Чердакова, Л. А. Гражданское право: учебное пособие. Иркутск: Издательство ИНИТУ, 2020. 161 с.
110. Чердакова, Л. А. Договорное право: учебное пособие. Иркутск:

Издательство ИНИТУ, 2020. 98 с.

111. Черепанова, О.С. Презумпция добросовестности участников гражданского оборота в свете реформирования гражданского законодательства // Государство и право в эпоху глобальных перемен. Материалы международной научно-практической конференции. 2017. С. 291-292.

112. Шабуров, А.С. Теория государства и права : учебник для юридических специальностей. Курган: Курганский государственный университет, 2009.

113. Шапкина, Г.С. Применение акционерного законодательства. М.: Статут, 2009. 320 с.

114. Шершеневич, Г.Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4. М., 2016. 750 с.

115. Шереметьева, Н.В. Недобросовестность в вещном праве: монография. М.: Проспект, 2023. 136 с.

116. Эрделевский, А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // СПС КонсультантПлюс. 2022.

117. Эстоев, З.А. Понятие и содержание добросовестности в гражданском праве РФ // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики. Сборник научных статей по материалам Вузовской научно-практической конференции. 2019. С. 389-394.

118. Юкша, Я. А. Гражданское право: учебное пособие. 5-е изд. М.: РИОР: ИНФРА-М, 2020. 402 с.

119. Ягудин, В.Т., Милохова А.В. Соотношение категорий недобросовестности и вины в гражданском праве // Юность науки. Сборник студенческих научных статей. Министерство образования и науки Российской Федерации, Российский государственный гуманитарный университет. Москва, 2020. С. 425-428.

120. Якимова, Д.А. Практические проблемы соблюдения принципа добросовестности участниками гражданских правоотношений при заключении договора // Сборник статей XXIII Международной научно-практической

конференции. 2019. С. 78-80.

121. Яковлев, В.Ф. Избранные труды. М.: Статут, 2012. Т. 2: Гражданское право: История и современность. Кн. 1. 349 с.

122. Яковлев, В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений: учеб. пособие / науч. ред. Г.И. Петрищева. Свердловск, 1972. 250 с.

Статьи из периодической печати

123. Абдрашитов, В.М., Гильмуллин, А.Р. К вопросу об истоках принципов добросовестности и презумпции невиновности в гражданских правоотношениях // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 6. С. 168-187.

124. Абдулкадиров, Т. Миноритарный активизм как недобросовестный способ реализации прав акционера // Вестник арбитражной практики. 2018. № 3 (76). С. 29-35.

125. Абросимов, А.В. Применение принципа добросовестности при оценке сделок в рамках банкротства // Российский судья. 2023. № 12. С. 15 - 19.

126. Абросимов, А.В. К вопросу о критериях разумности и добросовестности в российском гражданском праве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 26 - 28.

127. Абросимов, А.В. Особенности применения принципа добросовестности в российском гражданском праве // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 2 - 7.

128. Агарков, М.М. Проблемы злоупотребления правом в советском гражданском праве // Избранные труды по гражданскому праву: в 2-х томах. Том 2. М., 2022. С. 375 - 376.

129. Агарков, М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и

права. 1946. № 6. С. 430.

130. Алиев, Т.Т., Хатунцев, О.А. Ответственность за злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Современное право. 2023. № 9. С. 95 - 101.

131. Алиева, К.М. Право акционера на выкуп акций при реорганизации акционерного общества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 8. С. 53-58.

132. Анисимов, В.А. Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 110.

133. Анисимов, В.А. Актуальные проблемы гражданско-правовой охраны потребительского интереса // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3, № 2. С. 35.

134. Антонян, А.К., Поляков С.Б. Конкретизация оценочных юридических фактов на примере понятия "добросовестность" // Российская юстиция. 2023. № 7. С. 27 - 34.

135. Антонова, Н.В. Злоупотребление правом в социально-обеспечительных правоотношениях: проблема определения понятийной составляющей // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 36 - 42.

136. Айрапетов, Н.А. Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 1. С. 93 - 99.

137. Андреева, Т.К., Улетова Г.Д. Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 251 - 291.

138. Анчишина, Е. А. Последствия расторжения договора в контексте реформы российского обязательственного права: тенденции развития судебной практики // Законодательство. 2019. № 2. С. 13-18.

139. Анненкова, А.В. Статус понятия «совесть» как социально-философской категории // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 3 (47). С. 17-21.

140. Багдасарян, О.С. Концепция добросовестности владения при приобретательной давности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 6. С. 105 - 121.

141. Багаев, В.А. Значение добросовестности владения для приобретательной давности // Закон. 2013. № 12. С. 163 - 174.

142. Бежецкий, А.Ю. Оспаривание притворных и подозрительных сделок должника в деле о банкротстве // Законодательство. 2016. № 12. С. 23.

143. Брайцева, Е.А. К вопросу об определении понятия «злоупотребление правом» // Евразийское Научное Объединение. 2018. № 6-3. С. 152.

144. Белов, В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. № 8. С. 49-52.

145. Беседкина, Н.И. Разумность как категория и один из критериев юридической техники // Новый юридический журнал. 2015. № 4. С. 50-64.

146. Бирюкова, Л.А. Злоупотребление правом в теории и практике применения норм о банковской гарантии // Цивилистические записки : межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2 / редкол. С. С. Алексеев [и др.]. – Москва ; Екатеринбург : Статут : Институт частного права, 2002. С. 293.

147. Блинов, В.Г., Блинова В.В. Содержание принципа добросовестности // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. сборник материалов VI международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета. 2016. С. 89.

148. Бова, Д.А. Злоупотребление правом со стороны дольщика: общие выводы и отдельные примеры из судебной практики // Юрист. 2023. № 7. С. 22 - 27.

149. Брагинский, М.И. Осуществление и защита гражданских прав. Сделки. Представительство. Доверенность. Исковая давность // Вестник ВАС. 1995. № 7. С. 99-113.

150. Бронникова, М.Н. Проблемы применения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2019. № 1. С. 55-68.

151. Бушев, А.Ю. Принцип добросовестности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: к юбилею Гадиса Абдуллаевича Гаджиева // Закон. 2023. № 9. С. 156-158.

152. Буцан, Е.Ю. Генезис концепции злоупотребления правом: вещно-правовой аспект (на примере римской правовой традиции) // Гражданское право. 2024. № 5. С. 38 - 41.

153. Быкова, М.О. Добросовестность как требование, обращенное к участникам вещно-правовых отношений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 12. С. 88-90.

154. Василевич, Г.А., Василевич С.Г. Правомерное поведение и злоупотребление правом // Журнал российского права. 2022. № 10. С. 5 - 17.

155. Васильев, Ю.С. Взаимодействие права и морали // Советское государство и право. 1966. № 11. С. 12.

156. Волос, А.А., Кужанова, К. Смарт-контракты: юридическая интерпретация поведения сторон в свете принципа добросовестности // Закон. 2024. № 9. С. 162 - 169.

157. Гинзбург, И.В. Применение судами принципа добросовестности: сравнительно-правовое исследование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 4. С. 83 - 91.

158. Губин, Е.П. Важно не ставить во главу угла правовые традиции, а решать экономическую задачу // Закон. 2019. № 3. С. 8 - 18.

159. Гаджиев, Г.А. Конституционные принципы добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективными правами // Государство и

право. 2002. № 7. С. 54 – 62.

160. Гайдунко, А.В. Принцип содействия сторон vs добросовестности в гражданском праве // Форум молодых ученых. 2020. № 6 (46). С. 170-174.

161. Галушкин, Ф.В. Залог «корпоративных прав»: на пути к сбалансированному регулированию // Вестник гражданского права. 2023. № 3. С. 99 - 129.

162. Геворгян, А.А. Сущность принципа добросовестности как оценочной категории в гражданском праве // Сущность принципа добросовестности как оценочной категории в гражданском праве // Новый юридический вестник. 2018. № 5 (7). С. 15-17.

163. Герасименко, К.С. Корпоративные права участников хозяйственных обществ: ограничение и отказ от их реализации в корпоративном договоре // Гражданское право. 2023. № 5. С. 10 - 14.

164. Головин, М.А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Оригинальные исследования (ОРИС). 2023. № 3. С. 69-77.

165. Гонгало, Б.М. Идеи частного права: должное и сущее // Цивилистические записки: Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 3. К 80-летию С.С. Алексеева. М.: Статут; Екатеринбург: Институт частного права, 2004. С. 96.

166. Голубцов, В.Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 499.

167. Горева, С.А. К вопросу о понятии принципа добросовестности // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 5 (21). С. 897-900.

168. Григорьев, Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. № 3. С. 34 - 38.

169. Двалишвили, Л.З. О правовой природе принципа добросовестности // Мировой судья. 2023. № 4. С. 33 - 37.

170. Демидов, Э.А. Правовые прецеденты в регулировании

злоупотребления субъективными правами и судебная практика // Современное право. 2024. № 4. С. 83 - 86.

171. Демьянова, М.В. Недобросовестность как основание гражданско-правовой ответственности членов органов управления корпорации // Предпринимательское право. 2022. № 2. С. 36 - 41.

172. Демьянова, М.В. Функции принципа добросовестности в корпоративном праве // Право и экономика. 2021. № 9. С. 54 – 59.

173. Душкина, М.А. Порядок изменения и расторжения договора хранения, ответственность за нарушение договора // Аллея науки. 2019. № 3. С. 433-437.

174. Дерюгина, Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2017. № 3 (20). С. 51-55.

175. Дерюгина, Т.В. Добросовестность участников гражданских правоотношений как предел и принцип права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2017. № 3 (20). С. 54.

176. Добрачев, Д.В. Взыскание убытков, неустойки и компенсации в системе мер ответственности за нарушение корпоративного договора // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 1. С. 22 - 26.

177. Доронина, Н.Г., Семилютин, Н.Г., Цирина, М.А. Современные проблемы корпоративного права в трансграничных отношениях // Международное публичное и частное право. 2023. № 4. С. 9 - 13.

178. Егоров, А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal Insight. 2013. № 2. С. 4 - 10.

179. Егорова, М. А. Некоторые особенности реализации прав на изменение и расторжение договора в российском праве // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 236-242.

180. Елоев, А.М. Понятие и субъекты процессуальной добросовестности в арбитражном судопроизводстве // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 117 - 122.
181. Емелина, Л.А., Яворский, С.А. Актуальные проблемы пределов ответственности наследника по долгам наследодателя // Наследственное право. 2024. № 3. С. 35 - 37.
182. Еременко, А.С. К вопросу об основаниях правомерности осуществления гражданских прав: онтологические начала гражданского оборота // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 2 - 6.
183. Еременко, А.С. К вопросу о судебной эргономике, или Как повысить качество правоприменительного процесса? // Российская юстиция. 2020. № 1. С. 5 - 11.
184. Еременко, А.С. Теоретические вопросы государственной правовой политики в области гражданского оборота // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 6 - 8.
185. Ефимов, А.В. Злоупотребление правом при одностороннем отказе от исполнения обязательства и одностороннем изменении его условий // Российский судья. 2024. № 4. С. 2 - 7.
186. Жантуева, З.Ю. Понятие и содержание добросовестности и принципа добросовестности в гражданском праве России // Вестник Международного юридического института. 2019. № 2 (69). С. 82-88.
187. Жижерина, Ю. Ю. Особенности заключения, изменения и расторжения трудового договора // Кадровик. 2019. № 10. С. 129-136.
188. Зайпулаева, Т.М. Положение пережившего супруга при наследовании прав, связанных с участием в коммерческой корпорации // Наследственное право. 2024. № 2. С. 20 - 23.
189. Замотаева, Т.Б. Новые стандарты эмиссии корпоративных ценных бумаг: обзор правового регулирования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 10. С. 24 - 27.

190. Зайцев, О.В., Кравченко, А.А. Наследие Д.И. Мейера в современном юридическом образовании (опыт Высшей школы правоведения ИГСУ РАНХиГС) // Вестник гражданского процесса. 2020. № 1. С. 22 - 38.

191. Зайцев, О.В. Роль судебных решений (прецедентов) и судебной практики в регулировании общественных отношений // Вестник гражданского процесса. 2018. № 2. С. 105 - 136.

192. Зайцев, О.В. Вещные и обязательственные отношения в контексте реформы гражданского права // Право и экономика. 2017. № 12. С. 16 - 20.

193. Зайцев, О.В. Проблемные вопросы доктрины гражданского права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 111 - 117.

194. Зайцев, В.В., Рыбаков, В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 11 - 13.

195. Зайцева, Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 49. С. 476-501.

196. Закупень Т.В. Проблемы реализации главы 6.1 Градостроительного кодекса Российской Федерации // Право и экономика. 2015. № 7. С. 4 - 9.

197. Закупень, Т.В. Понятие и правовые основы "зеленой" (низкоуглеродной) экономики // Экологическое право. 2023. № 1. С. 8 - 11.

198. Закупень, Т.В. Проблемы правового регулирования прав граждан при лишении банка лицензии // Банковское право. 2018. № 6. С. 16 - 25.

199. Закупень, Т.В. Особенности перехода права собственности на отходы промышленного производства в рамках заключения концессионных соглашений государственно-частного партнерства // Хозяйство и право. 2022. № 4. С. 90 - 105.

200. Захаров, Ю.Ю. Интерес в осуществлении гражданских прав // Арбитражная практика. 2003. № 7. С. 17.

201. Зонова, А.С. Понятие и критерии добросовестности давностного

владельца: юридико-догматический и сравнительно-правовой аспекты // Вестник гражданского права. 2024. № 1. С. 135 - 147.

202. Зульфалиева, В.Г., Фирсова, Н.В. Принцип добросовестности в российском гражданском праве: понятие и сущность // Тенденции развития науки и образования. 2019. № 56-9. С. 76-79.

203. Иванова, Е.А., Соломеина, Е.А., Хрущелева, Т.С., Шереметова, Г.С. О противодействии злоупотреблению процессуальными правами при использовании медиации как примирительной процедуры // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2022. № 4. С. 36 - 44.

204. Игнатов, В. С. Изменение и расторжение гражданско-правовых договоров // Синергия Наук. 2020. № 50. С. 37-46.

205. Инедеркина, Я.Б. Проблемы реализации принципа добросовестности в процедуре несостоятельности (банкротства) // Цивилистика: право и процесс. 2018. № 2. С. 120-122.

206. Истомин, В.Г. Некоторые вопросы применения антимонопольного законодательства при регулировании участия публично-правовых образований в экономических отношениях // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 4. С. 37 - 43.

207. Камышанский, В.П., Ветер Н.Ю. О понятии злоупотребления гражданскими правами // Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам IX Всероссийской конференции молодых ученых. 2016. С. 537-543.

208. Карелина, С.А., Кузнецов, Е.А. Формирование правовой базы для деятельности межгосударственных кластеров и специальных зон инновационного развития (коридоров знаний) и возможность их применения в странах латиноамериканского региона // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 2. С. 37 - 43.

209. Ковалев, К.С. Судебное усмотрение и принцип добросовестности в гражданском праве. Практика арбитражных судов // Вестник Арбитражного

суда Московского округа. 2024. № 1. С. 84 - 89.

210. Куликов, М.А. Манипулирование целями и средствами в правовом регулировании и злоупотребление правом: соотношение категорий // Журнал российского права. 2022. № 11. С. 15 - 30.

211. Коновалов, А.В. Еще раз К вопросу о понятии добросовестности // Российский судья. 2018. № 1. С. 15-21.

212. Коноводова, М.Р. Понятие и особенности злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Аллея науки. 2020. № 6. С. 511-514.

213. Короткова, А.В., Ерохина, Е.В. Понятие и содержание принципа добросовестности в гражданском праве// Актуальные вопросы науки. 2017. № 29. С. 40-43.

214. Криушина, А.В. Реализация принципа добросовестности в интернет-пространстве // Цивилист. 2023. № 3. С. 32 - 37.

215. Кузьмин, А.И. Понятие участия в корпорации // Право и экономика. 2013. № 10. С. 77 - 79.

216. Кузьмина, И.Д. Соотношение категорий «вина» и «недобросовестность» в российском гражданском праве // Академический юридический журнал. 2018. № 4 (74). С. 28-35.

217. Лаптев, В.А. Корпоративные конфликты: причины возникновения и способы защиты / В.А. Лаптев, Е.Н. Ефименко // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2013. №3. С. 52-63.

218. Лаптев, В.А., Овчинникова, Ю.С. Применение цифрового рубля при расчетах в корпоративных отношениях // Банковское право. 2023. № 4. С. 25 - 33.

219. Левушкин, А.Н., Морозов, С.Ю. Проверка контрагента перед заключением договора как непоименованный способ обеспечения исполнения предпринимательских обязательств // Юрист. 2021. № 7. С. 37 - 42.

220. Левушкин, А.Н. Тенденции исполнения предпринимательских обязательств в правоприменительной деятельности // Современный юрист.

2020. № 2. С. 150 - 166.

221. Левушкин, А.Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 19 - 26.

222. Левушкин, А.Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 90 - 99.

223. Левушкин, А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18.

224. Левушкин, А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168 - 174.

225. Левушкин, А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18.

226. Левушкин, А.Н. Организационные предпринимательские договоры в системе норм обязательственного права и судебной практике // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 8. С. 30-35.

227. Лескова, Ю.Г., Филатова, У.Б. Принцип добросовестности и злоупотребление правом в аспекте конвергенции семейного законодательства и законодательства о банкротстве // Гражданское право. 2023. № 4. С. 19 - 21.

228. Ломакин, Д.В. От корпоративного интереса через злоупотребление корпоративным правом к корпоративному спору // Корпоративный юрист. 2006. № 2. С. 17.

229. Лукьянцев, А., Яценко, Т.С. Учет факта злоупотребления правом при применении гражданско-правовой ответственности в сфере предпринимательской деятельности // Хозяйство и право. 2003. № 8. С. 122-126.

230. Лянгузова, Е.М. Механизм борьбы со злоупотреблениями правом в корпоративных отношениях: частные определения // Конкурентное право. 2022. № 1. С. 23 - 26.

231. Маловицкий, Р.С. Совместное предприятие в Российской Федерации: преимущества и недостатки создания с точки зрения корпоративного управления // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. № 2. С. 65-78.

232. Мадыгина, О.А., Есаков, А.В. О целесообразности классификации корпоративных прав // Юрист. 2024. № 2. С. 14 - 18.

233. Малютина, О.А. Злоупотребление правом как способ ограничения конкуренции // Хозяйство и право. 2023. № 8. С. 50 - 60.

234. Малявина, Н.Б. Принцип добросовестности в совершении сделок и его роль в признании сделок недействительными // Юрист. 2024. № 3. С. 30 - 34.

235. Матанцев, Д.А. Основные подходы к пониманию сущности злоупотребления гражданским правом: критический анализ // Вестник Бурятского университета. 2012. № 2. С. 223-227.

236. Мельникова, Т.В., Машарова, Ю.Ц., Шаляева, Ю.В. К вопросу о правовой природе бездокументарных ценных бумаг // Гражданское право. 2024. N 5. С. 20 - 22.

237. Механошина, Н.А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6. С. 172-176.

238. Микрюков, В.А. Принцип добросовестности - новый нравственный ограничитель гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 6 (198). С. 17 – 24.

239. Микрюков, В.А. Правовые плеоназмы в корпоративном законодательстве // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 2. С. 28 - 32.

240. Миннирес, И.А. Доктринальное толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 3. С. 296.

241. Митрахович, А.С. Добросовестность при защите прав участников гражданско-правового сообщества // Отечественная юриспруденция. 2019. № 1 (33). С. 28-32.

242. Михеева, И.В. Злоупотребление правом корпоративных правоотношений, анализ и инновации борьбы с ними // Студенческий форум. 2022. № 43-2. С. 47-49.

243. Мосин, С.А. Свойство конституционного принципа добросовестности субъектов правоотношений // Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 1. С. 27 – 45.

244. Могилевский, П.С. Принцип добросовестности в гражданском праве Российской Федерации // Гражданское право. 2023. № 6. С. 6 - 8.

245. Мусарский, С.В. Основные судебные и научные подходы к сущности (критериям) злоупотребления правом в современном российском гражданском праве // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 57 - 70.

246. Мхитарян, Л.Ю. Понятие добропорядочности: от морально-нравственного качества к принципу права // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 2 (5). С. 44-52.

247. Нам, К.В. История развития принципа добросовестности в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С. 63-97.

248. Новикова, Т.В. Презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений: значение и практическое применение // Альманах современной науки и образования. 2017. № 7-2. С. 127-128.

249. Новицкий, И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. Петроград, 1916. № 6. С. 56-90.

250. Новицкий, И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. 1916. № 7. С. 85-106.

251. Ноянова, А.А. Морально-этические проблемы неисполнения обязанностей и злоупотребления правами участниками арбитражного судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 8. С. 8.

252. Нуртдинова, Э.А. К вопросу о понятии добросовестности в российском гражданском праве // Отечественная юриспруденция. 2017. № 9 (23). С. 17-20.

253. Овдиенко, Е.Б. Критерии добросовестности поведения участников гражданского оборота // Закон и право. 2016. № 7. С. 36-38.

254. Овдиенко, Е.Б. Соблюдение принципа добросовестности при индивидуальном регулировании обязательств // Закон и право. 2020. № 12. С. 82-84.

255. Пашин, В.М. Институт злоупотребления субъективными правами *de lege ferenda* // Актуальные проблемы гражданского права: сборник статей. Вып. 7. Москва : Норма, 2003. С. 28.

256. Пермиловский, М.С. Традиционные российские духовно-нравственные ценности и российские конституционные ценности: догматическое соотношение // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 11. С. 20 - 24.

257. Петухов, С.В. Добросовестность и разумность в механизме субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Юрист. 2024. № 10. С. 22 - 28.

258. Полякова, Н.Г. Принцип добросовестности в муниципальных правоотношениях // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 62 - 67.

259. Пермяков, А.В., Кириллов, Д.А. Межотраслевой модельный подход к разграничению добросовестности и невиновности в гражданском праве России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-

экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 155-170.

260. Петрова, М.В. Понятия «добросовестность» и «добросовестный приобретатель» в правовой доктрине и законодательстве российской федерации// Молодой ученый. 2017. № 21 (155). С. 341-344.

261. Пилипенко, А.А. Научно-нормативное моделирование добросовестности участников гражданских правоотношений // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 3. С. 94-100.

262. Попелюх, А.А. Понятие и критерии добросовестности давностного владельца: юридико-догматический и сравнительно-правовой аспекты // Вестник гражданского права. 2024. № 1. С. 148 - 163.

263. Попова, Л. Понятие добросовестности в языке российского права: история и современность // Юрислингвистика. 2019. № 11 (22). С. 19-23.

264. Пушкина, А.В. Развитие понятия добросовестности в гражданском законодательстве России // Liber Amicorum в честь профессора Абовой Тамары Евгеньевны. Современное гражданское обязательственное право и его применение в гражданском судопроизводстве. Сборник статей. 2019. С. 251-256.

265. Пшеунов, А.М. Принцип недопустимости злоупотребления правом в налоговых правоотношениях // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 8. С. 35 - 40.

266. Решетникова, И.В. Многоликая добросовестность в процессуальном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 2. С. 54 - 60.

267. Румак, В. Реформа корпоративного права в России продолжается [Интервью с А.К. Нестеренко] // Закон. 2019. № 1. С. 8 - 17.

268. Самигулина, А.В. Гражданско-правовая защита прав инвесторов в процессе эмиссии и обращения ценных бумаг // Вестник арбитражной практики. 2021. № 1. С. 45 - 53.

269. Свирин, Ю.А. Принцип добросовестности в истории

цивилистического права // Современное право. 2017. № 8. С. 134-136.

270. Семякин, М.Н. Начало добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих организаций: теоретический и практический аспект исследования // Юрист. 2023. № 1. С. 39 - 44.

271. Сильвенойнен, Т. К. Существенное нарушение договора как основание изменения и расторжения гражданско-правового договора // Молодой ученый. 2018. № 50. С. 272-275.

272. Синицын, С.А. Право на дивиденд: возникновение, содержание, осуществление и защита // Вестник гражданского права. 2018. Т. 18. № 4. С. 91 - 131.

273. Скловский, К.И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 2. С. 94-118.

274. Снытникова, Н.В. Некоторые особенности рассмотрения гражданских дел об изменении или расторжении предпринимательского договора: материально-правовой аспект // Вестник ТвГУ. Серия Право. 2022. № 4. С. 123-130.

275. Снытникова, Н.В. Изменение и расторжение договоров в сфере предпринимательской деятельности в судебном порядке: некоторые проблемы правоприменения // Вестник арбитражной практики. 2022. № 6 (103). С. 10-18.

276. Снытникова, Н.В. Проблемы изменения и расторжения договора в сфере предпринимательской деятельности: правоприменительный аспект // Право и экономика. 2023. № 8. С. 62-67.

277. Снытникова, Н.В. Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение / Н.В. Снытникова // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10. С. 33-36.

278. Снытникова, Н.В. Добросовестность в корпоративных правоотношениях: природа и проблемы реализации / Н.В. Снытникова // Право и экономика. 2025. № 2.

279. Снытникова, Н.В. Природа, особенности и виды злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях / Н.В. Снытникова // Право и государство: теория и практика. 2025. № 2. (0,5 п. л.).

280. Соловьева, Т.В. Оценка добросовестности поведения участников гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 8. С. 13-16.

281. Соломина, Н.Г. Несправедливые условия в контексте реализации защитных средств сторон предпринимательского договора // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 14 - 19.

282. Соломин, С.К., Соломина Н.Г. Недействительность предпринимательского договора // Вестник арбитражной практики. 2020. № 3. С. 28 - 34.

283. Соскиева, А.А. Применимость континентального принципа добросовестности к заверениям об обстоятельствах // Вестник арбитражной практики. 2023. № 2. С. 41 - 51.

284. Суханов, Е.А. Корпоративное право в Гражданском кодексе РФ (к 30-летию принятия первой части ГК РФ и 10-летию ее реформы) // Вестник гражданского права. 2024. № 5. С. 56 - 67.

285. Старицын, А.Ю. О злоупотреблении правом в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 7. С. 7 - 10.

286. Стригунова, Д.П. Оговорки в международных коммерческих договорах с участием российских предпринимателей // Гражданское право. 2024. № 1. С. 34 - 37.

287. Ступин, П.А. Принцип добросовестности в спорах о правах на недвижимость с участием государственных органов // Российская юстиция. 2024. № 10. С. 71 - 80.

288. Темзоков, А.Р. Реализация принципа добросовестности в современном гражданском праве // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития: сборник трудов

конференции. Краснодар: Издательство Научно-исследовательского института актуальных проблем современного права, 2018. С. 158 – 160.

289. Трешкина, А. А. Проблемы регулирования договорной работы по Федеральному закону № 44-ФЗ // Молодой ученый. 2020. № 50. С. 329.

290. Улетова, Г.Д. О предмете и методе правового регулирования и самостоятельности исполнительного права сквозь призму общетеоретических исследований и взглядов А.Т. Боннера: новый виток дискуссии // Вестник гражданского процесса. 2022. № 4. С. 77 - 119.

291. Усольцев, Е.Ю. Интерес как основание квалификации злоупотребления потребителем правом // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 131 - 139.

292. Усольцев, Е.Ю. Проблема определения и соотношения понятий «недобросовестность», «злоупотребление правом» и «шикана» // Современный юрист. 2022. № 1. С. 49 - 58.

293. Федин, И.Г. Актуальные вопросы развития предмета доказывания в арбитражном и гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 3.

294. Федин, И.Г. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4 (89). С. 21-30.

295. Федин, И.Г. Соотношение понятий «добросовестность», «недобросовестность» и «злоупотребление правом» // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства. Сборник статей Международной научно-практической конференции. 2017. С. 221-228.

296. Филатов, А.А. Особенности защиты прав и интересов инвесторов с применением корпоративного договора на уровне избираемых органов хозяйственного общества // Гражданское право. 2023. № 5. С. 14 - 17.

297. Флейшиц, Е.А. Рецензия на книгу С.Н. Братуся «Юридические лица в советском гражданском праве» // Социалистическая законность. 1948. № 2. С. 29.

298. Хаджимурадова, Т.Х. Расторжение договора подряда в судебном порядке // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 6. С. 8-10.
299. Харитонов, Ю.С. Трансформация основных институтов корпоративного права в условиях цифровой экономики // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2024. № 1. С. 23 - 26.
300. Халыгов, Н.Г. Проблема определения понятия «злоупотребление правом» в контексте современных теорий // Социология и право. 2019. № 4 (46). С. 95-105.
301. Шайхутдинов, Е.М. Злоупотребление правом в сфере экономической деятельности // Российская юстиция. 2024. № 3. С. 27 - 33.
302. Шаргородский, М.Д., Иоффе, О.С. О системе советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 101-110.
303. Шевчук, Д.А. Злоупотребление правом участниками корпоративных правоотношений // Вестник арбитражной практики. 2024. № 4. С. 36 - 42.
304. Шер, М., Гайдаенко Шер, Н.И., Зайцев, О.В. Принудительное исполнение решений третейских судов в России - случился опасный судебный прецедент // Вестник гражданского процесса. 2020. № 5. С. 101 - 117.
305. Шионок, К.С. Признаки злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях // Вестник науки и образования. 2020. № 2-1. С. 40-43.
306. Шиткина, И.С. Основные направления развития корпоративного законодательства и тенденции правоприменительной практики // Предпринимательское право. Приложение "Право и Бизнес". 2018. № 2. С. 5 - 16.
307. Шишкина, А. Исследование судебной практики по спорам с индивидуальными предпринимателями по вопросам исполнения договоров // Трудовое право. 2022. № 6. С. 35 - 42.
308. Шрам, В.П. Интересная книга о злоупотреблении правом // Государство и право. 1997. № 4. С. 122.

309. Щенникова, Л.В. Добросовестность как требование, обращенное к участникам гражданского оборота, и создание эффективных механизмов, обеспечивающих его исполнение // Законодательство. 2020. № 9. С. 31-36.

310. Эстоев, З.А. Понятие и содержание добросовестности в гражданском праве РФ // Актуальные вопросы развития юридической науки: вопросы теории и практики. Сборник научных статей по материалам Вузовской научно-практической конференции. 2019. С. 392-395.

311. Яковлев, В.Ф., Талапина, Э.В. Юридические лица и субъекты публичного права: в поисках правового баланса // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 125 - 140.

312. Яковлев, В.Ф., Талапина, Э.В. Роль публичного и частного права в регулировании экономики // Журнал российского права. 2012. № 2. С. 5 - 16.

313. Яковлев, В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве // Журнал российского права. 2008. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

314. Яковлев, В.Ф. О понятии правовой ответственности // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 5 - 7.

315. Яценко, Т.С. Понятие добросовестного поведения в зарубежном гражданском праве // Нотариус. 2013. № 8. С. 36 - 38.

Диссертации и авторефераты диссертаций

316. Астемирова, Л.А. Презумпции в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 168 с.

317. Бармина, О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 195 с.

318. Белоножкин, А.Ю. Содержание и формы злоупотребления субъективным гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03.

Волгоград, 2005. 206 с.

319. Беребеня, Н.В. Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 31 с.

320. Беребеня, Н.В. Теоретические основы современной системы принципов гражданского права России: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 205 с.

321. Боловнев, М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск: Изд-во ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2018. 234 с.

322. Бодгаев, Д. Б. Административный договор как правовая форма государственного управления в сфере предпринимательской деятельности [Текст]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2019. 229 с.

323. Васильченко, Д.Д. Конкурсная трансформация заключения и исполнения договора об осуществлении прав участников общества: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 207 с.

324. Волков, А.В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

325. Ворожевич, А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: диссертация ... доктора юридических наук : 12.00.03;. М., 2021. 546 с.

326. Груздев, О. С. Применение гражданско-правовых договорных конструкций к своп-договору: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 2019. 233 с.

327. Гудовских, Т. С. Механизм восполнения открытых условий гражданско-правовых договоров: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ульяновск, 2019. 203 с.

328. Дурново, Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01.

Нижний Новгород, 2006. 170 с.

329. Ем, В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981.

330. Емельянов, В.И. Недопустимость злоупотребления гражданскими правами по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2001. 156 с.

331. Зайцева, С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики): дисс. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2003. 198 с.

332. Зейналова, Р.А. Незаклѣнность гражданско-правового договора: проблемы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Иркутск, 2018. 197 с.

333. Зурабян, А.А. Корпоративные правоотношения как вид гражданских правоотношений. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2008. 32 с.

334. Ибрагимова, М.В. Злоупотребление субъективным гражданским правом (понятие, сущность, виды и последствия): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Рязань, 2005. 161 с.

335. Ковалева, Н.А. Злоупотребление правом по гражданскому законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2005. 165 с.

336. Кузнецова, О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007. 430 с.

337. Лукьяненко, М.Ф. Оценочные понятия гражданского права (теоретико-правовой анализ и практика правоприменения): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

338. Малиновский, А.А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: дис. ... доктора юрид. наук. Москва, 2009. 404 с.

339. Мягкова, О. И. Несправедливые условия договора в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2019. 224 с.

340. Нам, К.В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

341. Наумов, А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 144 с.

342. Наумов, А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: автореф. дисс. канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.

343. Никифоров, С. А. Соглашение о государственно-частном партнерстве как форма взаимодействия публичного и частного субъектов и его гражданско-правовая квалификация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2021. 203 с.

344. Пономарев, Б.А. Соглашение о государственно-частном партнерстве в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Казань, 2019. 207 с.

345. Поротикова, О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Саратов, 2002. 206 с.;

346. Рыков, Д.А. Недействительность сделок должника в деле о банкротстве: гражданско-правовые аспекты: дисс... канд. юрид. наук. Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. 185 с.

347. Сидоркина, М.С. Условия действительности договора в праве Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Екатеринбург, 2021. 227 с.

348. Смирнова, Я.А. Злоупотребления корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: дисс. канд. юрид. наук. М., 2019. 246 с.

349. Советников, И.В. Злоупотребления правом в избирательном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. М., 2006. 195 с.

350. Татарников, А.В. Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 30 с.

351. Татарников, А.В. Принципы разумности и добросовестности в

гражданском праве России: диссертация кандидата юридических наук / А.В. Татарников. Москва, 2010. 169 с.

352. Улетова, Г.Д. Источники исполнительного права Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007. 63 с.

353. Усачева, К.А. Возвращение полученного как последствие расторжения нарушенного договора: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. 257 с.

354. Федина, Л.М. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из договора поставки для органов внутренних дел Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Грозный, 2018. 191 с.

355. Юдин, А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. 537 с.

Судебные акты

356. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 № 14 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» [Текст] // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7.

357. Определение Конституционного Суда РФ от 25 июля 2001 года № 138-О // Российская газета. 07.08.2001.

358. Определение Верховного Суда РФ от 28.08.2023 № 305-ЭС22-28611 по делу № А40-260466/2021 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.04.2024).

359. Определение Верховного Суда РФ от 15.09.2014 № 305-ЭС14-67 по делу № А40-74217/2013 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.04.2024).

360. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2015 по делу № 32-КГ14-

17. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный.
– URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2024).

361. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.08.2020 № 309-ЭС20-2354(1,2) по делу № А50-23227/2018 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.04.2024).

362. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8, Российская газета. 30.06.2015.

363. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 30.07.2013) // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

364. Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» // Российская газета. 21.10.2006.

365. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Российская газета. 10.08.2013.

366. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. 05.04. 2016.

367. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 30.11.2016.

368. Постановление Президиума ВАС РФ от 22.11.2011 № 17912/09 по

делу № А54-5153/2008/С16 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.04.2024).

369. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.08.2018 № 18АП-8346/2018 по делу № А34-1605/2018 // // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 10.04.2024).

370. Решение от 23 марта 2021 г. по делу № А38-45789/2021 Арбитражного суда Московской области. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.04.2024 г.).

371. Решение от 12 февраля 2021 г. по делу № А34-35893/2021 Арбитражного суда Московской области. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 17.04.2024 г.).

372. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа № Ф06-25283/2022 от 11.11.2022 по делу № А06-1529/2021. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 23.08.2024).

373. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.04.2017 № 09АП-15032/2017 по делу № А40-187255/2016. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 23.04.2024).

374. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-3122/2020 от 21.09.2020г по делу № А58-11025/2018. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». 4– Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

375. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-6157/2022 от 20.02.2023 по делу № А58-8929/2021. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

376. Постановление Арбитражного суда Центрального округа № Ф10-

842/2023 от 03.04.2023 по делу № А08-74/2022. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2024).

377. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-7799/22 от 01.11.2022 по делу № А60-5816/2022. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

378. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-6157/2022 от 20.02.2023 по делу № А58-8929/2021. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

379. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа № Ф02-4439/2021 от 31.08.2021 г. по делу № А33-29445/2020. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

380. Постановление ФАС Уральского округа от 02.07.2014 № Ф09-4760/13 по делу № А60-33779/2012. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

381. Постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-18314/2021 от 02.08.2021 по делу № А40-78892/2020. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

382. Постановление ФАС Московского округа № Ф05-6646/2014 от 30.06.2014 по делу № А40-129836/13. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст : электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

383. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08-6744/2022 от 01.08.2022 г. по делу № А63-13038/2020 // Справочно-

правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 18.04.2024).

384. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа № Ф08-13580/2022 от 12.01.2023 по делу № А20-1852/2022. // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

385. Постановление ФАС Поволжского округа от 26.01.2007 по делу № А57-10213/06-25 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.04.2024).

386. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.12.2011 № 10590/11 по делу № А40-3958/10-62-51 // Вестник ВАС РФ. № 4. 2012.

387. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24 марта 2022 г. № Ф01-8054/2021 по делу № А43-27224/2020 // СПС КонсультантПлюс.

388. Определение Верховного Суда РФ от 5 октября 2023 г. по делу № А40-206341/2018 // СПС КонсультантПлюс.

389. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 04.04.2012 по делу № А21-791/2011. – Справочно-правовая система «Консультант Плюс». – Текст: электронный. – URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 19.04.2024).

390. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы»// СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

391. Решение от 25 марта 2021 г. по делу № А38-48789/2021 Арбитражного суда Московской области. URL: <http://sudact.ru/> (дата

обращения: 18.04.2024 г.).

392. Решение от 26 марта 2021 г. по делу № А38-48797/2023 Арбитражного суда Московской области. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 18.04.2024 г.).

393. Решение от 28 марта 2021 г. по делу № А38-48869/2021 Арбитражного суда Московской области. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 18.04.2024 г.).

394. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.08.2008 № Ф08-4984/2008 по делу № А53-20999/2007-С1-36 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.04.2024).

395. Решение № 2-2615/2015 2-2615/2015~М-1445/2015 М-1445/2015 от 16 июня 2015 г. Головинского районного суда г. Москвы по делу № 2-2615/2015 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.04.2024).

396. Решение № 2-752/2016 от 1 апреля 2016 г., вынесенное Чертановским районным судом г. Москвы по делу № 2-752/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.04.2024).

397. Решение № 2-1626/2016 2-1626/2016~М-671/2016 М-671/2016 от 16 марта 2016 г., вынесенное Гагаринским районным судом г. Москвы по делу № 2-1626/2016 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.04.2024).

Акты административных органов

398. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 25.08.2008 № Ф08-4984/2008 по делу № А53-20999/2007-С1-36 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.04.2024).

399. Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 11.10.2004 № Ф08-4470/04 по делу № А32-13089/04- 17/239 // СПС Консультант Плюс.

400. Постановление ФАС Поволжского округа от 26.01.2007 по делу №

А57-10213/06-25 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.04.2024).

401. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.07.23 по делу № А83-23541/2021 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

402. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 25.01.2023 № 10АП-26149/2022 по делу N А41-40662/2022 // СПС КонсультантПлюс.

403. Дело Арбитражного суда Московского округа от 16.07.2019 № Ф05-10877/2019 № А41-16750/2018 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

404. Дело Арбитражного суда № А41-22246/2017 ОАО «Молочный комбинат «Ступинский» / Адвокатская газета / [Электронный ресурс] – режим доступа – <https://www.advgazeta.ru/mneniya/o-realizatsii-preimushchestvennogo-prava-priobreteniya-aktsiy/>

405. Дело Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 08.07.2019 № Ф08-4661/2019 № А32-38370/2018 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

406. Дело Арбитражного суда Дальневосточного округа от 28.10.2021 № Ф03-5588/2021 № А51-2090/2020 // [Электронный ресурс] СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

407. Дело Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.10.2020 № Ф07-8630/2020 № А42-10553/2017 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

408. Дело Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2020 № Ф09-5239/20 № А07-16137/2019 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

409. Дело Арбитражного суда Центрального округа от 29.11.2016 № Ф10-4313/2016 № А35-8091/2013 // [Электронный ресурс] / СПС Консультант

Плюс – режим доступа - <https://www.consultant.ru/>

Электронные ресурсы

410. Мусарский С.В. Об ошибочности отнесения к актам злоупотребления правом действий по осуществлению субъективных прав в противоречии с их назначением (целью). URL: <https://internet.garant.ru> (дата обращения: 10.04.2025).

411. Сулейменов М.К. Добросовестность в гражданском процессе // Информационная программа «Параграф»: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35533636. С. 1.

Издания на иностранном языке

412. Black H.C. Dictionary of law. St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1891. P. 543.

413. D'Angelo A. La Buona Fede // Il Contratto in Generale. T. 4 / Trattato di Diritto Privato / Diretto M. Bessone. Torino. 2000. P. 156.

414. Colombo S. Good Faith: The Law and Morality // Denning law journal. 1993. P. 23 – 59.

415. Manukka Jory. Harmonization of Contract Law: In Search of a Solution to the Good Faith Problem. Stockholm: Stockholm Institute for Scandinavian Law. 2002. P. 38.

416. Portulans institute [Электронный ресурс]: инф. служба – 2023. - Режим доступа: <https://networkreadinessindex.org/country/russian-federation/>.

417. Puchta G. Pandekten. Leipzig: Verlag von Ambrosius Barth, 1853. S. 233.

418. Reinhold S. Good Faith in International Law // UCL Journal of Law and Jurisprudence. 2013. No. 2. 40 - 63.

419. Savigny F.C. System des heutigen Römischen Rechts. Bd. III. Berlin: Veit, 1841. S. 369.

420. Taussig E.B. Broadening the Scope of Judicial Gatekeeping: Adopting the Good Faith Doctrine in Class Action Proceedings // St. John's Law Review. 2010. Vol. 84. No. 1. P. 1 - 94.

421. Uda G.M. L'oggetivo della buona fede nella esecuzione del Contratto. Roma, 2001. P. 11.

422. Wieacker F. Zur rechtstheoretischen Prazisierung des § 242 BGB. Tübingen, 1956. S. 20.